

Иван Корбач

*Посвящаю моим боевым
друзьям-кубинцам*

Солдаты в клетчатых рубашках

Записки участника
военно-стратегической операции "Анадырь"
на Кубе

Киев
Полиграф Консалтинг
2006

ББК-63.3 (7 куб)

Корбач Иван Михайлович

Солдаты в клетчатых рубашках (записки участника военно-стратегической операции «Анадырь» на Кубе). — К.: ПолиграфКонсалтинг, 2006. — 168 стр., ил.)

"Солдаты в клетчатых рубашках" — книга-воспоминание участника военно-стратегической операции "Анадырь" на Кубе. Автор восстанавливает картину Карибского кризиса 1962-1963 гг., рассказывает о Советских солдатах и офицерах, защищавших независимость Острова Свободы.

Как журналист и военный корреспондент, И. Корбач побывал в самых отдаленных уголках Кубы, встречался с многими руководителями и рядовыми участниками Кубинской революции.

В книге идет речь о некоторых фактах, событиях и документах, которые долгое время были неизвестны или мало известны и лишь последние годы преданы гласности.

Автор выражает искреннюю признательность **Анатолию Яковлевичу Карпенко**, президенту ЗАО "Полос", депутату Киевсовета (III и IV созывов), президенту фонда "Дзвін надії" заслуженному работнику сферы услуг Украины за деловое содействие в издании этой книги.

ISBN 966-8440-70-6

© КОРБАЧ И.М., 2006
© "ПолиграфКонсалтинг"
2006

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пришла пора рассказать	4
Убыть туда, неизвестно куда	7
Солдаты в клетчатых рубашках	13
Здравствуй, остров свободы!	22
Тревожные дни	34
Октябрь-62	47
Военная блокада	53
Мир на грани катастрофы	61
В ожидании разрядки.....	64
Плайя-хирон — по местам боев.....	83
Декабрь-62	87
Необычная поездка, необычные встречи	92
На празднике революции	118
Переговоры о нашей судьбе.....	131
Курсом на родину	144
Где же вы сейчас, друзья-однополчане	152

ПРИШЛА ПОРА РАССКАЗАТЬ

Уходят в прошлое события и даты, остается только память о них. И документы — этот "хлеб" историков. Многие из тех событий, о которых пойдет речь, до настоящего времени не получили достаточной известности, остаются засекреченными. И прежде всего — об участии советских солдат и офицеров в исполнении так называемого интернационального долга.

Более чем в 70 странах мира советским военнослужащим пришлось сражаться, участвовать в вооруженных конфликтах, часто в невероятно тяжелых условиях. Воевали наши ребята в горах Афганистана, джунглях Вьетнама, субтропиках Кубы, саваннах Анголы, в Северной Корее, Лаосе, Объединенной Арабской Республике Египет, Йемене, Сирии, Камбодже (Кампучии), Бангладеш, Мозамбике, Венгрии, Эфиопии, Никарагуа и других странах. Это только после 1950 года. Следует вспомнить, что в 30-е годы прошлого века были еще интернациональные бригады в Испании, боевые действия на монгольской реке Халхин-Гол, в Китае.

Многие наши воины сложили головы в вооруженных конфликтах на чужих землях, часто не зная, за что и во имя чего они рисковали жизнью. Далекое не всегда знали родители, где, в каких краях пал их сын, где похоронен. Обычно сообщалось: "Погиб при исполнении интернационального долга". Часто этот долг объявлялся государственной тайной, а его солдаты оказывались безымянными. Хотя весь мир знал, где сражаются советские воины, нередко публиковались их фотографии. Но только для советского народа это была тайна за семью печатями.

Одним из таких интернациональных событий, которое вызвало большой международный резонанс и по сегодняшний день будоражит память людей, был Карибский кризис на Кубе. Спустя 17 лет после окончания Второй мировой войны мир оказался над пропастью третьей, на этот раз термоядерной, войны. Конфликт, возникший вокруг Кубы, приобрел глобальный характер. Эти события освещали средства массовой информации почти всех стран мира. И лишь советские люди, чьи сыновья оказались на переднем крае конфликта, не знали или почти не знали о них ничего, обходились слухами, догадками или радиоинформацией иностранных агентств — "Голос Америки", "Би-би-си".

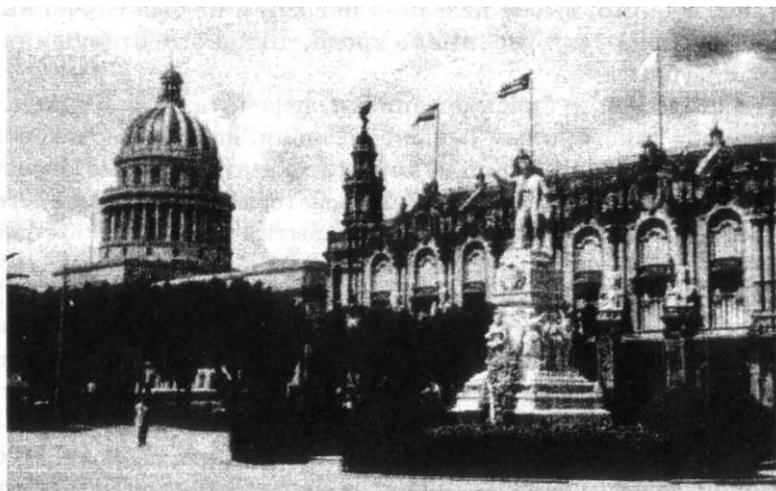
Почти сорок лет лежали в моем письменном столе кубинские записки. Я не надеялся на то, что когда-нибудь их можно будет издать и они увидят свет. И только в наше время появилась возможность раскрыть секреты прошлого, то, свидетелем и участником чего было мое поколение, но о чем оно не могло сказать в полный голос, а о многом, откровенно говоря, оно само в тот момент не знало.

Семь месяцев я провел в составе группы советских войск на Кубе, в эпицентре событий, отголоски которых волной прокатились по всему миру. И только в середине 80-х годов прошлого века, почти четверть века спустя, начались приоткрываться занавесы, раскрываться тайны о тех опасных для мира днях. В начале 1989 г. в Москве состоялся совместный симпозиум бывших участников Карибского кризиса — кубинских, советских и американских военачальников, дипломатов, историков, журналистов. Стороны начали раскрывать карты. Оказывается, у кубинской операции было советское кодированное название — "Анадыр". Кстати, я когда-то служил возле этого чукотского поселка. Видимо, выбор названия операции не был случайным. Холодный Ана-дырь не имел, вроде, никакого отношения к жаркой Кубе.

Я достал свои кубинские записки, перечитал их. И увидел в них немало такого, о чем раньше не знали, да и сейчас не знают наши люди. Значит, пришла пора рассказать. Но сразу возник вопрос: как это лучше сделать? Дать материал с оценками сегодняшнего дня или так, как виделись события в 1962—1963 годах? Многое в моих оценках кажется наивным и односторонним. Я был всего лишь капитаном, редактором дивизионной газеты. Но как журналист имел возможность объездить всю Кубу, встречаться и беседовать со многими деятелями Кубинской революции, рядовыми кубинцами, видеть остров Свободы в дни кризиса и после него.

И я решил ничего не менять в своих прежних записях. Пусть они будут голосом своего времени, в котором мы жили и Родине служили. Правильно или неправильно мы думали и действовали — об этом легко судить спустя десятилетия. Сейчас находится немало умников, бросающих камень в предшествующее поколение. Но мы были детьми своего времени и действовали так, как оно велело. Мы выполняли свой воинский долг, оказывали помощь братским народам, помогая им выстоять в борьбе. Но что из этого вышло — пусть рассудит время.

Карибский кризис был суровым уроком истории. Но все ли государства сделали необходимый вывод из этого урока? Соединенные Штаты за все время своего существования впервые ощутили реальную опасность у своих границ. И вынуждены были умерить свои претензии на мировое господство. Но после распада Советского Союза США повели себя как сверхдержава, диктующая свои условия многим народам мира. Пример тому — события в Югославии, Ираке, других странах. Так что есть необходимость освежить уроки прошлого. Да и нашей независимой Украине надо крепко подумать, стоит ли привязывать себя к чужой колеснице, чтобы не стать картой в чужой игре. В связи с этим многих поразила позиция Президента Украины В. Ющенко, осудившего в угоду США режим Фиделя Кастро. Но Куба остается единственной страной мира, не свернувшей с пути социалистического развития. Несмотря на экономическую и военную блокаду со стороны США, Куба гордо держит знамя Острова Свободы.

Гавана. Здание Капитолия. Памятник Х.Марти

УБЫТЬ ТУДА, НЕИЗВЕСТНО КУДА...

Служил я тогда корреспондентом редакции армейской газеты "На страже", и по ее заданию всю неделю провел на юге Украины в одном из авиационных полков истребителей, побывал и в дивизионах ракетчиков-зенитчиков. Из командировки возвратился ранним субботним утром. Надеялся предстоящие два дня посвятить семье. Тяжело болела жена, требовала внимания пятилетняя дочь.

Вдруг на пороге дома появился посыльный из штаба армии. Сообщил:

— Товарищ капитан, вас срочно вызывает полковник Ганзюк.

— Зачем? — удивился я, собравшись идти в магазин и аптеку.

— Этого он не сообщил, — ответил прапорщик, — но предупредил — прибыть немедленно.

Я терялся в догадках — зачем я понадобился заместителю начальника политотдела армии, да еще в субботу.

Через час был в кабинете полковника Ганзюка. Чувствуется, что он ждал меня, вроде обрадовался скорому появлению. Спросил, когда я возвратился из командировки.

— Сегодня, в восемь утра, — смотрю на часы: всего около трех часов.

— Вот и хорошо, — как-то неопределенно сказал. И вдруг — как ушатом холодной воды: — В понедельник утром вам надо быть в Днепропетровске. Предстоит продолжительная командировка.

— Товарищ полковник. Я же...

— Знаю! — твердо произнес Ганзюк. — Есть личное распоряжение командующего армии Покрышкина. Подписан приказ об откомандировании вас в распоряжение генерала Токаренко.

— Цель командировки? На какой срок? Нельзя ли выехать хотя бы в понедельник вечером? У меня тяжело больная жена, малая дочь. Многого надо успеть.

— О цели командировки ничего сказать не могу, — заявил полковник. Признался: — Потому что и сам не знаю. Задание получите на месте. Но выехать надо завтра, в воскресенье, вечерним поездом. Вот для вас командировочное предписание, деньги на билет.

Это уже был приказ. Мои слова о больной жене полковник или пропустил мимо ушей, или воспринял как попытку не вы-

полнить приказ командующего. И я, и полковник Ганзюк хорошо понимали, чем это могло закончиться для офицера, для его дальнейшей службы.

Ответил: — Есть! И повернулся через левое плечо.

В Днепропетровске размещался штаб дивизии ПВО, которой командовал Герой Советского Союза генерал-майор авиации М.К. Токаренко. Под его началом я служил на Курильских островах, затем — на Чукотке. Там написал о Михаиле Кузьмиче, фронтовом летчике-истребителе, брошюру "Всегда в полете", вышедшую в Дальневосточном издательстве. Так что с Михаилом Кузьмичем был хорошо знаком, и я был уверен, что он все поставит на свое место. Тем более, что совсем недавно мы встречались в Киеве, долго вспоминали наши дальневосточные края.

Я уже собрался из штаба уходить домой, как навстречу мне по коридору спешил полковник Ганзюк:

— Хорошо, что я вас застал. Я связался с Токаренко. Он разрешил выехать в понедельник. Так что улаживайте семейные дела.

Полный смятения, разных догадок, сильно обеспокоенный тем, как обо всем сообщить жене, возвращался я домой. Но иного выхода нет, надо сказать все, как есть. Получен приказ и "хочу-нехочу" отменяется.

Третий год как я возвратился с Чукотки, живем в общежитии с коридорной системой. У нас девять соседей, общая кухня на две плиты, общий санузел, все семьи военных, 36 человек, всегда стоит шум и гам. Но живем дружно, главы семейств — от старшины до подполковника. Оставляя семью, я надеялся на соседей, в случае необходимости помогут жене. Тем и утешался. Труднее всего было ответить на вопрос: куда и на какое время уезжаю, когда возвращусь.

Воскресный день прошел в сборах, в штабе даже не сказали, что брать с собой. "Собирайтесь, как в командировку, — ответили в отделе кадров, — мыло, зубная щетка..."

В понедельник утром я поспешил в редакцию. Хорошо, что есть день для утряски дел. Надо еще забежать в госуниверситет на факультет журналистики, где я учился заочно, написать заявление об академическом отпуске по служебным обстоятельствам.

Редактор, полковник Портнов, прикрыв дверь кабинета, спросил:

— Говори: куда и зачем?

— Петр Николаевич, честное слово — не знаю!

— Ладно, — не верит редактор. — Я по своим каналам разведую. Езжай, место для тебя в редакции будем держать вакантным... Через неделю на мое место был назначен другой офицер. Но

это — к слову. И насчет помощи семье было обещано, но, к сожалению, никто так и не поинтересовался ее состоянием. Это тоже к слову.

Провожали на железнодорожном вокзале жена и дочь. Я долго смотрел, пока мог, из окна вагона уходящего поезда затуманенным взглядом на две сиротливые фигуры, стоявшие на перроне.

Прибыв утром в штаб дивизии, я застал всех в движении. Полным ходом шла подготовка частей и подразделений к отправке "в командировку". Встречаю многих знакомых офицеров, среди них и врач — Володя Орлов, с которым служили на Дальнем Востоке. Поздоровались, обнялись и почти одновременно задали друг другу один и тот же вопрос:

— Куда?

И оба рассмеялись. Орлов считал, что мне-то в высшем штабе удалось кое-что узнать. Я же полагал, что здесь, на месте ситуация уже прояснилась. Но, оказывается, никто ничего определенного сказать не мог.

— Сегодня вечером Кузьмич летит в Москву, к Хрущеву, - сообщил Орлов. — Может, после этого получим точный приказ. Иди, докладывай командиру...

Я поспешил в кабинет генерала Токаренко. Он как раз был один, хотя непрерывно звонили телефоны и командир дивизии отдавал одно за другим распоряжения.

Выслушав мой доклад, крепко пожал руку, посмотрел на часы. Сообщил:

— Назначаешься редактором дивизионной газеты. Об остальном ничего не спрашивай. Сегодня в двадцать ноль-ноль приходи на Фучика. Там и поговорим....

— Есть в двадцать ноль-ноль! — повернулся через левое плечо. В кабинет командира дивизии уже заходили вызванные на совещание офицеры.

На Фучика, 44 жил М. К. Токаренко, я хорошо знал его жену Дину Семеновну. Значит, будем ждать вечера. В киоске захватил местные и центральные газеты. Сейчас с каким-то особым восприятием пропускаю через сознание газетную информацию по стране и зарубежную. Маршал авиации Вершинин в Индонезии заявил: "Мы поможем освободить Западный Иран". Может, и мы

будем участвовать в этом освобождении? В Москву приехал Рауль Кастро — в "Известиях" снимок возглавляемой им кубинской военной делегации. Не о нашей ли судьбе идут переговоры? Непокойно в Южном Китае. Тайвань готовит "прыжок дракона" на материк. Вдруг понадобится наша помощь в защите КНР? Ведь в свое время советские добровольцы участвовали в боях на стороне революционных войск Китая.

Вопросы, прогнозы, предложения, беспокойные мысли. На душе очень неуютно: как там жена, дочь? Запомнились большие, круглые удивленные глаза пятилетней Тани. Она привыкла к тому, что папа часто уезжал в командировку. Но почему этот отъезд такой тревожный?

Получаем противогазы, пистолеты, фотографируемся на документы, заполняем различные анкеты. Я уже представился начальнику политотдела полковнику Анатолию Доминиковичу Ждановичу. Белорус, бывший летчик, рослый, спокойный, немногословный, доброжелательный. Показал мне походную типографию, познакомил с личным составом редакции. В ее штате — три офицера и четыре солдата. Но, кроме меня, никто ни одного дня в редакции не работал! Оба офицера — бывшие замполиты рот. Мой заместитель — старший лейтенант Аркадий Артемов, худощавый, чуть нервный, какой-то настороженный, недовольно сообщил:

— Натерпимся мы, товарищ капитан, с такой командой... Зато корреспондент капитан Евгений Оводков полон оптимизма.

— Не говори так "плаксиво", друг мой Аркадий, — почти по Тургеневу возразил Оводков, заменив лишь слово "красиво". Мне сразу понравился Евгений Васильевич. Симпатичный, энергичный, с юмором. Учится на заочном факультете иностранных языков в Киевском госуниверситете им. Т.Г. Шевченко, заканчивает четвертый курс английского языка. Как и я, взял академический отпуск. Декану факультета сказал: "Поеду на практику по английскому языку..."

Из четырех солдат двое уже почти отслужили свое, двоим пошло по второму году. Начальник типографии — 25-летний школьный учитель Саша Козаченко, родом из Винницы. Дома жена и трехлетний сынишка. Призван после отсрочки. Уже собрался домой, но вот... Однако отнесся к задержке спокойно, понимая, что изменить в данной ситуации ничего нельзя.

В походной типографии — полевой минимум шрифтов, наборного оборудования. Набор, конечно, ручной, печатный станок типа

"американки", работает от двигателя, можно крутить и рукой. Мне все это знакомо по редакции на Курильских островах. Что ж, будем учиться на ходу.

Послушали лекцию о международном положении. Мир полон противоречий. Особенно обострились советско-американские отношения.

По радио — песни, информация о трудовых победах строителей коммунизма. На улицах, в кафе, магазинах города полно безработных людей. Июль — макушка лета, в разгаре отпускная пора. С завистью смотрю на праздничных, спокойных и веселых горожан. Конечно, у каждого есть свои жизненные проблемы. Но знают ли жители города, почему так неспокойны военные, заплаканы их жены, тревога застыла в глазах детей?

Встреча на квартире генерала Токаренко мало что прояснила. Михаил Кузьмич сильно озабочен, но вида не подает. За ужином с участием Дины Семеновны и жены Орлова Нелли, врача-терапевта, шли общие разговоры, воспоминания о Курилах. Мне Михаил Кузьмич шутя порекомендовал:

— Остри перо, редактор, думаю, что материала для твоих статей хватит. Еще и мемуары когда-нибудь напишешь. Не забудь упомянуть и нас с Володей.

Приезжие из других гарнизонов офицеры поселяются в гостинице. Я тоже здесь живу. Стоит душная, жаркая погода. Сосед по комнате прогнозирует: это для нас полезно. Вроде закалки. Нас ждет жаркий климат, ближе к экватору. И опять гадания: Индонезия, Куба, Китай, Афганистан? Даже берем в расчет Новую Гвинею, где когда-то бывал Миклухо Маклай. Кое-кто из офицеров выдает как достоверную информацию: "Стоять будем в Джакарте, прикрывая столицу Индонезии".

С нами поселился майор — ракетчик. Весной он прибыл в дивизию по замене с Крайнего Севера, не успел получить квартиру, устроить семью. Заметил:

— Нужна нам эта Индонезия, как зайцу колокольчик. Армия всегда в политике дыры от сквозняков прикрывает...

Все чаще звучат с трибуны слова об интернациональном долге советского воина, о защите государственных интересов.

Обстановка начинает проясняться. Объявлена погрузка в эшелоны. Направление южное. Слышно "Даешь Одессу! От нее до

Индонезии рукой подать". Индонезийский вариант почему-то многим кажется более вероятным и лучше кубинского. Ведь Куба — это под боком у Соединенных Штатов.

Погрузка идет в спешке, сроки сокращены. Почему-то вспомнилась Сибирь, станция Заозерная, сентябрь сорок четвертого. Вот так же спешно грузился стрелковый полк для отправки на фронт. А было это всего восемнадцать лет тому назад.

У вагонов заплаканные, с грустными лицами жены офицеров местного гарнизона. К отцам в полевой форме жмутся дети. Слышу просьбу-мольбу: "Ты с каждой станции хотя бы открытку. Будем знать маршрут. И сразу адрес высылай..."

Раздался сигнал отправки. Рядом со мной капитан обнимает жену с ребенком на руках, сына лет семи. Говорит ему: "Будь, Сережа, мужчиной, помогай маме..."

Трое суток мы колесим по железнодорожным путям юга Украины. На четвертые оказываемся в Севастополе. "Все, замели следы, — констатирует Оводков. — Ввели противника в заблуждение". Артемов хмуро роняет: "Маневр для дураков". Я высказываю догадки: "Подбирали в дороге остальных, посмотрите, эшелон увеличился на несколько вагонов".

Личный состав редакции дивизионной газеты.

На фото второй слева старший лейтенант А. Артемов — зам. редактора.
Крайний справа А. Козаченко — нач. типографии

СОЛДАТЫ В КЛЕТЧАТЫХ РУБАШКАХ

Выгружаемся на берегу. Офицерам и солдатам приказано срочно получить гражданскую одежду, переодеться. На складе — горы костюмов, рубашек, плащей, шляп, ботинок. Подбираем не по моде и качеству, а по размеру и росту. Большинство костюмов — шерстяные, плотные, рубашки клетчатые, плащи прорезиненные, черные, обувь простая, в основном отечественная. Армейскую одежду упаковываем в сумки, подписываем бирки. Сдаем партийные билеты, пишем открытки из нескольких слов: "Жив, здоров. Нахожусь в дороге. Ждите новых вестей..." Хотя все предупреждены — никаких координат! Открытки бросаем в почтовые ящики на севавтопольской улице и надеемся, что на почте поставят штамп города и дату — 15 июля 1962 года.

Утро 16 июля... Во всей курортной красе Южное побережье Крыма. На рейде застыл восьмипалубный теплоход "Адмирал Нахимов", флагман Черноморского флота. Команда — 260 человек. Да нас, заполнивших все каюты, палубные надстройки и даже трюмные помещения, 1200 человек. Солдаты, офицеры и даже генерал по фамилии Селезнев (настоящая ли она — неизвестно), который официально считается директором туристической базы, поскольку все мы "туристы", все в гражданской одежде, пиджаки сброшены, остаемся в рубашках. Называем друг друга только по имени и отчеству, можно просто по фамилии. Никаких воинских званий и чинов! Хотя, конечно, каждый знает воинское звание своего командира и начальника. Погрузку начали на рассвете. В десять часов поднят якорь, и, как говорят моряки, отданы швартовые. До свидания, Родина! Или — прощай? — О русская земля! Ты уже за холмом! — рядом со мной, опершись на фальшборт верхней палубы, произносит капитан Оводков. Мы сгрудились всей редакцией, наблюдаем, как с каждой минутой все больше удаляется от нас крымский берег, а вместе с ними — и вся родная земля.

Почти все курят, задымляя тоску, невольное чувство какого-то опасения, вызванного неизвестностью. Куда идем, зачем идем, на какой срок?

Я снова вспоминаю то время, когда в вагонных теплушках с нарами эшелон увозил нас на фронт. Многосуточный перестук колес навевал на семнадцати-восемнадцатилетних ребят разные

мысли-думы. Шла война, на каждой станции нас провожали участливые и заботливые лица. И в каждом взгляде одна просьба — возвращайтесь с победой, и живыми, не похоронкой.

Сейчас народ не знал, куда и зачем уходили его сыновья, замаскированные в гражданские костюмы. Об этом знали только в Москве.

Стоит удивительно теплая, мягкая, солнечная погода. Легкий бриз овеивает наши разгоряченные лица. Черное море приняло нас ласково, доброжелательно. Идем к турецким берегам.

Ночью мало кому спится, наблюдаем за звездным небом, светлой и полной луной, бросившей серебряную дорожку на морские волны.

На вторые сутки входим в Босфор. Приказано с появлением иностранных самолетов, приближением катеров всем уходить в каюты. В эти дни Турция совместно с американцами проводит в Черном море военно-морские учения "Синяя птица".

Тридцатикилометровый Босфорский пролив совсем неширок, в самом узком месте всего 750 метров. Здесь турки вроде планируют построить мост¹.

Хорошо видны стены старинных крепостей, улицы Стамбула, мечети, воткнувшие в небо иглы своих минаретов, черепичные крыши домов, красивые виллы, много современных, из стекла и бетона, высотных зданий. Вот она, древняя Византия, град Константинополь! Где-то здесь на невольничьих рынках продавали турки и татары ясир — захваченных в набегах на Украину ее девушек и парней. Из малолетних ребят растили не знавших пощады янычар, султанскую гвардию. Как меняются времена... Моряк, не раз бывавший в Стамбуле, показывает:

— Видите длинное здание? Бывший султанский гарем. 543 комнаты. А вот это, с четырьмя минаретами, знаменитая мечеть, бывший православный храм... Мы бродили рядом. Турки ничего из старого не разрушали, приспособливали под свою мусульманскую веру. Рядом — базар. О, турецкий базар. Бывал я на них. Чего только там нет! — моряк даже глаза закрыл. Потом показал рукой: "Видите лесок? Когда поздней осенью опадает листва, видны стволы орудий".

¹ - В 1973 году закончено строительство моста через Босфор, соединяющего европейские и азиатские берега.

В Турции несколько ракетных и авиационных американских баз, нацеленных против нашей страны. Рядом с "Адмиралом Нахимовым" у самого борта проскочил катер под флагом США, с американскими моряками. Они открыто нас фотографируют. Может, американцы знают, куда мы идем?

Думы мои, думы мои... Средиземное море.
На фото — И. Корбач

В Босфоре в прошлом году столкнулись югославский и греческий танкеры. Читая об этом в газете, мог ли я предположить, что лично увижу их обгоревшие торчащие из воды остовы. Слышится запах тухлых яиц, моряки сообщают: это характерный запах воды в Мраморном море. Втягиваемся в пролив Дарданеллы, по обе стороны — пустынные гористые берега. Справа, со стороны Европы, — Галлипольский полуостров, место лагерей для русской армии Врангеля, отступавшей в 1920 г. из Крыма. Здесь, на холмистом полуострове, погибли от болезней, голода, ран тысячи солдат и офицеров, бежавших из большевистской России после окончания гражданской войны.

С рассветом должны выйти в Эгейское море. Гадаем: если утреннее солнце будет светить нам навстречу, значит идем к Суэцкому каналу, если в затылок-Средиземным морем к Гибралтару. Среди нас представитель главного политуправления, симпатичный, приветливый майор Федоров. Мы подружились, часто беседуем. Федоров убежден — солнце будет греть нам в затылок.

Спим в каюте первого класса. Красное дерево, бархатные занавески на кроватях и иллюминаторах, канделябры. В каюте нас четверо, заняты все диваны и мягкие кресла. Питаемся в ресторане, но по офицерской норме. На допзаек получили печенье, консервы, папиросы "Беломорканал". Они больше всего сейчас нужны: курим непрерывно.

Когда солнце поднялось повыше, сомнения рассеялись, повернули вправо. Много больших и малых островов. Рассказываю солдатам миф о царе Эгее. По преданию, он ждал сына Тесея, отправившегося на остров Крит сразиться с чудовищем Минотавром. Эгей условился с сыном, что в случае победы он вернется домой под белыми парусами. Тесей победил Минотавра, но от радости забыл о просьбе отца. Увидев черные паруса, Эгей бросился в море, названное поэтому Эгейским.

— Интересно бы знать, под какими парусами возвратимся мы, — заметил один из солдат редакционной команды.

Средиземное море встретило сильной качкой. Большинство пассажиров уже поехали «в Ригу», хотя волнение моря и не такое большое. Мне пришлось в Японское море перенести настоящий шторм. Тогда мы с женой шли на Курилы. Мужчины держались стойко, а вот женщинам пришлось туго. Жена моего друга капитана Виктора Киселева, поднимая дух боевых подруг, читала им в

каюте наизусть поэмы Маяковского. Говорят, что чтение вслух стихов помогает отработать ритм дыхания, это уменьшает последствия качки. Этот рецепт я советую тем, кому приходится туго. Но Маяковского наизусть никто не знал.

«Адмирал Нахимов» держит скорость 13—15 миль в час. Это около 30 км. На большее не хватает мощности турбин. Но для «туристов» большие скорости не важны. Говорят, что «Адмирал Нахимов» — бывший «Берлин», доставшийся нам по репарациям после разгрома фашистской Германии.

Постепенно налаживается быт, входим в ритм движения. Проводим с солдатами беседы, слушаем лекции, в основном политические. До одури играем в шахматы, домино. У многих нервы, как туго натянутые струны. Я трижды обыграл в шахматы майора Г. И он не выдержал, сбросил на палубу шахматную доску.

Если для офицеров обстановка более-менее ясная (идем не на прогулку!), тем более, что среди нас немало фронтовиков, то 18-20 летние солдаты и сержанты, довольствуясь нашей скупой информацией, полностью положились на волю судьбы и своих командиров. Официальная версия одна и главная: идем выполнять правительственное задание, интернациональный долг. Правда, пока определенно неизвестно, кому мы задолжали. На этот счет у солдатского телеграфа уже есть определенная информация — Кубе.

По радио прослушали беседу Н.С. Хрущева с американскими журналистами. Наш руководитель обвиняет администрацию СИТА в нагнетании милитаристского психоза.

Средиземное море полно военных кораблей американской эскадры, европейское побережье от Турции до Испании густо утыкано американскими военными базами. Над «Адмиралом Нахимовым» прошло звено американских реактивных истребителей-бомбардировщиков.

Кушаем в бассейне с морской водой, освежаемся под душем. Пресную воду бережем — в иностранные порты на дозаправку заходить не велено. Регулярно слушаем по радио последние известия из Москвы. Сплошные трудовые победные репортажи по стране, разоблачение происков империалистов.

Сверяюсь с карманным атласом мира: на пятые сутки средиземноморского пути подошли к Гибралтару. Впервые увидели берега Африки. Долго идем вдоль испанского побережья. Высокие, скалистые берега. В самом проливе, как на городской улице, непрерывное движение: навстречу идут суда и корабли из Атлантики,

туда — из Средиземного моря. А пролив в узком месте всего 14км. Много катеров, прогулочных яхт под парусами разных цветов — от красно-белых до черных. Вот и английская база Гибралтар. В скалистых стенах видны ворота больших казематов. Все читанное и слышанное как-то не вписывается в увиденное.

Выходим в Атлантический океан, окутанный серой дымкой. «Директор туристской базы» вскрыл последний пакет. Курс — Гавана. Изучаем справки о географическом, экономическом и политическом положении Кубы. Теперь открыто обсуждаем варианты целей и задач. Уже даже просочилось сообщение: срок службы на Острове Свободы — не менее двух лет. Но что это будет: группа Советских войск или их ограниченный контингент? Есть ли на этот счет договоренность с Кубой? Официально для прессы, ничего, конечно, пока нет. А когда будет? И как на это посмотрят американцы? Шутка ли — русские войска у берегов США. Уже даже расшифровано слово «Куба»: «Коммунисты у берегов Америки». Оводков и здесь «нашелся»:

— Можно первые слова заменить и на фамилию нашего редактора.

— Не возражаю, хотя первый вариант глобальнее. Солдаты убеждены — нас сопровождают советские подводные лодки. Доказательства? «Иначе быть не может! — говорит мне один из подчиненных. — Американцам ничего не стоит одной ракетой развалить нашу тихоходную галошу. Тут без охраны никак нельзя».

Приятная уверенность. И вера в том, что там, наверху, в Москве, сидят хорошие головы, которые знают, что делают. Хорошо, если бы оно так и было.

«Директор туристской базы» генерал Селезнев теперь стал более откровенен. В палубной беседе в кругу офицеров заявил: «Мы — под боком у американского империализма», имея в виду создание на Кубе советской военной группировки.

* Вот что об аналогичной ситуации писал в «Красной звезде» (4.02.1990 г.) бывший начальник штаба зенитно-ракетной части Н. Перегудов: «Уходили из Николаева. Думали, что пойдем в Болгарию. Прибывший в порт маршал авиации Судец, в то время главком войск ПВО, вручил нам пакет, скрепленный подписями министра обороны и министра морского флота «Вскроете после Гибралтара». Мы поняли: идем не в Болгарию. После Гибралтара вскрыли пакет, а там указание следовать на Кубу».

В середине дня справа на горизонте появились горы Азорских островов. Вспомнился Маяковский: «Вот и жизнь прошла, как прошли Азорские острова». Где-то в этих местах, под толщей воды находится, по мнению некоторых ученых, легендарная земля Атлантида, поглощенная после землетрясения океаном. Вокруг – водная пустыня, но она какая-то живая, постоянно в движении, с каждой минутой меняется, и совсем не устаешь, наблюдая за поверхностью океана. Испытываешь странное, трудно объяснимое чувство, когда смотришь по карте с центра Атлантики на далекий Киев, отыскиваешь родное местечко Березну на Черниговщине. Это совсем не то, когда сидя в квартире за столом, рассматриваешь беглым взглядом океан. Раньше он был для меня чем-то отвлеченным, абстрактным, чисто географическим понятием. Сейчас вот он, вокруг меня, дышит могучей грудью, то мерно, то шумно.

Каких-то полмесяца тому назад я побывал в феодосийской картинной галерее Айвазовского, долго стоял у большого полотна, на котором не было ничего, кроме моря, воды. Но возле этой картины дольше всего задерживались зрители. Они молча смотрели, размышляли о чем-то своем. Картина была какой-то живой, впечатляющей и волнующей, казалось, в ней каждый находил что-то свое.

Так и сейчас, мы долго стоим на палубе, смотрим на водную пустыню океана, которая живет, дышит, волнует. А поздним вечером в воде отражается звездный купол неба, кажется он опрокинутым в пучину. И еще удивительны над океаном вечерние облака, они-то похожи на старинные крепости, то на плывущих по небу драконов, неведомых громадных птиц. Иногда это всадники со шпагами и копьями. Или облако, похожее на корабль под парусами. Одним словом, воображение может дорисовать любую картину.

Через каждые два дня на третий переводим на час назад стрелки часов. Помню, на Дальнем востоке я жил на десять часов впереди Москвы. Сейчас отмечаем: в Москве уже вечер, у нас пора идти на обед.

* Не знаю, известно ли было в то время генералу Селезневу о том, что якобы эту мысль выразил словами: "американцам надо запустить ежа в штаны" — Н.С. Хрущев, любитель подобных выражений, планируя кубинскую операцию.

Часто встречаются зеленые водоросли. Идем краем Саргассового моря. Где-то севернее — знаменитые Бермудские острова. Берем все левее, жмемся к 20-й параллели северной широты. Мы у берегов Америки. Уже на шесть часов назад переведены стрелки часов.

По ночам, в безоблачную погоду выходим на палубу наблюдать за небом. Оно светит тысячами туманностей, подмигивает мириадами звезд. Впереди ярко светит Венера. Даже летящие

Офицеры политотдела дивизии ПВО. Слева направо: Иван Корбач, Борис Ревенко, Иван Герасимов, Борис Поляков.
Район Гибралтара

искусственные спутники здесь видятся ярче. Ребята убеждены: "Вот этот спутник — наш". Оттуда тоже виден наш "Адмирал..."

Штудируем по единственному словарю испанский язык. Есть в нем какая-то звонкость и приятность. Саша Свинченко, водитель типографии, сельский парень из Винниччины, улыбается: Что-то, говорит, есть наше, украинское. Много слов на "о" заканчиваются: кубано, бланко, моро, Кастро, советико.

Особо заметны успехи в языке у Оводкова. Он уже обменивается фразами с помощником капитана, знающим испанский язык.

В океане обметил свой трехлетний юбилей возвращения с Чукотки на Украину. И вот снова отправляюсь в "отдаленный гарнизон". Какой же он будет на моем счету? В каюте на эту тему завязывается оживленный разговор. Офицеры начинают подсчитывать. У одного это будет шестой гарнизон, у другого — восьмой, у третьего — девятый, у меня — тринадцатый. Чертова дюжина.

На рассвете прошли между двумя небольшими Багамскими островами, они цепью прикрывают Кубу с северо-востока. И утром увидели первого нежданного, точнее — нежеланного гостя: американский двухмоторный морской разведчик "Нептун". Он дважды обошел в сотне метров от бортов "Адмирала Нахимова", сфотографировав, конечно, его.

— Улетел проявлять пленку, — подытожил визит Оводков. Но на смену первому "Нептуну" пришелся второй, потом возвратился первый. Они почти зависали над палубой теплохода, причем бесцеремонно, оглушая ревом моторов. В кабине самолета видна нахальная рожа летчика. У наших "туристов" все больше возрастает злость, начал проявляться военный характер. То и слышно: "Врезать бы ему из зенитного пулемета". "Здесь и автомат достанет". "Ну, янки, погоди!"

Пройден северный тропик "Рака", команда корабля по традиции получила сухое вино. Пассажиры только сухие губы облизали: Черноморское пароходство на такую более чем тысячную ораву не рассчитывало...

Вошли в территориальные воды Кубы. Стоит солнечная теплынь. На горизонте возникает какой-то красочный мираж, словно из-под воды выныривают большие, светлые, разноцветные дома. По их стенам, по стеклу окон струится вода, переливаясь в солнечных лучах всеми цветами радуги. Мы еще долго удивлялись бы миражу, если бы пробежавший по верхней палубе матрос не бросил на ходу одно слово: "Гавана!"

ЗДРАВСТВУЙ, ОСТРОВ СВОБОДЫ!

Мы вошли в гаванский порт в полдень 6-го августа, на 22-е сутки пути. Три недели, не стихая ни на минуту, работали двигатели теплохода "Адмирал Нахимов". Сейчас прижавшись бортом к причальной стенке, корабль отдыхал. А мы во все глаза глядим на город, поразивший нас ажурностью своих разноцветных зданий, шириной и зеленым видом улиц, обилием окон и витрин, в которых отражаются парки, пальмы, набережная, океан. На домах огромные плакаты-призывы: "Патриа о муэртэ" ("Родина или смерть!"), "Фидель — Никита". На рейде и у причалов — корабли под флагами Болгарии, ГДР, Англии, Норвегии. Больше всего наших, советских.

Все высypали на палубу, на ней не протолкнуться. Официально мы — сельскохозяйственные специалисты, на пирс даже стали выгружать трактор "Беларусь". Но "сельхозрабочие" уже в открытую обмениваются с кубинцами знаками "Отличник Советской Армии", звездочками с пилоток и офицерских погон, пражками солдатских ремней.

Первое сообщение: стоять будем далеко от Гаваны, ночью разгрузка и марш вглубь острова на отведенные позиции и в военные городки.

Прощались с последним клочком советской территории — теплоходом "Адмирал Нахимов". Предраcсветным утром ступаем на кубинскую землю, садимся в автобусы. Звучат незнакомые названия городов — Матансас, Лимонар. В последнем — наш военный городок. Раньше здесь размещалась кубинская военная школа. Дощатые, щитового типа длинные здания, вокруг заросли кустарника, красно-желтая земля, на которой растет маланга, особый вид корнеплода, напоминающий картофель. Рядом — невысокие, поросшие мангровыми зарослями, горы. В центре городка — толстый-претолстый, в четыре обхвата баобаб, под его кроной сразу разместились две большие палатки — редакционная и штаба подразделения связи, типографская машина, радиостанция, будка парикмахерской. Все это заняло чуть больше половины

* В 1988 г. я был в Новороссийске, мне показали то место в Цемеской бухте, где в двух милях от берега, на пятидесятиметровой глубине покоится потерпевший в 1986 г. катастрофу пассажирский теплоход "Адмирал Нахимов". Последние десятилетия он был действительно туристическим кораблем. В тот злополучный вечер на нем погибли 423 туриста.

кроны баобаба. Вокруг городка — высокие, с серыми словно цементными, стволами королевские пальмы. Верхи — кисть длинных листьев, тень от которых не достигает земли.

Нас встретил генерал М.К. Токаренко. Тепло со всеми здороваются, приветствуя "земляков". Рассказывает, как из Москвы он улетел в тот же день, сразу после приема у Н.С. Хрущева. Когда самолет приземлился в аэропорту Хосе Марти, гостей никто не встречал. Таможенная служба с удивлением рассматривала паспорта трех советских агрономов, требовавших связаться с Фиделем. А через несколько минут кортеж правительственных машин подкатил к зданию аэропорта. Из машины вышли Фидель Кастро Рус, президент Освальдо Дортикос, военный министр Рауль Кастро. И тут аэродромным службам стало ясно: "агрономы" необычные. Когда все зашли в закрытое помещение, Фидель с удивлением заметил:

— Я не ожидал, что Никита Сергеевич будет действовать так оперативно. Мы еще полностью не готовы к приему советских войск.

— Но они уже на подходе, — сообщил один из гостей. — Корабли идут на Кубу.

Эта оперативность начала сказываться с первых дней. Срочно принимались меры для размещения частей и подразделений, обеспечения их всем необходимым. Хотя кубинцы на местах весьма доброжелательно встречали "русско компанеро", но мало кто знал об их истинных целях и задачах. С удивлением кубинцы наблюдали оттопыренные карманы "сельскохозяйственных специалистов", иногда шутя похлопывали себя по карманам, дружески улыбаясь, спрашивали: "Пух-пух?" Мы, действительно, с первых дней ходили с "Макаровым" в карманах, завернув пистолет в носовой платок. Чувствовалось тревожное напряжение, район насыщен контрреволюционными элементами. Отсюда и приказ — офицерам, убывающим в командировку, выходящим в город, брать с собой оружие. Правда, никаких эксцессов по отношению к советским людям не было. Если не считать случаев воровства пистолетов кубинскими подростками. Некоторые офицеры из карманов перекладывали оружие в целлофановый кулек и носили их вместе с покупками. Пропажу, как правило, быстро находили, считалось для кубинца позором обворовывать советских товарищей.

Первые жертвы появились по другим причинам. На разгрузке

ракетных комплексов погибли два наших солдата и офицер. Участились случаи, когда наши водители-солдаты (конечно, в гражданском) сбивали кубинские такси или частные машины. Привыкшие к строгим дорожным правилам, наши водители были немало удивлены беспешачностью своих кубинских коллег. Я сам видел мчавшуюся легковую машину, на капоте которой сидел негр с гитарой, а управлял одной рукой, высунув голову, молодой парень. Все это только вызывало улыбки прохожих. Пересечь дорогу в неполюженном месте, сделать обгон с нарушением правил, — было в порядке вещей. И притом весело, с улыбкой, пританцовывая за рулем.

— Смотри, проститутка поехала, — показал мне на желтую машину-такси знакомый кубинец из охраны нашего военного городка. Я не понял, ситуацию разъяснил Оводков. Оказывается, с победой революции на острове были закрыты все публичные дома. Чтобы трудоустроить их обитателей, им предложено "переквалифицироваться" в водителей такси, была создана сеть курсов. И вот на дорогах Кубы появилось такси (все машины — желтого цвета), за рулем которых были вчерашние девицы из ночных клубов и кабре. Вот они тоже внесли свой характер в дорожное движение.

Лимонар — небольшой поселок, на окраине которого — наш городок. Только к вечеру спадает жара, ртутный столбик у баобаба поднимается до 35-градусной отметки. Прошибает пот, часто бегаем под душ освежиться. И ждем вечерней прохлады. Но тут появляется настоящая "контра" — комары, москиты. Над кроватями, вплотную стоящими в палатке, натянуты противомоскитные сетки. Стоит хотя бы одному комару проникнуть туда — всю ночь не уснешь. Еще — скорпионы. Правда, пока никого не ужалили, но солдаты наловили их полно. И устраивают аутодафе - сожжение. Из газеты делают круглый жгут, кладут на землю, сажаят в центр скорпиона. И поджигают бумагу. Когда, сгорая, жгут сужается, скорпион наносит себе смертельный удар жалом в затылок. Рассказывают о так называемой "черной вдове", самке. После брачной связи она убивает жалом своего супруга.

Поступила первая информация: три-четыре месяца не будет никакого официального сообщения о нашем пребывании на Кубе. После этого возможно "открытие" как группировки советских войск, созданной по просьбе кубинского правительства для укрепления обороноспособности и защиты Острова Свободы.

Все это время не будет никакой почтовой связи с Родиной. Хорошо, что мне удалось передать письмо с одним из членов экипажа "Адмирала Нахимова", к концу августа он возвратится в Советский Союз. Мы с женой, определяя варианты командировки, по степени "нежелательности" Кубу поставили на первое место. Поэтому я коротко сообщил в письме: "Действую по первому варианту".

О сроках службы тоже есть ориентировка — до двух лет. Отпуска возможны в будущем году. Правда, вся эта информация неофициальная, но что-то в ней есть от реальной ситуации.

В августе Фидель провел в Гаване встречу-совещание с нашими руководящими военными, из них мне пока известен член военного Совета группы войск генерал-майор В.С. Петренко. На днях он был в Лимонаре. Ничего определенного об условиях нашего пребывания на Кубе сообщить не смог, судя по его намекам, он и сам далеко не в курсе, что готовит нам день грядущий и какие замыслы и планы у Москвы. Фидель на совещании заявил о необходимости нашего быстрее вхождения в боевой режим. Есть опасения прямой американской интервенции. В США создан контрреволюционный комитет по освобождению Кубы. Контркубинцы коротко называют "гусанос" — черви.

Живем пока в полной информационной изоляции. Ни радио, ни газет. Отсюда всевозможные слухи, предположения, гадание на кофейной гуще. Меня часто выручает Оводков, он хотя далеко не совсем хорошо, но буквально на ходу изучил испанский язык. И сейчас не только может читать кубинские газеты, слушать радио, но и более-менее свободно разговаривать с кубинцами.

С легкой руки Оводкова меня в коллективе чаще зовут не по имени-отчеству, а просто "шеф".

— Шеф, — говорит однажды Оводков, прослушав радиопередачу из США. — Должен сообщить, что о нашем будущем очень беспокоятся американские империалисты. Грозятся малость побомбить, а потом высадить десант. Возможно, даже прямо на Лимонар.

Такой прогноз явно не устраивает Артемова, он возмущается "дешевым оптимизмом" Оводкова, и тот утешает:

— Аркадий, у тебя есть шанс проявить мужество и героизм, до конца выполнить свой интернациональный долг.

У нас в редакции установились дружеские, откровенные отношения. Мы уже почти все знаем друг о друге. Рядового Ивана

Квачатирадзе, кубанца, все зовут только по отчеству — Ильич. Отец у него — грузин, мать — русская. Наборщик рядовой Юра Бутков — из Таганрога. Как-то в разговоре со мной сообщил:

— Я, Иван Михайлович, военный человек с первого дня рождения.

— Как это? — не понял я.

— Во-первых, родился 23 февраля, в День Советской Армии. Во-вторых, в году-то сорок первом, военном. В нашей фамилии все мужчины — от прадеда до моего отца — воевали, все в армии служили. Но дальше меня еще никто не заходил. Хотя отец был в Берлине, дядя в Манчжурии...

Солдаты и офицеры, хотя и опасаются американской интервенции на Кубу, но к этому готовы. Беда только в том, что защищаться нам-то, по сути, нечем. Вся надежда на наземные войска. Удастся ли им вместе с кубинцами хотя бы отразить первый удар?

Обстановка, между тем, накаляется. Судя по всему, американцы прозевали накопление советских войск на Кубе. Просочились слухи о том, что, якобы, западногерманская разведка, проследив, куда уходят советские корабли из портов Черного и Балтийского морей, с переодетыми солдатами и офицерами, поставила об этом в известность друзей по НАТО и прежде всего США. Сейчас американская разведывательная авиация буквально висит над Кубой, не говоря уже об активизации на ней агентуры ЦРУ. Как нам сообщили, на Острове действует 74 контрреволюционные банды, 12 подпольных групп. Поэтому живем в постоянном ожидании нападения, провокаций. Спим с пистолетами под подушкой.

Донеслась к нам радостная весть — в космосе Андриан Николаев и Павел Попович. Все кубинские газеты сообщают об этом с восторгом, публикуют на первых полосах снимки космонавтов. Встречая на улицах наших ребят, кубинцы поднимают вверх большой палец: "Николаев — Попович — космос!" и радостно улыбаются. Считают, что этот запуск — еще одно свидетельство силы СССР, надежного союзника Кубы. А вот наши ребята по этому поводу шутят: "Космонавтов готовили два года, а запустили на неделю. Нас готовили неделю, запустили на два года". Жизнь закрытого военного городка входит в норму, привыкаем к бытовым неудобствам, к субтропическим широтам. Почти ежедневная жара к полудню разряжается тропическим ливнем с ослепительными молниями и оглушающим громом. Это далеко не

похоже на наши грозы. Ливень — сплошной поток теплой воды почти без прослойки воздуха. Десяти-пятнадцати минутный поток прекращается почти мгновенно. И начинается сильное испарение, стоят банная духота. Через несколько часов все высыхает, снова горячая земля, яркое солнце.

Появились свои герои. Среди них — капитан медицинской службы Платонов. Он, по сути, в полевых условиях сделал солдату операцию аппендицита. И удачно. У меня сильно разболелась нога, начался рецидив фронтных лет. В конце войны в течение четырех с лишним месяцев наш взвод автоматчиков был на ногах, делая иной день 60 — 70 — километровые переходы. Мы доколачивали группировки врага, полк много и часто маневрировал. И вот — обострение. Платонов быстро поставил меня на ноги. О таком хирурге написать бы хороший очерк. Но где его опубликовать? Овод ков, правда, подал совет:

— Можно отправить в "Тайме" или в "Вашингтон пост". Гонорар — в долларах.

— И тогда автора быстро отправят в Советский Союз, — мрачно изрекает Артемов. — Как нашего Кузьмича...

Да, у нашего командира дивизии М.К. Токаренко большие неприятности... Продолжается размещение наших зенитно-ракетных дивизионов, освоение ими огневых позиций, зон прикрытия. Офицеры штаба постоянно в разъездах. На определение одной из таких площадок выехал вместе с кубинскими офицерами и М.К. Токаренко. Площадка, предложенная 22-летним капитаном, командующим ПВО Кубы, явно была непригодной для дивизиона.

"Близость горы уменьшает возможность обнаружения противника, увеличивает угол закрытия. А это ограничивает пуск зенитной ракеты", — объяснял через переводчика Токаренко. Эти слова вызвали удивление на лицах кубинцев. О каких ракетах говорит советский специалист? Ведь им рекомендовано подобрать площадки для размещения сельскохозяйственной техники.

Мог ли предположить советский генерал, что об истинном назначении площадки знали только он и командующий ПВО Кубы? Возвратившись в Гавану, капитан незамедлительно доложил Министру Революционных Вооруженных Сил Республики Куба Раулю Кастро о разглашении советским командиром военной тайны. Все слышавшие о зенитных ракетах, в том числе переводчик, были немедленно арестованы. Об инциденте узнало не только руководство наших войск на Кубе, но

и было сообщено в Москву. Оттуда последовал незамедлительный приказ о несоответствии генерал-майора авиации М.К. Токаренко занимаемой должности, отправке его в Советский Союз и назначении нового командира дивизии.

Я не уверен в точности деталей самого инцидента, но говорили о нем именно в таком варианте, который я излагаю. Все последующие события лишь подтверждали: М.К. Токаренко оказался в сложной и неприятной ситуации. Ему был объявлен строгий партийный выговор, он был отстранен от должности, до прибытия нового командира обязанности комдива исполнял его заместитель. Все случившееся обрастало слухами. Михаил Кузьмич на людях держался стойко, но душа его была в полном смятении от обиды и несправедливости. Боевой генерал не знал, перед кем и от чего защищаться.

Мы вдвоем с Володей Орловым решили вечером зайти в штабной домик, где жил Кузьмич, надеялись на доверительный разговор. Особым доверием у Кузьмича пользовался Орлов, прежде всего как врач, друг семьи. Командир встретил нас несколько настороженно, в хмельных глазах стояла тревога. Под кроватью виднелись бутылки из-под рома. Переведя с них взгляд, Орлов сказал:

— Михаил Кузьмич, вы — наш командир. Мы ваши подчиненные. Но просим послушать...

— Утешать пришли? — поднялся Токаренко. — Не-е надо! Моя вина, мой ответ. И прошу — не вмешивайтесь! За сочувствие — спасибо, но держите его при себе. Чтобы оно вам не повредило... Лучше пишите письма — доставлю...

Разговора не получилось, два капитана не сумели утешить генерала. Он не хотел ни с кем делить свою беду.

Ракеты, тем более зенитные, как шило в мешке, не утаишь. И вскоре уже вся Куба знала, какой сельскохозяйственной техникой владеют советские специалисты. Это вызвало горячее одобрение и поддержку. Накопление наших войск происходит стремительно, солдаты и офицеры трудятся день и ночь, под палящим солнцем и в тучах комарья, оборудуя огневые позиции, склады, возводя щитовые казармы, устанавливая палатки. Все прочнее становится связи с кубинской армией, наше присутствие вселяет уверенность в надежности обороны Острова Свободы.

Впервые побывал в расположенном на берегу Флоридского залива городе Матансас, это в шести километрах от Лимонара.

Узкие средневековые улочки, в центре одно-, двухэтажные, старинной архитектуры разноцветные здания, много магазинов, баров, кафе. Но на прилавках — пуговицы, веера, пожелтевшие блокноты, ракушки. В продмагах — невзрачные липкие конфеты, минеральная и сладкая вода. Продукты — по карточкам. Говорят, что до революции здесь полки ломились от товаров, а в барах и кафе день и ночь гремела музыка. Сейчас можно выпить десятиграммовую рюмку рома, бутылку воды или 40-граммовую чашечку черного натурального кофе, очень вкусного, ароматного.

Это было первое, беглое знакомство с Кубой, пока что не дающее более полного представления о ее жизни.

Жадно ловим новости о происходящих в мире событиях. Радисты приловчились делать на командной радиостанции магнитофонную запись последних известий из Москвы. В стране митинги: "Руки прочь от Кубы!" Главарь контрреволюционных сил Кардона заявил по американскому радио о наводнении острова советскими войсками, требовал немедленного вмешательства США. Но президент Кеннеди, якобы, опроверг это заявление, сообщил, что он пока не располагает такими данными.

Подобный маневр вызывает у нас беспокойство. Не может быть, чтобы президенту США не было известно то, о чем знает почти весь мир. По сему поводу Оводков рассказал анекдот. Муж возвратился из поездки домой и понял — у жены спрятан любовник. Начал искать, открыл бельевой шкаф и увидел направленный пистолет. Быстро закрыл дверцу, сказал: "Здесь тоже никого нет".

Аналогия, хотя несколько банальная, но заставляет задуматься о затейной игре, ставкой в которой является наша судьба.

Удалось съездить в Гавану. Это в сотне километров от Лимонара. По заданию полковника Ждановича отвез в политуправление группы бумаги, встретился с членом Военного Совета генералом В. С. Петренко. Удалось даже передать письмо, которое пойдет, видимо, дипломатической почтой. В Гаване есть наши военные советники, среди них мой знакомый подполковник Капустин, специалист радиотехнических войск.

Офицеры штаба и политуправления группы размещены в небольших виллах-коттеджах, с кондиционерами, телевизорами, питаются лучше нашего, их меньше досаждают жара, комары.

Во дворе одной из вилл Саша Свинченко, редакционный водитель, показал на разлогий куст-дерево:

— Смотрите, это же наш фикус! Ну, который в кадках выращиваем.

Действительно, он! Только здесь это не зеленое украшение, а скорее вечнозеленый кустарник.

Возвращались из Гаваны под вечер, останавливались у дорожных баров. Чаще всего это сбитые из досок, крытые пальмовыми листьями хижины, в которых путник может выпить чашечку кофе, купить сигареты, длинный, полуметровый батон хлеба, крем для обуви, почитать газету или послушать радио, заправить машину, обменяться последними новостями. Кубинцы словоохотливы, приветливо-доброжелательны, улыбчивы. "О, руссо-компанеро! Ха-ра-шо!" Охотно угощают ромом, кофе, многие в военной или милицейской форме, обязательно с пистолетом на боку. Часто вместо приветствия: "Куба — си, янки — но" (Куба — да, янки — нет!).

Гаванских новостей не густо. Есть предположение, что официально откроется в ноябре. Пока продолжают прибывать корабли с "сельскохозяйственной техникой". А в ящиках — разобранные самолеты, в длинных панелях — ракеты, в том числе "земля — земля". Выгрузившись ночью, техника сразу уходит вглубь Кубы, на заранее определенные места. Прибыли наши летчики-перехватчики, они уехали на аэродром Санта-Клара, в центре острова.

С каждым днем растет не только политическое, но и морально-психологическое, физическое напряжение. Настроение часто портится, заметнее становится усталость, вялость от жары, высокой влажности. Питание неважное — рыбные и мясные консервы, сухие прессованные овощи, картошка, которая после варки похожа на клейстер. Все это мне знакомо по Курилам. Там тоже был примерно такой паек. Как ни изловчались наши жены, но не хватало их кулинарного мастерства, чтобы как-то разнообразить семейное меню. Здесь солдатам-поварам не до высокого искусства. Ничто не лезет в рот. Пьем компот из сухофруктов, воду с молочной сгущенкой. Часто бегаем под душ, чтобы освежиться. По-прежнему, никакой связи с Родиной. Знают ли наши семьи, куда занесло их отцов и мужей? Впервые услышал солдатское откровение: "Нужен мне этот интернациональный долг как зайцу колокольчик". Политработники в меру своих обязанностей толкуют о защите интересов социализма на Кубе, о помощи братскому кубинскому народу, ставшему на путь социалистического развития. Неизвестное судно под вечер обстреляло из 20-

миллиметровой пушки Гавану. В связи с этим на Кубе митинги, в нашей стране — решительные протесты, заверения в защите Острова Свободы.

28 августа на окраине Гаваны состоялся партийный актив группы советских войск. С докладом выступил, как представил член Военного Совета Петренко, товарищ Павлов. По залу пробежал шумок, замелькали "понятливые" улыбки: в "Павлове" многие узнали генерала армии Иссу Плиева, до Кубы командовавшего войсками Северо-Кавказского военного округа, в войну командира кавалерийского, затем конно-механизированного корпуса. На партийном активе присутствовал посол СССР на Кубе А.И. Алексеев. До мая этого года он работал в Посольстве СССР в Гаване и, говорят, находился в дружеских отношениях с Фиделем, во многом способствовал принятию им решений о социалистическом пути развития Кубы*.

Павлов-Плиев сообщил о поставленной перед советскими войсками на Кубе задаче к 7 ноября, т.е. 45-й годовщине Великого Октября, стать на боевую готовность. Самое трудное — продержаться эти два месяца — сентябрь и октябрь, до официального объявления о группе советских войск на Кубе. В пути много боевой техники, вооружения и личного состава — мотострелков, танкистов. И ракет класса "земля — земля". Вражеская агентура более-менее точно осведомлена о нашей дислокации. Кубинские революционные вооруженные силы находятся в повышенной боевой готовности, их части обеспечивают и охраняют развертывание наших войск. В кубинской армии служат 13-летние подростки и 65-летние старики, много девушек и женщин. Комплектуется армия на добровольных началах, у нее высокий революционный

* В интервью, данном газете "Аргументы и факты" (№10, 1989 г.) бывший посол СССР в Республике Куба А.И.Алексеев, рассказывая о событиях, предшествующих Карибскому кризису и ходе его, приводит немало интересных, в то время неизвестных советской общественности, фактов. В частности, о подготовленном проекте соглашения между СССР и Кубой. В нем шла речь об "установлении военного сотрудничества и взаимной обороне" обеих стран. Советский воинский контингент вместе с кубинскими войсками обязывался защищать территорию Кубы от внешней агрессии... Соглашение должно действовать в течение пяти лет с правом его денонсации. Предусматривалось его обнародование в ноябре 1962 г. во время запланированного визита на Кубу Н.С. Хрущева. Но в связи с развернувшимися событиями, как отмечает А.И. Алексеев, соглашение так и не было подписано главами правительств.

дух. Те, кто вместе с Фиделем готовил революцию, продолжают служить в армии. Они носят на погонах знак особого отличия — ромб черного и красного цвета.

На собрании партийного актива выступил представитель тыла, обещавший пересмотреть нормы довольствия. Но на это пока нет решения Москвы. Мы едим то, что привезли с собой в трюмах кораблей, кубинцев не объедаем. Представитель тыла напомнил о том, что на Острове высокая влажность — 69 — 90%, жара до 36,6 (самая низкая температура +11). Все это усложняет пребывание здесь людей, привыкших к широтам с более умеренным климатом. Поэтому возможны вспышки заболеваний, тем более, что на Кубе, в ее бедных районах, распространены туберкулез, малярия, проказа, ветряная оспа, полиомиелит, сифилис.

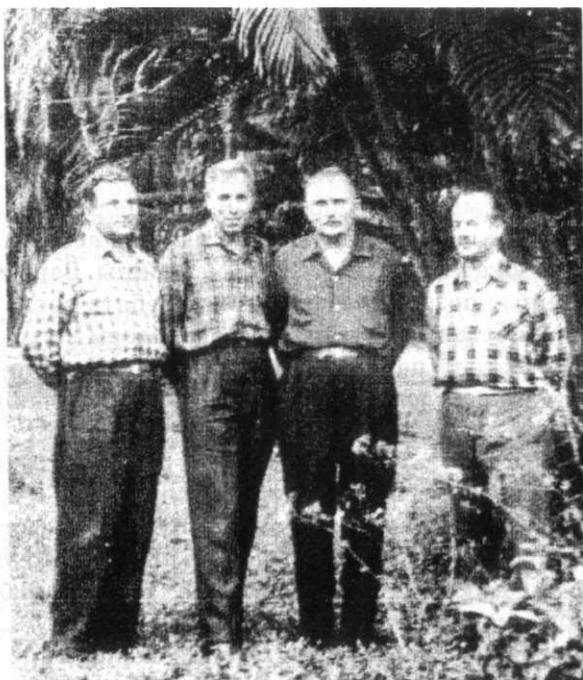
Посол А.И. Алексеев сообщил об экономических проблемах Кубы, борьбе за повышение культуры, грамотности населения. И главное, укрепление обороноспособности Острова Свободы.

— США просчитались в своих прогнозах событий 1959 года, - заявил наш посол. — Они восприняли революцию как обычный, латиноамериканский переворот, который не меняет отношения страны к своему северному соседу. Когда убедились в ошибке, начали усиленно искать пути ликвидации независимости Кубы. В феврале этого года установлена ее полная экономическая блокада. Соединенными Штатами началась вербовка кубинских эмигрантов в армию США. Прошла серия военных учений вблизи берегов Острова. В одном из таких учений отрабатывалась тактическая задача свержения диктатора по имени "Ортсак". Прочитайте это слово наоборот и поймете, о ком идет речь. Затем был Плайя-Хирон, высадка контрреволюционного десанта. Наша задача — помочь Острову Свободы отстоять и защитить свои революционные завоевания, свою независимость. Выступающие представители частей и подразделений (назывались только фамилии, без указания воинских званий и должностей) с пониманием восприняли поставленные задачи, заявили о

* 28 лет спустя вот что писал об этом в "Красной звезде" (4 февраля 1990 г.) бывший участник событий на Кубе, работавший в аппарате командующего группировкой советских войск генерал-майор Л. Гарбуз "О конечных целях перемещения частей на начальном этапе не сообщалось даже офицерам, занимающим высокие должности. Корабли выходили из различных портов европейской части страны. Военнослужащим было рекомендовано взять с собой подушки, валенки, перчатки, шапки..." Так что подобное "головотяпство" имело, как можно сейчас судить, особый смысл.

готовности личного состава до конца выполнить свой интернациональный долг. Вместе с тем сообщили о многих неурядицах в размещении и становлении частей, о фактах головоупияства тех, кто снаряжал их в правительственную командировку. Грузили теплые халаты для госпиталей и даже лыжи.

Возвратившись в Лимонар под вечер, мы, группа офицеров штаба и политотдела дивизии, долго рассказывали товарищам о разговоре на партактиве.

**Представители командования дивизии ПВО (слева направо):
полковники А. Д. Жданович — начальник политотдела, В. Ф. Колесников
— зам. командира дивизии, В. В. Климович — командир зенитно-
ракетного полка, Н. И. Заборин — начальник управления зенитно-
ракетных войск дивизии**

ТРЕВОЖНЫЕ ДНИ

Поздней ночью в бараке, где стояло почти вплотную полсотни кроватей со спящими офицерами, вдруг зажегся свет, раздался спокойный, сдержанный голос генерала М.К. Токаренко (ему разрешено пока командовать дивизией).

— Объявляется тревога. К берегам Кубы между Гаваной и Матансасом приближается американская эскадра из 25 военных кораблей. Всем офицерам срочно занять огневые позиции, у кого есть подчиненные — определить им задачи и быть готовыми к отражению возможного морского или воздушного десанта.

Сна как не бывало. Быстро одеваемся, достаем из-под подушки пистолеты, проверяем обоймы. И тут в полной тишине раздался какой-то раздумчивый голос одного из офицеров:

— Две обоймы в моем ТТ — это 16 кораблей. А остальные кто потопит?

Несколько секунд было слышно лишь поскрипывание кроватей, шуршание одежды. Потом вдруг раздался смех. Напряжение снялось, послышались возбужденные голоса: "Пусть только к берегу подойдут — мы их в упор...", "В борт целясь — как раз попадешь", "Автоматы бы — из пистолета напулькаешь"...

Редакция уже в сборе. У солдат — карабины. Занимаем заранее подготовленные позиции. Паники нет, ребята вроде даже не верят в возможность боя. Курим, разговариваем вполголоса. Овод-кова сразу отозвали на командный пункт, у Василича в эти дни особенно много переводческой работы, практику он получает колоссальную.

Начинается рассвет, звонче обычного поют птицы. А может нам так кажется, слух обострен, все время ожидаем воя снарядов. С восходом солнца поступила команда "Отбой тревоге!" Корабли ушли, не входя в территориальные воды Кубы. Что это, провокация? А может вообще не было кораблей? Нет, вроде были, их видели на экранах индикаторов...

В тот день в Гаване объявлено военное положение. Поступили сведения о высадке небольшого десанта контрас. Они быстро рассредоточились, растворились. Милисиано перекрыли дороги, выискивают лазутчиков.

Американская печать требует воздушной и морской блокады Кубы, прямой интервенции. Обстановка все накаляется. Люди стараются уйти от тревожных мыслей. Большинство офицеров, судя по разговорам, особого страха не испытывают, хотя нет и

особого желания воевать. Я долго беседовал, в сумерках, под баобабом, с майором Д. Он во время войны, как и я, был сержантом, пехотинцем.

— На фронте ситуация была иной, — говорит Д., — там шел, как сказал поэт, "бой святой и правый". У меня немцы сожгли село в Белоруссии, погибли дедушка и бабушка, так что я, воюя, мстил врагу. Это была святая месть. И я не боялся погибнуть. Было за что. А здесь? Кому и за что мстить? Тем более за тысячи верст от родной земли. Вы только поймите меня правильно: как офицер, как коммунист я выполняю свой долг, как бы он и назывался — воинским, интернациональным. И все же, и все же... В тридцать семь, вдали от родины погибать не хотелось бы. Главное, не знаешь, за что... Принесет ли это пользу нашему государству? Да и кубинцы, долго ли будут помнить наши жертвы? Вон сколько их сбежало в Штаты...

У меня долго не выходил из памяти этот разговор.

Кубинская печать сообщила: между СССР и Кубой подписано соглашение о строительстве на Острове с нашим участием и по нашим проектам крупного металлургического комбината. И оказании помощи современными видами вооружения и советскими военными специалистами.

Мне кажется, что за истекший месяц произошли какие-то изменения в первоначальных планах нашего руководства. Закончился этап тайного сосредоточения советских войск. Сейчас все наши части тщательно контролирует разведка всех видов и администрация США, упустившие важный момент появления советских войск на Кубе.

В США печать, радио и телевидение подняли страшный шум,

* В связи с этим стоит привести интересный диалог, происшедший во время заседания советско-американско-кубинского "круглого стола" по Карибскому кризису (в начале 1989 г.) между бывшим военным министром США Робертом Макнамарой и бывшим министром иностранных дел СССР А. А. Громыко:

— Я только сегодня узнал, что на Кубе тогда было несколько десятков тысяч советских солдат, а кубинская армия была намного больше, чем американская армия вторжения, которую мы подготовили, — сказал Макнамара.

— А я еще тогда знал, что вы не скоро об этом узнаете, — ответил А. А. Громыко. И оба рассмеялись ("Литературная газета", 12.7.1989).

в газетах публикуются карты юга страны со стрелами нацеленных на города советских ракет, размещенных на Кубе. Впервые за послевоенное время американцы ощутили совсем рядом явную угрозу своей безопасности. И теперь, видимо, лучше смогут понять, что, значит, чужие военные базы у советских границ.

Кеннеди "успокаивает" американцев, говорит то о праве Кубы на защиту, то о неточности информации о советских войсках. Но одновременно идет активная подготовка к вооруженной интервенции.

Мы по-прежнему вечером вооружаемся, утром разоружаемся, сдаем пистолеты дежурному. Получены ручные гранаты Ф-1. Но, оказалось, что к ним не подходят запалы. Офицеры из гаванской группы проводят в подразделениях занятия по тактике наземного боя.

В нашем городке во время демонстрации кино в клубной машине вспыхнул пожар, солдат-киномеханик получил сильные ожоги. Весь военный городок отчислил пострадавшему дневную норму виноградного сока — 70 литров.

Узнав о том, что начальник политотдела А.Д. Жданович собирается побывать в отдаленных зенитно-ракетных и радиотехнических подразделениях, на одном из аэродромов я напросился в попутчики, чему Анатолий Доминикович заметно обрадовался.

За двое суток мы проехали по маршруту Лимонар — Колон — Санто-Доминго — Агуа де Гранде — Санта-Клара — Лимонар. Путь пролегал чаще по обочинам от центральной дороги, в глубине острова, через маленькие городки и деревеньки. И мы увидели резкий контраст гаванским проспектам и виллам. Вот уж поистине — на Кубе есть две Кубы. Сейчас мы смотрели в лицо той, которая не пляшет в барах и ресторанах, не загорает на пляжах. Дощатые домики, крытые тростником и пальмовыми листьями. Сквозь открытые настежь двери видны голые стены, столы, скамейки. Возле каждого дома — стайки голых детей. Кстати, на Кубе очень большие, особенно в деревнях, семьи — по 11—15 детей. Мужчины и женщины худые, изможденные работой, бедностью.

А вокруг — прекрасная природа. Вдоль центральных дорог, вдали от них — вечнозеленые пальмы, у них серые, цементного вида конусообразные стволы с кисточкой листы наверху. Встречаются пальмовые рощи, напоминающие наши сосновые боры. Но в таких борах лежит в солнечный день легкая тень, растет зеленая трава. Пальмы все пронизаны солнцем, тень от их

листьев не достаёт до земли. Вокруг савана с жесткой, как щетина, жухло-зеленой травой. Видны стада круторогих коров, огороженные выгоны для овец. Скот пасется круглый год, но тощий. Только после дождя появляются свежие побеги травы, вот их и выщипывают животные. Мыс Анатолием Доминиковичем вспомнили выслушивание одного лектора, который перед самой нашей отправкой в правительственную командировку рассказывал о положении в Латинской Америке. Говоря о Кубе, заметил, что там почти нет крупного рогатого скота. Но скота, оказывается, много, но здесь совсем иные, чем у нас, условия его содержания. Корм, в основном подножный, и не очень богатый. Вспомнили мы наши луга с их шелковистой, мягкой травой, тучных коров. На дорогах дежурят вооруженные кубинцы. Останавливают, проверяют каждую машину — людей, багажники. Ищут контру. Узнав, что мы советские, приветливо кивают головой: "Руссо, руссо! Ка-марад!"

В одной из деревень, заметив нас, из дверей дома пулей вылетела голенастая, лет 13 девчушка, долго махала нам вслед рукой.

Нашу зеленого цвета машину ГАЗ-63 кубинцы везде приветствуют. Особенно экспансивно в выражении чувств дети, подростки, они стараются пожать руки, а кому удастся получить какой-нибудь значок — нет предела радости. Вообще, отношение к советским людям не только доброжелательное, а даже какое-то восторженное, любовное.

Одна из первых наших остановок — в хозяйстве Климовича, штаб которого расположен на вилле местного латифундиста, бежавшего на Гаити.

Я еще на родине слышал фамилию этого командира полка ракетчиков-зенитчиков. Встретились впервые. Волевым, загорелое лицо, рыжие усы с подпалинкой от постоянного курения. Встретил как земляков, радостно, показал "хозяйство" — огневые позиции в саване, среди низкорослых пальм. Рассказывает:

— Не люди у нас — золото. Несмотря на трудности — не рошут. Полное понимание обстановки. Просят только — дайте автоматы, пулеметы, гранаты, чтобы в случае необходимости можно было защитить себя от десантов. Одними карабинами и пистолетами не отобьешься. А ракеты — они ведь "земля — воздух"...

Климович ведет дневниковые записи, показал кое-что. Говорит: "Лучше бледные чернила, чем хорошая память. Для детей и внуков пишу. Думаю и надеюсь, это и подчиненным внушаю, -

отсюда мы выберемся подобию-поздорову. Хотя... Хотя чувствую — быть большой грозе. Ракеты смотрят в зенит. Таков приказ..." В Санта-Кларе военный аэродром. При въезде у контрольно-пропускного пункта нет привычного нам шлагбаума. Просто поперек дороги положено наполовину врытое в землю бревно. Ни одна машина не рискнет проскочить его схода. Наш водитель, уже знакомый с такой преградой, улыбается кубинскому "секрету". Сбросив скорость, сообщает: — Это они от контра...

На аэродроме летают кубинские летчики на советских МиГах. Инструкторы — советские и чехословацкие.

Я услышал здесь интересную историю о том, как Рауль Кастро отбирал юношей для поездки в Советский Союз на учебу в летные военные училища. Группу молодежи вначале посылали на лесоразработку в самый трудный горный район Сьерра-Маэстра. Несколько месяцев нелегкого труда, далеко не лучшей и скудной пищи, жесткой дисциплины служили естественным отбором. Тому, кто выдерживал испытания, не была страшна теперь самая трудная учеба. И Рауль оказался прав — из таких парней получались настоящие летчики. Я беседовал с некоторыми из них. В Советском Союзе они успели овладеть не только летным делом, но и русским языком. С восторгом говорят о МиГах, о своем Острове Свободы, в небе которого летают, восторгаются необозримостью советского неба, о желании еще лучше овладеть летным делом.

Орландо Наварро — летчик-истребитель. Ему 23 года, сын чистильщика обуви в пригороде Гаваны. Делится впечатлением о первом полете над Кубой.

— В вашей стране я не видел с воздуха границ. Другое дело Куба. Но многие считают, что это один большой остров. Нет, это целый архипелаг, в нем 1600 островов! И я обязан их надежно прикрыть с неба от американских мурен...

Оказывается, в водах Латинской Америки водится такая хищная рыба, напоминающая змею зеленого цвета, достигающую трех метров длины!. Она агрессивна, первой нападает на человека, своими острыми зубами мурена вырывает куски тела.

С Орландо (это имя, производное от французского Ролан, означает "слава страны") мы беседуем в барачного типа столовой с длинными дощатыми столами, с которых только что убрали посуду. И сразу же за столами разместилась группа солдат, они положили рядом с собой карабины, достали с сумок карандаши и тет-

ради. К столбу подвесили школьную доску. Начался урок для малограмотных. Преподаватели — девушки в военной форме, с пистолетами на бедре. Ученики разных возрастов — от подростков до пожилых солдат.

— У нас учатся почти все, — говорит Орландо, — кто вот так, вместо отдыха, ликвидируя малограмотность, кто в заочных или вечерних учебных заведениях. Куба хочет и должна быть грамотной, иметь своих специалистов во всех отраслях народного хозяйства, — убежденно говорит летчик. — Куба станет самой образованной страной в Латинской Америке!

Второй мой собеседник — техник самолета негр Альберто Фуэндес Диасадор. Тоже учился в Советском Союзе, с трудом, с говорит и понимает по-русски. Заочно учится в техническом вузе, поэтому в сумке вместе с инструментом таскает учебники. Отец Альберто погиб во время революции, был в повстанческой колонне Фиделя.

— Я не люблю военного дела, — откровенно признается механик самолета, поблескивая белками глаз на темно-каштановом лице. — Хочу создавать машины. Но сейчас главное — защита от американских империалистов. И я служу в армии, так велит мой народ.

На аэродроме произошла неожиданная для меня встреча с советским летчиком капитаном Герасимовым, которого я знал по Курильским островам. Я даже не сразу вспомнил, на каком из аэродромов мы встречались, Герасимов напомнил. Сейчас он инструктор, "вывозит" кубинских летчиков, проверяет их технику пилотирования, учит обнаружению и перехватам воздушных целей.

— Ребята старательные, не жалеют себя, чтобы хорошо летать, — говорит мой знакомый. — Да беда в другом — многим грамотишки не хватает. А оборудование на самолете, сами знаете, какое. Электронное. Интуицией и желанием не всегда им овладеешь.

Живут летчики в палатках, неудобно. Питание неважное, отдых не организован. Изнуряют жара, высокая влажность. Самолеты МиГ-21 находятся в ящиках, в разобранном виде: двигатели отдельно, плоскости — отдельно. На аэродроме их быстро собирают — и в воздух на облет. За территориальные пределы Кубы не ходят, там шныряют американские истребители. Ведут себя нахально, вызывающе. "Проучить бы!" — говорят наши летчики.

— Мы готовы потягаться. МиГ-21 — хорошая машина, мы и кубинские ребята горим желанием испытать себя. Но — пока нельзя, категорический приказ не вступать в бой...".

Перед отъездом с аэродрома интересуюсь у командования авиационным полком последними новостями. Кеннеди, якобы, на днях заявил, что действия Кубы носят оборонительный характер, наступательного оружия у Кастро нет. Но Соединенные Штаты готовы в любой момент высадить на Кубу десант морской пехоты. Объявлено о призыве 150 тысяч резервистов.

Почти все латиноамериканские страны, за исключением самых крупных — Бразилии и Мексики, — проголосовали на совещании своих представителей за блокаду Кубы и разрыв с ней дипломатических отношений.

В связи со сложившейся ситуацией на Кубе, ее печать приводит текст одной "исторической" телеграммы, направленной в 1898 г. газетным королем Херстом своему фоторепортеру Ремингтону в Гавану. Тогда, воспользовавшись слабостью Испании, которой принадлежала Куба, правящие круги США решили не допустить победы кубинского народа над колонизаторами, вмешаться в борьбу, разыграть роль союзника кубинских повстанцев — захватить остров. Херст требовал от фотокорреспондента фотоснимки волнений, которые дали бы формальную зацепку для вмешательства США в кубинские дела. Ремингтон телеграфировал: "Нью-Йорк. Херсту. Все спокойно. Здесь никаких волнений. Хочу возвращаться, т.к. войны не будет. Ремингтон".

Херст ответил: "Гавана Ремингтону. Прошу оставаться на месте. Вы даете фото, войну даю я. Херст".

Перефразируя текст херстовской телеграммы, задание современной американской разведке звучит примерно так: "Обеспечьте фотоснимки советских ракет на Кубе и война будет гарантирована".

И разведка рыщет — в воздухе, на земле. Задержано несколько шпионов вблизи огневых позиций наших ракет, особенно "земля — земля". Куба наводнена американской агентурой.

Уже середина сентября. Где-то на Родине стоит золотая осень. На Кубе заканчивается период дождей. Близится сухой период. Здесь год делится на эти два периода, со сравнительно небольшой разницей температур.

С группой офицеров выезжаем в один из дивизионов. Закончив работу, решили искупаться в расположенной рядом реке. Вода теплая, чистая, бодрящая. Лежим на берегу, предаемся воспо-

минаниям. С нами начальник штаба дивизии полковник Н.Н. Арсеньев, полноватый для своего среднего возраста, из бывших летчиков. Знаю, что у Ник. Ник, как мы все зовем своего начштаба, неважно с сердцем, ему противопоказана жара. Но никогда не жалуется, наоборот, других подбадривает, часто восхищается теми, кто не рошчет в трудную минуту. Вслух делится мыслями:

— Нам, помнящим войну, к трудностям не привыкать, хотя каждая новая кажется сложнее старой. И все же такого спецзадания, которое выпало нам, и во сне нельзя было предвидеть. Нам-то старикам что! (Ник. Ник. немного за сорок и он, пожалуй, старше всех нас годами). Службу знаем! А вот насчет молодежи я опасался. Как поведет она себя в необычной обстановке? Помню переход через Босфор. Человек 200 солдат сидели в квиндеке за металлическими перегородками, при температуре наружного воздуха около 30. Так надо было. Теплоход "Полтава" шел с грузом, а не с пассажирами, и турецкому боцману незачем было их видеть. Боцман дважды проходил у квиндека, и хотя бы шорох услышал... А в это время простудившиеся солдаты вдавливали лицо в подушку, задыхались от рвущегося кашля... Не хватало пресной воды, камбуз рассчитан на команду из полсотни человек, а готовили на 250. Еще и хлеб ухитрились спечь. Лишь ночью все поднимались на палубу. А когда прибыли на место, вот в этом же дивизионе надо было срочно оборудовать командный пункт. Так вот, домашний норматив развертывания сократили почти в пять раз, работали день и ночь. Лица, руки пухли от комаров, мошкары, работали без сеток — их не было. Терпелив же русский человек! — Расскажет ли со временем кто-нибудь об этом? Впервые в истории так далеко шагнул наш советский солдат. Не как завоеватель, конечно. Как защитник чужого народа...

Последние слова Николай Николаевич произносит как-то естественно и просто, не как газетную фразу.

Состоялась очередная поездка в Гавану, на этот раз — с группой будущих переводчиков. В штабе группы открываются месячные курсы испанского языка. Показал полковнику Плаксину, ведающему пропагандой, свежий оттиск памятки шоферу, отпечатанный в нашей походной типографии.

— Первая советская печатная продукция на Кубе! — воскликнул полковник.

Сразу же доложил об этом генералу Петренко. Тот вдруг при-

нял решение: всей моей редакции с машиной прибыть в Гавану. Будем печатать информационный бюллетень.

Приказ не вызвал у меня особого восторга: люди не подготовлены к такой работе. Но есть в этом свои плюсы: будем тренироваться в наборе. Это лучше, чем безделье. Да и Гавана — не поселок Лимонар.

По радио передано заявление советского правительства по поводу Кубы. В нем говорится: "Любая агрессия против Кубы будет означать начало мировой войны". От таких слов бросает в дрожь, это игра с огнем.

25 сентября уезжаем в Гавану. Сколько там пробудем — неделю, месяц? Предполагается — до прибытия редакции групповой газеты, которая, якобы, уже в пути.

В частях среди личного состава вспышка дизентерии, сотни больных, в основном солдат.

Состоялась еще одна памятная встреча — с К.Л. Кардановым, полковником, Героем Советского Союза. Вместе служили на Кубрилах. В тот день я услышал рассказ о необычном случае, который произошел с Кубати Локмановичем и двумя молодыми офицерами. Втроем они вышли на кубинском катере в открытое море встречать наш корабль. Недалеко от берега катер загорелся, пришлось прыгать в воду, и километра два добираться вплавь до берега. А у Карданова после ранения не сгибается рука. Взяв новый катер, офицеры снова ушли в море, встретили, хотя и ближе к порту корабль, выполнили приказ. Командующий Павлов-Плиев наградил всех трех офицеров именными часами.

Живем и работаем в предместье Гаваны, в так называемой Колонии. Раньше здесь воспитывались правонарушители-подростки. В сваленных в кучу архивах 1902 — 1905 гг. карточки с записями дел и фотографии малолетних преступников — негров, мулатов, белых. Вместо "белые" хотел написать "кубинцы", но ведь негры и мулаты — тоже кубинцы. В связи с этим вспомнился недавний случай. Я спросил одного из милисианос, кто он по национальности. Надеялся услышать "китаец", поскольку очевидной была принадлежность к желтой расе. Но миласианос с гордостью ответил: "Кубано!" Действительно, все живущие на Кубе - кубинцы. Нечто похоже на новую общность людей, которую пропагандируют в нашей стране — "советский народ". Хотя он состоит более чем из сотни наций, национальностей, народностей, у каждого есть свой родной язык, своя территория, своя нацио-

нальная культура. У кубинцев нечто другое: язык у всех общий - испанский, одна у всех родина, и здесь какой-то расовый признак не играет роли. Участник войны за освобождение Кубы от испанских колонизаторов генерал Антонио Масео был негром. Но это — национальный герой не только негритянского, а всего кубинского народа. У Фиделя в повстанческой армии тоже было немало негров-командиров, таких как Хуан Алмейда, в настоящее время он командует Центральной армией. И пишет, говорят, хорошие стихи.

Редакция разместилась в помещении бывшей тюремной мастерской с зарешеченными окнами. Поставлена жесткая задача: за ночь набрать и отпечатать листовку с заявлением ТАСС по поводу событий на Кубе. С трудом, но к утру мы начали выдавать продукцию, отпечатанные несколько тысяч листовок сразу повезли на узел связи, для отправки в войска.

В колонии много пальм, баобабов с густой кроной, дающей плотную тень, кустарника, зарослей бамбука. Вся эта субтропическая растительность уже примелькалась и не вызывает особого интереса. Глядя на нее, вспоминаю мягкую зелень родного Полесья.

Но вот поющих птиц здесь много. А по утрам, в ранчо, через дорогу, как в украинском селе, поют петухи.

Захватили с собой сухой паек — консервы, сушеные овощи. Но никто есть не хочет. Пьем чай, кофе, компот. Наши интенданты в Советском Союзе могли, конечно, и не знать, куда мы убываем. И все же "сумели" снабдить нас продукцией с просроченным сроком годности, многие консервные банки проржавели. Видать, очистили склады от залежалого продовольствия. Вот и вспоминаем мы злым и не тихим словом интендантов-соотечественников.

В местном гарнизоне кроме штатных служб, много обеспечивающих подразделений. Порядка, дисциплины в них почти нет, не чувствуется командирской руки. Такое ощущение, что солдаты живут сами по себе, их руководство — само по себе. В санчасти — толпы болеющих дизентерией. Строго предупреждаю своих - следите за чистотой. Но везде — рои мух.

Из Генерального штаба приехала группа генералов и офицеров изучать на месте обстановку, идет третий месяц нашего пребывания на Кубе, нерешенных проблем уйма. Но все чего-то ждут, никто не принимает ответственных решений, не стремится к ини-

циативе, все ждут указаний из Москвы. Для многих памятен слу- чай с М.К. Токаренко, снятие его с должности. Поэтому стоит ли рисковать?

Придет время — все решится само собой. Есть у кубинцев ти- пичное выражение — маньяна — завтра. То есть то, что можно сделать позже, не спеша решать сейчас. По сему поводу есть даже анекдот. На нашего часового напали контрас. Он не растерялся, произнес волшебное слово "маньяна" и контрас ушли, отложив дело на завтра.

Связь с Родиной усложнялась. Прямых авиарейсов из Москвы на Гавану нет, хотя действует линия чехословацкой авиакомпа- нии Прага — Гавана через африканскую Аккру (Гана) и канадс- кий город Монреаль.

Но наши самолеты через эти аэропорты не пропускают. Види- мо, не без влияния США. Изучается вариант авиалинии Москва — Гавана через Северный полюс. Но пробных рейсов пока не было... Говорят о новом самолете Ил-62, берущем 160 пассажиров и способном без дозаправки преодолеть это расстояние. Правда, достоверность этой информации не официальная, о ней сообщают офицеры из штаба группы войск. Они тоже используют различные, чаще дипломатические каналы для связи с Москвой. Хотя корабль, доставляющий посольскую почту, возвращается в СССР через месяц-полтора, пока не обойдет несколько портов Латинской Америки. Так что отправленное мною через посольство в конце сентября письмо получают дома в конце октября — начале ноября.

В кармане мелкие сентаво, не на что купить даже минераль- ной воды. Финансисты оправдываются неотработанными опера- циями с кубинским банком. Офицерам выдали по 50 песо, и все бросились покупать легкую камису — рубашку. Наша шерстяная одежда лежит в чемоданах.

27 сентября на теплоходе "Лениногорск" прибыла редакция групповой газеты. Ездил в Кабаньяс, это в полусотне километров западнее Гаваны, встречать коллег. Ба, знакомые все лица! Боль- шинство сотрудников редакции — из киевской окружной газеты "Ленинское знамя". Подполковник Б.Н. Буйских (редактор), В.П. Телепнев (заместитель), майор Миша Назаров, капитан Вася Ефремов. И еще одна неожиданность — спецкор газеты капитан Виталий Комарницкий — мой земляк с Черниговщины, мы вмес- те учились с первого по седьмой класс. Не виделись мы с Вита- лием больше 20 лет, он летом 1941 г. эвакуировался на Восток.

Окончил военное училище, был политраблотником, сейчас — журналист. Обнялись, расцеловались. Нам было что рассказать друг другу.

Я надеялся, что кто-то из киевлян привезет мне весточку о семье. Тем более, что с Б.Н. Буйских мы живем на одной улице. Увы, Борис Николаевич "не додумался", как он говорит, что-нибудь узнать о моей семье. А жена вряд ли знала об отъезде соседа на Кубу. До этого я, видимо, был здесь один из столицы Украины. Сейчас можно создавать киевское землячество.

Редакция групповой газеты размещена вместе с офицерами штаба группы в деревне Чико, это километров 30 южнее Гаваны. "Чико" — по-испански "парень", принятое обращение. Фидель построил деревню для семей погибших революционеров. Но заселить не успели, и деревню передали во временное пользование советским товарищам. Со многими обитателями Чико я знаком, часто узнаю от них последние новости, оценки тех или иных событий. На днях группа офицеров из Чико побывала на острове Пинос. Легенда сообщает, что именно о нем рассказано в полном приключений романе Роберта Льюиса Стивенсона "Остров сокровищ". Сейчас на Пиносе стоит наш зенитно-ракетный дивизион. Остров, говорят, красивый, весь в соснах ("Пинос" — сосна). Здесь много вилл, коттеджей, дач не только богатых кубинцев, но и их северных соседей. Правда, сейчас все они бежали, здания переданы народной власти. Ракетчики рассказали гостям интересную историю. На пороге одной из богатых вилл солдаты увидели издыхающую от голода собаку. Ее оставил хозяин, бежавший в Мексику. Собака отказывалась брать еду из чужих рук. И все же наши ребята смогли приручить "Батисту", как называли собаку. Откормили ее, и она стала помогать ракетчикам нести боевое дежурство, особенно ночью. Даже своим лаем однажды упредила нападение контрас. "Батиста" служит революции.

В октябрьские дни 1962. Куба готова к бою

Две недели редакция напряженно работала над выпуском информационных бюллетеней. Печатали их, в основном, ночью, потому что материалы поступали под вечер. Спать приходилось по три — четыре часа. "Как в фронтовых условиях", — говорили ребята, не жалуясь на трудности. И вот пришла смена, мы возвращаемся "домой", в Лимонар. Ребята соскучились по стране "Лимонии", своей армейской семье.

Военный совет нам объявил благодарность, редакции выписали фотоаппарат "Зоркий-4". Прощаясь, генерал Петренко сообщил о возможном включении нашего редакционного коллектива в состав групповой газеты. Мне рекомендуется должность постоянного или специального корреспондента газеты. Но после "открытия" группы войск, не раньше ноября. Правда, все это предположения, еще неизвестно, какой оборот примут события на Кубе. Вокруг нее пока идут словесные дуэли. Белый дом проводит различные встречи с партнерами по военным блокам, политическим союзам, заручается их поддержкой на случай экстренных мер к строптивому южному соседу, поставившему под сомнение право американцев распоряжаться на Кубе как в своем штате.

В октябре в ООН выступил президент Республики Куба Освальдо Дортикос. Кубинская телестудия вела прямой репортаж из зала заседания. Мы смотрели и слушали выступление Дортикоса. Речь его была бурной и пламенной, во многом напоминающая речи Фиделя. Представитель США Стивенсон, с грубыми чертами лица, лысый, нервно тербил карандаш, во время частых вспышек аплодисментов, из-под руки посматривая в зал — кто аплодирует кубинскому президенту. Спокойно вел себя А. Громыко. А с галерки для зрителей неслись выкрики, полиция несколько раз выводила "контру" из тех, кто бежал из Кубы.

Председатель ассамблеи предупредил галерку, что если она будет мешать ходу заседания, прикажет очистить места, отведенные для публики.

Все кубинские газеты опубликовали речь в ООН президента Дортикоса. Его самого Гавана встречала как национального героя. Смысл выступления президента Кубы в ООН сводился к тому, что Острову Свободы есть чем защищаться, у него надежные союзники. Истории не повернуть вспять. Наше дело правое. "Патриа о муэрте!"

Совершил деловую поездку в Чико, колонию, Гавану, в военный госпиталь, побывал на "Адмирале Нахимове". Он успел совершить второй рейс на Кубу. Каждый из них в два конца — полтора месяца.

Особых новостей нет, все в их ожидании, по-прежнему довольствуются домыслами и слухами, комментариями к иностранным радиопередачам.

Судьба групповой газеты, оказывается, тоже под вопросом. Пока ее коллектив выпускает информационные бюллетени, начатые моей редакцией, но на более высоком типографском уровне. Большинство журналистов — опытные творческие работники, жаждут дела. А его пока не предвидится, выпуск газеты пока не просматривается. Журналисты запасаются материалами, планируют выпуск сборника очерков о советских специалистах на Кубе.

Впервые по-настоящему посмотрел Гавану, бродил по ее улицам, проспектам, площадям. Весь город залит солнцем, в зелени, много памятников, бюстов, особенно апостолу кубинской революции Хосе Марти. Почтение к нему можно сравнить разве с нашим уважением к В.И. Ленину. Прекрасная набережная Молекон, на берегу Флоридского пролива стены старинных, колониальных времен крепостей Кабань и Морро. В киосках красочные открытки, еле наскреб несколько песо на восемь открыток, чтобы отправить их домой через штурмана "Адмирала Нахимова", который возвращается в Одессу. Говорят, что сейчас американцы следят за каждым нашим кораблем, их вертолеты и морской разведчик "Нептун" буквально висят над палубами.

Москва, якобы, не согласилась с предложением руководства нашей группы войск на Кубе о годичном сроке службы в местных условиях, учитывая прежде всего непривычность климата. Определено два года. Для многих такой срок заметно скажется на здоровье. Уже есть немало случаев различного рода заболеваний - сердечных, легочных, желудочных. Потребуется особый медицинский отбор контингента солдат и офицеров для службы на Кубе. Хотя еще неясно: то ли это будет группа войск или группа советских военных специалистов-инструкторов. Конечно, государству выгоднее и дешевле проводить замену контингента раз в два года. Но, судя по всему, наше московское руководство не очень-то заботится о благе своих подданных. Почему-то вспомнилась моя семилетняя срочная солдатская служба в зарубежных

военных городках. И после приказа об увольнении хотя бы кто спасибо сказал моим сверстникам, которые провели молодость в казармах. Мало того, десятилетия в открытой печати даже не упоминалось о самом факте семи — восьмилетней срочной службы. Сотни тысяч юношей ушли на гражданку без образования, специальности и лишь некоторым удалось с большим трудом навестать упущенное.

Сейчас, видать, тоже никто не собирается благодарить воинов-интернационалистов, выполняющих правительственное задание. Офицерам положили второй оклад по должности — это полторы — две сотни рублей в месяц за риск остаться на Кубе навсегда. А солдаты и того не имеют.

У людей большое нервное напряжение. Многие находят разрядку в пьянстве. Единственное ограничение — отсутствие песо. Но кто ищет, тот всегда найдет. Например, в обмен на консервы, поскольку продукты на Кубе дороже спиртного.

Печать сообщает: с 16 октября по 30 ноября Советский Союз испытывает в районе Гавайских островов многоступенчатые ракеты. Там будут находиться советские корабли подводного и надводного флота.

Смысл испытаний и выбор района пуска ракет становится яснее, когда посмотреть на карту. Гавайские острова — территория США, ее штат и находятся в Тихом океане на пути к берегам Америки. Продолжительность испытаний определена не неделей-второй, как обычно, а полтора месяцами. Мы гадаем: может, в этот "испытательный" период будет официально объявлено о создании группы советских войск или их ограниченного контингента на Кубе?

Впервые видел и слышал по кубинскому телевидению выступление Фиделя перед медицинскими работниками. На крупном экране Фидель выглядит моложе, чем на портретах, приемы опытного оратора, привыкшего выступать перед большими аудиториями. Речь полна темперамента, богата жестикующей, мимикой, приемами психологического воздействия на слушателей.

* О том, что подобное — не частный случай, свидетельствует выпущенная Военным советом советских войск на Кубе листовка-памятка, в которой прямо сказано, что "отдельные товарищи допускают случаи пьянок, аморальные проступки, чем роняют высокое звание советского человека". Будь это с "отдельными товарищами", вряд ли стоило всех предупреждать. Но это стало новилось массовым явлением.

Во время выступления Фиделя нельзя думать о постороннем, отвлекаться. Оратор вовлекает в разговор всю аудиторию, даже тех, кто сидит у телевизора. В словах Фиделя — чувство непримиримой ненависти к американским империалистам. И в то же время прямой откровенный разговор как со всеми слушателями, так и с отдельными представителями, обращение к ним прямо по имени или фамилии.

Многие товарищи из Чико встречались с Фиделем, слушали его выступления, говорят о его эмоциональном воздействии на собеседника, своеобразной, чисто кубинской простоте обращения.

Побывать в Риме и увидеть Папу римского далеко не всем удастся. Но побывать на Кубе и не услышать (если не увидеть) Фиделя Кастро — просто невозможно. Я надеюсь, что мне все-таки удастся услышать вождя кубинской революции.

С группой офицеров штаба и политотдела ездили на занятия по боевой подготовке к авиаторам в Санта-Клару. И там произошел случай, который, откровенно говоря, напугал меня. Находящийся не у дел М.К. Токаренко вдруг вылетел на реактивном истребителе-перехватчике. Услышав об этом, я поспешил вместе с А.Д. Ждановичем на летное поле. Кузьмичу под сорок пять, он списан с летной работы. Что задумал генерал? Ведь здесь далеко не все знают о его морально-психологическом состоянии. Несколько недель он живет одиноко, особенно томительны для него вечера, редко с кем пускается в откровенный разговор, со мной и Орловым хотя и в ровных, доброжелательных отношениях, но в пределы личных переживаний не пускает. Кто же дал добро на взлет? Может, сработал авторитет фронтового летчика, Героя, генерала?

К счастью, все обстояло проще. Михаил Кузьмич вылетел на спарке в задней кабине, вместе с командиром авиационного полка. Это был последний в жизни полет генерал-майора авиации М.К. Токаренко на реактивном истребителе. Кузьмич воевал на Курской дуге, знал небо Украины, Польши, Германии, Дальнего Востока. Но так случилось, что последним для него стало небо Кубы.

Возвращаясь из Санта-Клары, мы заехали в запущенный лимонный сад. Низенькие деревья густо увешаны небольшими, размером с крупную сливу желто-зелеными лимонами. Но сок его в несколько раз кислее спелого желто-оранжевого крупного лимона. Четвертая долька на стакан чая делает его очень кислым. Мы

по-настоящему не знали об этом и наполнили плодами парашютную сумку. Хватило на всех.

А вот кокосовая пальма, с большими, тяжелыми, как бульжник, орехами. Их сок понравился не каждому, вроде разведенного мела. Но хорошо утоляет жажду. И есть у сока, оказывается, важное лечебное свойство — он растворяет камни в почках и желчных пузырях. А их образованию, по свидетельству медиков, способствует местная вода, климат с постоянными испарениями, нервные перегрузки.

В лавчонках, на улицах появилось много цитрусовых, овощей. Даже к нашему столу как допшаек начали давать бананы.

На Кубу прилетел первый глава независимого Алжира Ахмед Бен Белла, создатель фронта национального освобождения Алжира, организатор 1 ноября 1954 вооруженного восстания против французских колонизаторов. Гавана восторженно приветствовала посланца героического Алжира, называя его родным братом Кубы по революционному духу.

Наши острословы пустили гулять изречение: "Нам на Кубе не до жиру, добежать бы до Алжира". Бежать, конечно, никто не собирается, хотя волонтеры, разреши им, пешком пошли бы туда, откуда солнце всходит. Третий месяц никаких вестей от родных. Как там семьи, главы которых отправились в неизвестность? Когда в лимонном саду мы устроили короткий отдых, один из наших офицеров из авиационной группы присел на камень, закурил, вперив задумчивый взгляд в землю. Подошел кубинец средних лет, побывавший в нашей стране. Сочувственно спросил:

— Товарищ думает Советский Союз?

— Да, да, думает о Советском Союзе, — встрепенулся летчик-инструктор, которому, видимо, вспомнились дети, жена, оставшиеся по ту сторону земного шара.

Наши офицеры, беседовавшие с многими кубинцами о перспективах развития революции на Кубе, говорят о политической сумятице в их умах. Почти у всех смутное представление о сущности социализма. Один из студентов, изучающих русский язык в Гаванском университете, заявил, что он вообще-то за социализм, но против коммунизма.

* Этой информации я тогда не придавал значения, хотя кое-кто из офицеров, в том числе А.Д. Жданович, старались воспользоваться лечебным свойством сока кокосовых орехов. Лишь несколько лет спустя, когда в военном госпитале были обнаружены камни в моих почках, что и определило статью увольнения в запас, я снова вспомнил Кубу.

Потому что он ограничивает свободу человека. На вопрос, что следует понимать под свободой, студент ответил: "Право личного выбора судьбы". Выпадет в жизни удача — будешь богачом, обойдет тебя удача — будь слугой. И не надо перераспределять богатство, на всех его не хватит, зато все будут полуничими. И никто не захочет хорошо работать, станет рассчитывать на свою долю от труда других...

Вот такая философия. Чувствуются некоторые опасения от сделанного Фиделем выбора. Народ ему доверяет и считает, что Фидель не ошибается. Шутка ли — первое социалистическое государство на Американском континенте и под боком у оплота империализма — Соединенных Штатов, готовых в любой момент прихлопнуть Кубу. Так бы оно и было, не будь Советского Союза.

Внимательно читаем кубинские газеты (переводит Оводков), слушаем всевозможные "голоса" (тоже с переводом Василича), иногда удается услышать даже Киев, украинську мову.

Кубинские газеты сообщили о нападении Индии в районе Тибета на Китай. Английское "Би-би-си" на русском языке сообщило о нападении Китая на Индию. Украинское радио передает об уборке буряков и кукурузы и ни слова об индокитайском конфликте, ничего о Кубе.

А вечером 22 октября по американскому радио и телевидению выступил президент США Д. Кеннеди и сообщил об отданном им приказе начать военную блокаду Кубы. Президент мотивировал это тем, что на Кубу направляется караван советских судов с термоядерными боеголовками для ракет "земля — земля". В США еще 14 октября пришли к окончательному выводу: на Кубе - советские стратегические ракеты среднего радиуса действия. Объявление Кеннеди о "ракетном кризисе" вызвало в стране шоковое состояние.

— Шеф, доставай из-под подушки пистолет, воевать будем! - попытожил перевод выступления Кеннеди Оводков. — Вот теперь и я слышу запах пороха, — потянул носом.

* Речь идет о ракетах Р-12 известных на Западе как СС-4-жидкостные, с дальностью до двух тысяч километров. На Кубу было доставлено 42 ракеты, но боеголовок — 20 штук. Еще 20 были на кораблях. Об этом сообщила газета "Красная звезда" 4 февраля 1990 г. в материале "Операция "Анадырь".

ВОЕННАЯ БЛОКАДА

Военные корабли и самолеты США приступили к блокаде. Вечером 22 октября всем советским войскам на Кубе объявлена высшая боевая готовность. Приведены в готовность к отражению агрессии вся кубинская армия, милиция. В течение трех часов произошла всеобщая военная мобилизация. Весь народ стал под ружье. Ожидается выступление по радио и телевидению Фиделя.

Мне утром на второй день пришлось проехать в сторону Матансаса. Везде суровые и решительные лица кубинцев, среди лозунгов-призывов выделяются два: "А лас армас!" (К оружию!) и "Патриа о муэрте" ("Родина или смерть!"). Везде проверки. При виде советских товарищей строгие лица кубинцев светлеют надеждой и уверенностью, в глазах вопрос-утверждение: "Они не пройдут!" Утренняя газета "Революсьон" на всю полосу крупным шрифтом сообщила: "Нация готова к войне!"

Стоит пасмурная, облачная погода, нет изнуряющей жары. Ночь на 23 октября прошла в тревожном ожидании. С командного пункта дивизии, расположенной в нашем городке в обычном барачном здании, даже не подземелье, как требовала обстановка, сообщили: американские самолеты курсируют вдоль берегов острова, наши радиолокационные станции постоянно следят за

О сложившейся на тот момент ситуации обстоятельно рассказывает в газете "Известия" (1 марта 1989 г.) ее политический обозреватель С. Кондратов, работавший в дни Карибского кризиса корреспондентом газеты в Нью-Йорке. Вот отдельные места из статьи "Еще о Карибском кризисе в критическом свете гласности": "Карибский кризис разразился из-за того, что на Кубу были завезены советские ракеты". "18 октября 1962 года президент Кеннеди... принимал министра иностранных дел СССР А.А. Громыко. У президента в ящике стола лежали... фотографии ракет на боевых позициях". "Громыко о ракетах знал. Но советский посол Добрынин... не знал. Не знали наши дипломаты, журналисты, другие сотрудники в Вашингтоне и Нью-Йорке". Далее С. Кондрашов рассказывает об установленном в ООН щите с разоблачительными фотографиями ракет среднего и промежуточного радиуса действия. Советский представитель Зорин, отрицал достоверность фотографий, советская печать до 25-го октября называла их фальшивкой. Именно в тот день Н.С. Хрущев назвал ракеты ракетами в беседе с одним американским бизнесменом. Но эта беседа прошла в американской, но не в советской прессе. Таким образом, констатирует С. Кондрашов, "весь наш народ был подведен к краю ядерной пропасти, не зная об этом, не имея возможности понять из-за чего предметно возникла чрезвычайная ситуация"... О ракетах американцы знали, кубинцы тоже, а наш народ — нет.

ними. Все солдаты и офицеры при штатном оружии, отрыты или дооборудованы прежние окопы, ходы сообщения.

Накануне вечером смотрели под баобабом кинофильм "Бес- смертный гарнизон" о защитниках Брестской крепости. Не ока- жется ли в подобной ситуации наш небольшой гарнизон, десятки других советских гарнизонов на кубинской земле? Чувства страха перед боем нет, люди действуют четко, осмысленно выполняют приказы и распоряжения. У всех на устах одно — нужно бы помощнее вооружение — автоматы, пулеметы, гранатометы. Но штабным, обслуживающим службам оно не положено.

У редакционной палатки, рядом с походной типографией вырыли убежище (на случай бомбежки), сделали легкое перек- рытие, другого не было. Солдаты шутят: "От жары и комаров". Но, как говорится, береженого бог бережет. События могут принять самый неожиданный оборот. Есть данные о том, что все наши военные объекты, городки, нанесены на американские карты и определены как цели для нанесения ударов. Остается только проставить дату, часы и минуты.

Тревожно прошла ночь и на 24-ое октября, почти никто не спал. На линии круговой обороны постоянное дежурство. От нас до океанского побережья Кубы — километров пятнадцать. А всего в нашем районе ширина острова около полсотни километров. В случае высадки десанта морских пехотинцев мы сразу же ока- зываемся в зоне боевых действий.

На командном пункте у экранов индикаторов бесшумно дежу- рят оперативные штурманы. Они поддерживают непрерывную связь с зенитно-ракетными дивизионами, с авиационным полком истребителей-перехватчиков. Все они в готовности к отражению нападения. На командном пункте находятся представители войск революционной армии Кубы.

Вчера заседал Совет Министров СССР, заслушал доклад ми- нистра обороны Р.Я. Малиновского. В стране объявлена полная боевая готовность, офицеры отозваны из отпусков, задержано увольнение в запас солдат.

По радио на всех волнах и всеми голосами — сильнейший на- кал страстей, взаимные угрозы, требования, обвинения. И при- зывы к благоразумию. В сводках последних новостей американс- ких радиостанций — подсчет миль, отделяющих идущие на Кубу советские корабли от линии блокады, занятой кораблями ВМС США. Сообщается об обмене нотами между Хрущевым и

Кеннеди. В них главная мысль — о необходимости мирного решения кризиса.

По телевидению смотрели и слушали выступление Фиделя Кастро перед членами правительства. Все они в военной форме, с усталыми, озабоченными лицами. Фидель заявил о готовности кубинского народа до конца защищать свою революцию, честь и независимость Острова Свобода. "Патриа о муэрте!"

25 октября политотделыцы, на коротке собрались в палатке, чтобы поздравить меня с днем рождения. Все при "пистолях", в касках на пояском ремне. Из 36 лет моей жизни восемнадцать с половиной связано с армией. Почти у каждого из собравшихся в палатке примерно такой же возраст и такой же срок службы. Подполковник М.М. Черкашин, заместитель начальника политотдела, и мой одноклассник, преподнес мне зажатый в кулаке подарок — легкие тонкие штаны местного производства. В шутовском поздравлении выразил пожелание, чтобы штаны, несмотря ни на какие события на Кубе, не пожелтели, оставались сухими. Мы чокнулись алюминиевыми кружками со "столичной" на доньшке, "закусили" рукавом и — по боевым постам. Кто-то вспомнил, как в прошлой войне перед боем давали наркомовские 100 граммов, не плохо бы, мол, восстановить традицию.

Возвращаясь из дивизионов, рот и аэродрома офицеры штаба и политотдела сообщают: весь остров — единый военный лагерь. Все побережье Карибского моря, Атлантики, проливов в сплошной линии обороны, все — от малого до старого, подготовились к решительному бою, во все глаза следят за небом и водой, ожидая выброса или высадки десантов. На улицах и площадях городов и деревень, у призывных пунктов народ поет "Интернационал" и национальный гимн. Везде митинги. Состоялся он и у нас.

* Как вспоминает А. А. Громыко (см. его статью "Карибский кризис: о гласности теперь и скрытности тогда", Известия, 16 апреля 1989 г.), в один из тех дней, когда Куба оказалась в кольце американской блокады и события принимали чрезвычайно опасный характер, Н. С. Хрущев, чтобы успокоить общественное мнение, вдруг предложил всем членам Президиума ЦК КПСС, обсуждавшим обстановку, сходить вечером в театр.

— Давайте покажем и нашему народу, да и всему миру, что у нас обстановка все же спокойная.

Громыко заявляет, что присутствие руководства страны на спектакле, сообщение в печати "эффективно сыграло свою роль". Но не было ли это еще одной попыткой ввести народ в заблуждение? Ведь угроза войны от этого не уменьшилась!

А. Д. Жданович зачитал последнее заявление советского правительства. Выступившие солдаты и офицеры коротко, от имени товарищей по оружию, заявили о своей готовности сражаться вместе с кубинским народом.

Поступили сведения о том, что часть советских кораблей, шедших на Кубу, остановились в океане, не полезли на рожон.

По данным кубинской разведки, американцы, якобы, определили время нанесения воздушного удара по острову между 25 и 27 октября. Поэтому день и ночь 26 октября были особенно тревожными. Все находились в касках, больше времени проводили в примитивных бомбоубежищах, которые могли разве что предохранить от осколков недалеко разорвавшейся бомбы. Задействованы все средства связи. Части ПВО получили боевой приказ: в случае появления американских самолетов сбивать их. Открытым текстом передан в части приказ командующего группой советских войск при нападении на Кубу вступить в бой.

С вечера со стороны Флориды пошли воздушные цели. Средства радиолокационного обнаружения постоянно' докладывали на КП дивизии о приближении противника к границам Кубы. С каждой секундой напряжение возрастало, ведь Флоридский пролив всего около 90 миль. Не входя в территориальное пространство Кубы, группа самолетов разделилась и пошла вдоль острова на удалении 50 километров. Один самолет вдруг изменил курс, направился на Матансас, прямо в сторону Лимонара. Но не доходя до берега круто развернулся и ушел бреющим полетом в открытый океан. На командном пункте пронесся вздох облегчения: ближайший к нам зенитно-ракетный дивизион уже взял этот американский истребитель-бомбардировщик "на обработку", был готов к пуску по нему ракеты "земля — воздух".

Ночью никто не спал. Разыгрался сильный ветер, в его завывании как будто слышался гул реактивных турбин. Налет ожидался в полночь или к рассвету...

* Пьер Селинджер, журналист, в дни Карибского кризиса пресс-секретарь президента США, в беседе с корреспондентом "Комсомольской правды" (4 февраля 1989 г.) сообщил: "Наш план был таков: когда советские корабли подойдут к линии блокады, мы должны были потребовать, чтобы они остановились. Но если бы суда продолжали движение, последовал бы предупредительный залп. Если бы нас не послушали, тогда нашим морякам был бы дан приказ уничтожить радары на советских судах, чтобы ослепить их и заставить остановиться...".

К утру ветер утих, взошло солнце, заблестела роса, запели птицы. Их щебетание казалось особенно радостным и приятным для нашего слуха, настроенного на гул самолетов, свист бомб.

Люди повеселели, ночь позади, а днем, вроде, чувствуешь себя в большей безопасности. Ведь по опыту прошлой войны известно — она началась на рассвете. Станный, партизанский вид у солдат и офицеров. Многие в черных плащах, подпоясанные ремнями с пистолетной кобурой, у всех через плечо лямка противогаза с его коробкой на боку, все в касках. Я даже сфотографировал свою редакционную команду в таком виде. "Нас не будет, фото будет", — мрачно изрек Артемов.

25 октября неожиданно, в самый напряженный момент, когда все были задействованы по боевым расчетам, М.К. Токаренко получил РГЗ Гаваны команду на отъезд в Советский Союз. Проститься, что-нибудь передать не удалось. Как потом мы узнали, генералу даже не дали улететь самолетом, ему забронировали место на грузопассажирском корабле, срочно уходящем из кубинского порта.

После завтрака в палатку прибежал радостный, возбужденный Оводков.

— Женья, что случилось? — спросил я.

— Важные новости! Американские радиостанции передали чрезвычайное сообщение: Хрущев от имени советского правительства направил президенту США Кеннеди послание с конкретными предложениями урегулировать карибский кризис. Американцы не возражают против предложения, — одним духом выпалил Оводков.

А условия были следующие. Мы вывозим свои ракеты "земля-земля" Кубы. США гарантирует ее целостность и независимость, отказываются от вооруженного вмешательства. Сами или с помощью контрреволюционных сил. И обещают ликвидировать свои военные базы в Турции. Срок урегулирования карибского кризиса — месяц.

Люди воспрянули духом. Слышны пророческие слова: "К но-

* Уволенный в запас Герой Советского Союза генерал-майор авиации М.К. Токаренко вскоре нашел свое место в жизни. Он возглавил крупное цветоческое хозяйство в Днепропетровске, стал в этом деле признанным специалистом на Украине. Мне приходилось встречаться с Михаилом Кузьмичом. Мы даже готовились написать воспоминания о боевом пути генерала, но в 1984 году он умер.

в тому году будем дома"! Вряд ли... Конфликт пока не ликвидирован, предложены только условия ликвидации. Как их реализовать?

Наши корабли, идущие на Кубу, получили приказ не входить в блокадную зону. "Голос Америки" на русском языке передал заявление министра обороны СССР Р.Я. Малиновского, якобы сделанное на совещании военных руководителей: "Мы обрушим на США глобальные ракеты, если американское правительство развяжет войну". Что-то не верится в открытый текст таких слов. Видимо, даны они в чисто пропагандистской американской интерпретации. Хотя, как говорится, ежу понятно: начнись война, стороны прежде всего обменяются ударами стратегических ракет. Что будет дальше — одному Богу известно.

27 октября вечером восточная дивизия ПВО в районе г. Камагуэя сбивла зенитной ракетой на большой высоте (называют 20 тыс. метров) американский самолет-разведчик У-2. Упал он на территории Кубы, и это явная улика нарушения ее воздушного пространства. Среди наших ребят одобрение:

— Проучили одного! Пусть знают, что мы здесь!

Кубинцы на второй день опубликовали на первых полосах своих газет крупные снимки обломков самолета, сообщили о подвиге своих зенитчиков-артиллеристов, которые сбивли У-2. Даны даже фотографии этих ребят. Что ж, такой вариант — прикрытие более дипломатичен и послужит еще большему подъему духа кубинцев. Но наши зенитчики-ракетчики молодцы. После сбитого в прошлом году под Свердловском самолета-шпиона с летчиком Пауэрсом это второй У-2 на счету наших войск ПВО".

Несмотря на обнадеживающие взаимные шаги к решению кризиса, напряжение не ослабевает. По-прежнему американские самолеты патрулируют воздушные подступы к Кубе, ходят у ее

* Вот что рассказывает об уничтожении У-2 на Кубе генерал-майор в отставке Л. Гарбуз (газета "Красная звезда, 4 февраля 1990 г.): "Принимал решение на уничтожение самолета-разведчика генерал-лейтенант Гречко. Я доложил, что все позиции ракетчиков "засвечены", самолет уходит. Начал настаивать: — "Надо действовать, Степан Наумович". Сбить самолет в той напряженной ситуации?.. Гречко еще и еще раз звонит командующему, но трубка молчала. И тогда был отдан приказ. Дивизион майора Ивана Герченова справился с задачей..." У-2 пилотировал майор ВВС США Рудольф Андерсон, вылетевший из базы Гуантанамо. Летчик погиб.

берегов, как волки у красных флажков. Военный корабль стоит на рейде в районе Санта-Крус, между Гаваной и Матансасом, ведет постоянную радиолокационную разведку острова.

Официального ответа Кеннеди на предложение Хрущева пока нет. По приглашению кубинского руководства в Гавану согласился прилететь Генеральный секретарь ООН У ТАН.

Почти всю неделю, словно охлаждая пыл противостоящих сторон в карибском кризисе, стоит прохладная (по местным понятиям) погода. Самая низкая температура + 10-11. Наши ребята шутят: кубинская армия перешла на зимнюю форму — вместо рубашек с короткими рукавами надела с нормальными. Часто дуют сильные ветры, над нами гудит огромной кроной баобаб. Говорят, что ему тысяча лет. Может, и меньше, но, видимо, он уже стоял здесь, когда высаживался на острове 27 октября 1492 года, 470 лет тому назад, Христофор Колумб. Вначале остров был назван именем испанского принца — Островом Хуана. Но затем королевским указом переименован на Остров Фердинанда. Однако это название не прижилось, при испанском губернаторе Диего Веласкесе в 1511 году остров стал называться "Куба" — от имени местного племени кубанакан. Так что о многом мог бы поведать баобаб.

**А. И. Микоян в зенитно-ракетном полку О. А. Гучкова (справа).
Возле А. И. Микояна (справа) посол на Кубе А. И. Алексеев, слева —
командующий группой советских войск на Кубе И. Плиев-Павлов**

МИР НА ГРАНИ КАТАСТРОФЫ

В субботу 27 октября 1962 года мир оказался на волоске от катастрофы. Пальцы операторов пуска ракет лежали на пультах, готовые нажать кнопки, как только последует приказ. Особой кульминации достигли события в связи с уничтожением самолета-разведчика У-2. Сбитый летчик был с американской стороны первой человеческой жертвой кризиса. Военное командование США, особенно командующий ВВС, настаивали на немедленном нанесении воздушного удара по Кубе. Кеннеди с трудом сопротивлялся, пригласил нашего посла А.Ф. Добрынина и предупредил его, что может начаться война. Надо срочно решать вопрос о советских ракетах...

Что удивительно: американские органы информации постоянно сообщали о действиях и решениях своего президента, о противоборствующих ему силах. Вашингтонские телекомментаторы, которых слышала Куба, рисовали драматические картины того, что может вот-вот случиться¹.

Но ранним утром московское радио передало послание Советского правительства президенту Кеннеди о согласии вывести ракеты и бомбардировщики в обмен на гарантии США Кубе.

Кеннеди согласился на переговоры через ООН по поводу кризиса при условии вывода нашего наступательного оружия — ракет "земля-земля". После этого будут даны гарантии безопасности Кубе.

Начался демонтаж ракетных установок, их грузят в трюмы кораблей. Сейчас об этих ракетах знают все, но мы долго и упорно заявляли об их отсутствии на Кубе, в советской печати даже высмеивались страхи американских политиков, принявших тракторы "Беларусь" за пусковые установки. Пока не были представлены мировой общественности фотоснимки этой "сельскохозяйственной техники".

Чувствуется, что одностороннее решение советского правительства о выводе ракет больно задело самолюбие Фиделя, по соглашению с которым они ввозились на Кубу. Фидель выдвинул свои пять пунктов урегулирования кризиса. Один из них требовал от

* Как сообщает Пьер Селинджер, о котором уже упоминалось, американская авиация должна была нанести удар по советским ракетным установкам 29 октября. Утром 28 октября это решение Совета национальной безопасности должен был утвердить президент.

США возвращения военно-морской базы Гуантанамо. Ее построили США в заливе на юго-восточном побережье острова и заключили в 1903 году арендный договор на 99 лет. Видимо, спор вокруг базы станет ключевым и затяжным, американцы вряд ли согласятся что-либо менять в договоре.

Генеральный секретарь ООН У Тан прибыл с советниками на Кубу для координации переговоров об условиях ликвидации кризиса. Как сообщают западные агентства, в основу переговоров положены послания Н.С. Хрущева и не опубликованный в советской прессе ответ Кеннеди.

Наши ребята вполне уверены, что кризис создали американцы, мы же стараемся его погасить. Поэтому неоднозначно была воспринята уступка советского правительства, согласившегося убрать ракеты, не получив гарантий о безопасности Кубы и ликвидации баз в Турции. Поняв свою роль личного участника в событиях, наши офицеры и даже солдаты хотели чтобы и их голос был услышан. Но, увы, ни одно правительство еще не спрашивало у своих солдат об их желаниях. Большая политика делается за стенами солдатских казарм и границами огневых позиций. Им отводятся роль исполнителей.

В последних числах октября мы, группа политотдельцев во главе со Ждановичем поехали по подразделениям. Важно было на месте увидеть, как люди себя ведут, как они чувствуют себя в сложной обстановке, нет ли паники, трусости. В Сан-Антонио села одна из эскадрилий наших истребителей-перехватчиков. Пришлось наблюдать, как самолеты США летают на малой высоте, нарушая воздушное пространство Кубы. Наши летчики уже почти не реагируют на это, есть приказ не ввязываться в драку, не поддаваться провокациям, поскольку намечается разрядка.

В местной радиолокационной роте наши локаторщики работают вместе с кубинцами, операторы рядом сидят за экранами индикаторов. Затем мы отправились в Манагуа, под Гавану, в полк ЗРВ полковника Гучкова. А.Д.Жданович внимательно ознакомился с обстановкой, беседовал с командирами, политработниками, солдатами. Разговор был прямой, откровенный. Анатолий Доминикович умеет задавать ясные, четкие вопросы и также отвечать на них. Вопросов, конечно, очень много: прежде всего, не дадут ли задний ход американцы на переговорах, когда придут письма, улучшится ли питание, в чем расхождение в позициях

Фиделя и нашего правительства? Прошел слух, что Фидель очень сопротивляется, упорствует, не хочет вести переговоры без учета кубинских требований. А американцы, мол, даже не хотят садиться с кубинцами за стол переговоров, предпочитают иметь дело только с Советским Союзом.

Было удивительно слышать столь широкое знание ситуации. Я спросил одного политработника, откуда Жданович черпает информацию. Майор ответил: "Наши источники мутные, а чужие процеживаются через свои мозги".

Конечно, не на все вопросы мог полностью ответить начальник политотдела, но не давал пустых обещаний, говорил напрямую,

Сахарный тростник - богатство

делился своими предположениями. И внушал людям оптимизм, веру в лучшее. Мне было приятно слушать опытного политработника. Когда возвращались домой, Анатолий Доминикович делился впечатлениями от поездки:

— Дух у солдат и офицеров высокий. Все они пережили готовность к бою, и нет сомнений, дрались бы хорошо. Сейчас рады, что гроза, вроде, миновала. И каждый испытывает моральное удовлетворение от честно исполненного долга, — Анатолий Доминикович замолчал, о чем-то думал. Потом поделился заботой: — Будет ли все это оценено дома? Зачтется ли пережитое? Что ж, поживем, увидим...

Я поразился совпадению наших мыслей. К сожалению, у нашего родного государства много подвигов так и остались безымянными, об одних нельзя говорить в полный голос, о других просто забыли.

В ОЖИДАНИИ РАЗРЯДКИ

Наш оптимизм насчет разрядки оказался преждевременным. Обстановка неустойчива. Основными источниками информации служат радиопередачи США, Кубы, Канады. Если удастся услышать Москву — трудно что-нибудь понять о складывающейся ситуации. Очень мало объективности, больше чисто пропагандистских призывов и обвинений в адрес американских империалистов. Наших газет нет, читаем кубинские. Там, конечно, своя точка зрения на события. Спасибо Оводкову, он умеет из разных "голосов" выбрать главное, рассказать о нем без комментариев.

У Тан ничего не договорился с Фиделем, возвратился в Нью-Йорк. Камень преткновения — Гуантанамо. Ожидается выступление Фиделя по радио и телевидению с отчетом о переговорах. Кубинская армия не снижает боеготовности. Советский адмирал Горшков якобы заявил о том, что подводные лодки СССР, оснащенные ядерным оружием, готовы к нанесению удара по противнику в случае его агрессии. Куба объявила о своих военно-морских учениях в Карибском море и в зоне закрытого порта Мариэль. Не исключено, что в учениях будут участвовать и наши военные корабли.

В Гавану прилетел А.И. Микоян. Хотя официально о цели визита не сообщается, но, судя по комментариям западной прессы, — для согласования позиций с Фиделем, который упорно сопротивляется условиям разрядки без учета кубинских пяти пунктов. Между тем, США не соглашаются начинать переговоры, пока полностью не будут выведены из Кубы советская "стратегия" - ракеты "земля — земля".

В Латинской Америке митинги в поддержку Кубы. В Венесуэле взорвана электростанция американской нефтяной компании.

* "Воздержавшись от немедленной интервенции и бомбардировки Острова, чего требовали многочисленные американские политики и военные, президент Кеннеди принял твердое решение начать военную атаку против Кубы, только если дипломатические усилия не приведут к быстрому успеху", — пишет историк Рой Медведев в очерке "От Ильича до Ильича", посвященном А.И. Микояну. 250 тысяч солдат и 90 тысяч морских пехотинцев стали готовиться к этой операции... Н.С. Хрущев пробовал искать компромисс. Но Фидель Кастро самым решительным образом возражал против удаления советских ракет с Кубы. Кастро даже распорядился окружить район установки ракет своими солдатами. Нужен был умелый, авторитетный и умный посредник. Выбор пал на Микояна.

Вся печать США выдает это как происки Кубы. И пытается использовать в своих целях: в такой, мол, ситуации, администрация США не может гарантировать безопасность Кубы со стороны соседних с ней государств, возмущенных диверсиями, подрывной деятельностью.

Политическая кухня сильно чадит и ее угар сказывается на нашем настроении. Однажды начальник типографии Саша Козаченко внес предложение:

— Может, надо углублять окопы?

— Думаю, что распогодится, — ответил я. — Но редакционный “бункер”, Саша, держи в порядке.

Если наши войска ведут себя осторожно, стараются не поддаваться на провокации, то американские воздушные разведчики, истребители почти бреющим полетом ходят над нашими военными городками и боевыми позициями. Два Ф-100 на трехсотметровой высоте прошли над лимонарским гарнизоном, через позиции ближнего к нам дивизиона. Шестерка У-2 прошла на 20-километровой высоте через всю Кубу из Флориды на Гуантанамо. А у нас приказ — не стрелять. Ракетчики и летчики-перехватчики просят у командования разрешения проучить хотя бы одного нарушителя.

По телевидению смотрели и слушали выступление Фиделя перед своим правительством. Участники заседания — все в военной форме, курят, сидят в удобных позах, столь непривычных для наших членов правительства. Несколько женщин, в том числе жена Рауля Кастро Вильма Эспин, рослая, симпатичная кубинка. Фидель выглядит устало, речь не говорил, а читал, как стенограмму беседы с У Таном. Оводков переводил как диалог, хотя в ряде мест не успевал, но общая ситуация выглядит следующим образом. Ф. Кастро отстаивает принцип суверенного права Кубы как самостоятельного государства и требует именно такого к ней отношения со стороны США. Американская администрация настаивает на выводе с территории Кубы дружественных ей советских войск, оставляя за собой право сохранять на кубинской земле враждебную военную базу Гуантанамо. Второе - США требуют контроля за вооружением Кубы. Но ведь Куба не требует такого контроля за вооруженными силами США? А если это так, то где международное право, уважение государств друг к другу? А поэтому Фидель категорически против контроля за вооружением своей страны. Н.С. Хрущев предложил ООН пос-

лать своих представителей в район демонтажа советских ракет. Фидель категорически против такой инспекции.

Кастро заявил, что ничто не поколеблет единство Кубы и СССР, базирующихся на основах марксистско-ленинского учения. Но у Кубы есть свои пять пунктов нормализации положения в Карибском море.

Вот уже несколько дней в Гаване находится А. И. Микоян, ведет переговоры с кубинским правительством. Но продвигаются они, вроде, туго. Мировая пресса полна противоречивых прогнозов. Но сходится в одном — всего шесть часов отделяло мир от войны. Если бы за это время не было переданного по радио послания Н. С. Хрущева, американцы предприняли бы интервенцию против Кубы. 27 октября 1400 бомбардировщиков с бомбами в люках были готовы к старту на Кубу. Что после этого осталось бы от нас — трудно подумать.

У А. И. Микояна умерла жена, но он не смог вылететь на похороны, прервать трудные переговоры... Говорят, заседают по семь часов.

Я совершил служебную поездку в деревню Чико, колонию, побывал в Гаване. Хотя военные посты сохраняются, но напряжение, вроде, спадает, темпераментные кубинцы улыбаются, танцуют.

В Гаване побывал в крупнейшем аквариуме, в котором представлено все богатство близлежащих морей и океанов, не было только кита. В магазине можно купить хороший костюм за 75—80 песо, есть женская обувь. Красивые этикетки коньяков и вин — глаза разбегаются.

Зашли с Мишей Назаровым в европейский квартал, его еще называют китайским. Много эмигрантов, осевших давно на Кубе. В одном из магазинов беседуем с его хозяином, пожилым евреем. Рассказывает свою одиссею. В 20-е годы уехал из Советского Союза в польскую западную Украину. Но туда в 1939 году пришла Советская власть. Послушал добрых людей, сумел через Румынию перебраться в Австралию, подальше от фашистов. Когда Гитлера разгромили, решил вернуться в Европу, открыл торговое дело в Чехословакии. Но скоро и там стал социализм. Снова перебрался подальше от него, аж на Кубу. Но и тут он появился. Спрашивает:

— Скажите, господа-товарищи, куда бедному еврею бежать? Может ваш социализм — это хорошо? Только пока в моем магазине пустые полки.

Много русских эмигрантов, в основном пожилых. С тоской говорят о России, мечтают хотя бы на старости лет побывать на земле предков. Но возвращаться туда навсегда не решаются. Один старик, из бывших донских казаков, как он представился, сказал:

— У вас в газетах пишут, что всех казаков вывели подчистую. Одни крестьяне остались, да эти, как они называются, — колхозники. А я в артель не хочу... А поглядеть на родину хочется.

В США из Кубы отправлен гроб с 26-летним американским летчиком с У-2 майором Андерсеном, сбитым якобы кубинской зенитной артиллерией. Снимки и отчет об этом публикуют газеты "Ой" и "Революсьон".

Под вечер два истребителя-бомбардировщика прошли буквально над верхушками пальм, фотографируя позиции кубинского танкового батальона, расположенного в горах, вблизи нашего военного городка.

Ноябрьские ночи стали прохладными, укрываемся одеялами. Зато нет комаров. А днем теплая, солнечная погода, как в погожие сентябрьские дни на Украине. Порой достаточно взгляда на карту мира, чтобы почувствовать щемящее чувство разлуки с Родиной. Три с лишним месяца ничего не знаю о семье.

6 ноября в гарнизоне состоялся торжественный вечер, посвященный 45-й годовщине Великого Октября. Сцена — под баобабом. По краям — кубинские и советские флаги, портреты В.И. Ленина, Н.С. Хрущева, Фиделя Кастро Рус. За столом президиума кроме наших товарищей командир матансасского корпуса майор Пуэрто и председатель Объединенных революционных организаций (ОРО) Кубы провинции Матансас Хорхе Сергера. Говорят, он учился в одном колледже с Раулем Кастро, они друзья детства. Интересно бы с таким побеседовать! Чувствую, пора как журналисту активнее проявлять себя. Короткие беседы, встречи, записи — всего лишь мозаика кубинской жизни. Нужны обстоятельные беседы-интервью. Но как это сделать — пока не знаю. Ведь я — не аккредитованный на Кубе журналист. И самостоятельно открыть себя не имею права.

Эти мысли пришли в голову, когда я слушал выступление "барбудос" — бородача майора Пуэрто. Он напомнил боевой путь кубинской революции, сообщил, что у него есть старшая сестра - Октябрьская революция 1917 года. Переводил Оводков. Молодец, Василич! Фразы строил грамотно, четко, сумел как можно полнее

донести смысл темпераментной, взволнованной речи коменданте Пуэрто.

Кричали "Вива Куба!", "Венсеремос!", "Ура!". На концерте художественной самодеятельности пели "Хотят ли русские войны?", "Я люблю тебя, жизнь!", "Подмосковные вечера", "Марш 26 июля". Было весело, как в домашней обстановке, в лицо нам дышала теплым ветром Куба.

Есть сведения о намерении американской разведки украсть нашу зенитную ракету, обладающую большой точностью. Это ею сбиты три У-2 — под Свердловском, в Китае и на Кубе. Для захвата оборудованы специальные вертолеты*.

Американский представитель в ООН Стивенсон заявил: "Мы не верим, что СССР снова не завезет наступательные ракеты на Кубу". Поэтому нужна постоянная блокада острова и военная инспекция. США настаивают также на выводе из Кубы наших бомбардировщиков.

В ночь на 9 ноября, по сообщению газеты "Ой", возможна встреча советских и американских кораблей в море. Американцы добиваются контроля трюмов наших кораблей — не везут ли они оружие.

В Венесуэле взорван грузовик с динамитом. Шум по поводу "руки Кубы". США настраивает латиноамериканские страны против Острова Свободы, стремятся оправдать свое вмешательство в его дела заботой о безопасности этих стран.

Бытовая сторона нашей жизни все больше обостряется. Сказывается продолжительная психологическая напряженность, многие офицеры нашли разрядку в коньяке, роме, часто пьют, ругают свою офицерскую судьбу, свое нищенское существование. Кубинцы и те обратили внимание на существенную разницу в положении американского и советского офицера, рассказывают и о том, насколько первые богаче, что они в таких условиях, как

* Я вначале не верил в такую затею. Но 28 лет спустя встретил в печати сообщение об этом. Участник карибского кризиса подполковник в отставке Н. Перегудов вспоминал в "Красной звезде" (4 февраля 1990 г.): "Стало известно: американцы собирались провести операцию по захвату зенитной ракеты. Они оборудовали вертолеты спецустройством и планировали, не приземляясь, захватить ее. Нам пришлось связать хранящиеся на складе ракеты".

наши, давно заявили бы протест своему командованию. А у нас по-прежнему в столовой кислая капуста, сушеная картошка, каша-овсянка на воде, свежее мясо — редко, жидкий чай. И так - четвертый месяц.

А. Д. Жданович, возвратившись из Чико, сообщил о потоке писем в ЦК КПСС, Министерство обороны от жен, родителей офицеров и солдат — где наши мужья и сыновья? Во многих семьях сложные ситуации: болезни, разводы, стихийные бедствия, бесквартирье. Это подтверждается справками, заверенными телеграммами. Если по ним принимать положительные решения, то половину личного состава наших войск на Кубе надо срочно отправить в Советский Союз. Поэтому решение принято соломоново: в сложившейся ситуации, когда на Кубе хотя и нет войны, но и нет мира, на семейные дела не реагировать, ждать прояснения ситуации. Но часть женщин, приехавших с нами (машинистки, связистки, повара) решено отправить домой, хотя далеко не все изъявляют такое желание. Во-первых, здесь у них двойной оклад, во-вторых, из чисто патриотических побуждений не хотят оставить одних мужчин. Вместе, мол, приехали, вместе и уедем.

Анатолий Доминикович привез приказ: мне и моему заместителю Артемову убыть в распоряжение политуправления группы войск. Но зачем — определенно сказать не мог. Догадок много. Для работы в групповой редакции? Но ее сотрудники сами не загружены делом. Готовить базу для выхода в свет газеты ПВО? Возможно, поскольку остальные войска, вроде, уйдут, а ПВО останется.

Американская авиация чувствует себя над Островом вольготно.

Сообщают о случаях, когда вертолеты ВВС США зависали над огневыми позициями зенитно-ракетных дивизионов. Поэтому приказано быть бдительнее, не дать возможности утащить установку с ракетой или кабину комплекса. А вертолеты разрешено сбивать. Но это трудная задача — они подкрадываются на предельно малой высоте.

15 ноября вместе с Артемовым возвратились из Колонии, где расположена редакция не существующей групповой газеты. Цель вызова оказалась очень интересной, увлекательной. Решено издать сборник очерков о кубинской армии, нашей боевой дружбе. Газетчикам разрешены для сбора материала встречи с представителями кубинских вооруженных сил, участниками ре-

волюции, бывшими бойцами и командирами Повстанческой армии.

И вот — первая такая встреча. Я, Оводков и Артемов поехали к Хорхе Сергере, нашему гостю на октябрьском праздничном собрании. Надо определить круг вопросов, наметить, с кем стоит встретиться для бесед.

Команданте Хорхе Сергера — средних лет, но выглядит молодо, подвижный, энергичный, приветливо принял нас в Матансасе, в комитете Объединенных революционных организаций, познакомил с инструкторами комитета, почти все они — участники революционных боев, битвы на Плайя-Хирон, многие работали в подполье.

Встреча проходила в кабинете Хорхе Сергера, украшенном полуротаметровым портретом одного из руководителей кубинской революции Камило Сьенфуэгоса. За традиционной чашечкой кофе разговор шел дружеский, живой. Василич еле успевал переводить. Да уже и я знаю многие испанские слова, могу уловить общий смысл сказанного. Хотя это и не всегда удается, поскольку кубинцы не любят медлительной речи, она всегда эмоциональная, энергичная, с жестикуляцией. Когда смотришь выступления Фиделя, убеждаешься, что он истинный представитель своего народа...

Намечены интересные адреса, люди для встречи, Хорхе Сергера обещал всемерную поддержку в работе, сказал, что Куба заинтересована, чтобы советский народ как можно полнее узнал о людях Острова Свободы. И в этом отношении журналисты — первые полпреды дружбы.

Уезжали мы из Матансаса полные творческих планов. Оводков сразу внес предложение:

— Шеф, нужен договор на творческое сотрудничество. Я буду переводить, ты — писать, а подписываться будем вместе.

Я не возражаю.

16 ноября в Чико состоялась встреча А. И. Микояна с товарищами из штаба и политуправления группы войск на Кубе. К сожалению, никто из нашего лимонарского гарнизона во встрече не участвовал — она была объявлена внезапно и наши приехать не успевали.

Вот что стало известно из выступления Анастаса Ивановича, прошедшего несколько долгих раундов переговоров с кубинским руководством.

Прежде всего А. Микоян сообщил о том, что о сосредоточении на Кубе советских войск первой якобы узнала западногерманская разведка и предупредила США: "Куда, мол, смотрите: под боком у вас создается советская ракетная база". Вот после этого и началось прочесывание Кубы, заработала американская разведка — воздушная, морская, агентурная и прочая.

Группу советских войск на Кубе предполагалось открыть 15 ноября. Но в связи с последними событиями будут приняты новые решения. Какие? Об этом станет известно позже, после пленума ЦК КПСС, куда спешил и А.И. Микоян.

— Фидель недоволен нашим решением вывести стратегические ракеты и разрешить инспекцию, — сообщил он.

Оказывается, полеты американских самолетов над Кубой были своего рода воздушной инспекцией. В связи с этим Фидель направил Генеральному секретарю ООН У Тану телеграмму с требованием прекратить такие полеты, иначе будем сбивать нарушителей, не дадим заниматься шпионажем, аэрофотосъемками.

И действительно, последние дни полеты на низкой высоте прекратились. Но разведчики У-2 проходят на большой высоте, зная, что мы сбивать их не станем, а у кубинцев — нечем.

В США очень боятся, чтобы наступательное оружие не попало в руки кубинцев. Молодые, энергичные, воинственные кубинские товарищи горят чувством справедливой мести к североамериканским империалистам за десятилетия унижений и оскорблений своего народа. В связи с этим А.И. Микоян заявил, что Фидель и его соратники — политики молодые, неопытные, им не хватает гибкости в международных делах. "И моя задача состояла в том, чтобы кое-что им подсказать, — говорил Анастас Иванович. - Хватит бряцать оружием. Пусть сейчас работают дипломаты".

А.И. Микоян сообщил также о том, что американцы, как сейчас известно, сильно трухнули в последнюю октябрьскую неделю, большая паника охватила южные районы США. В такой ситуации, когда война стояла у дверей мира, все советские руководители были на своих постах почти круглосуточно.

Хотя вопросов к А.И.Микояну было много, но он не мог на все ответить, поскольку ситуация до конца не прояснилась. Сообщил лишь, что, вероятнее всего, значительная часть наших военных специалистов останется обучать кубинскую армию.

Вот уже второй раз встречаюсь и беседую в Матансасе с активными участниками кубинской революции. Наиболее примечательная личность — сам команданте Хорхе Сергера. Он адвокат,

участвовал в защите на суде 76 соратников Фиделя после высадки на шхуне "Гранма". После революции выступил официальным обвинителем по делу батистовцев, работал в революционном суде, затем военным руководителем в провинции Камагуэй, сейчас — генеральный секретарь ОРО в провинции Матансас. Участник движения 26 июля (день нападения на крепость Мон-када в Сантьяго). В этом городе Сергера закончил университет - факультет юридических наук. Личный друг Рауля Кастро, с которым три года учился в одном колледже.

Хорхе — 28 лет, на погонах большой черный с красным ромб, как у Фиделя и Рауля, свидетельствующий об участии в революционной борьбе. Носит высокие ботинки... "В них, — говорит, легче ходить по горам и болотам". Темпераментный спорщик. Я спрашиваю о семье, о родителях. И тут Хорхе затих, затем задумчиво ответил:

— Моя мама живет в Сантьяго, это на другом конце острова. Я два года не был у нее. Все работа, работа... — И вдруг резко поднялся, взволнованно заговорил, обращаясь к Оводкову и показывал на меня. Я с нетерпением ждал перевода. И вот что услышал:

— Иван Михайлович, — смущенно сообщил Василич, — компанеро Хорхе предлагает нам поездку на его родину. Надеется, что Фидель разрешит ему короткий отпуск хотя бы на три — четыре дня... Сейчас обстановка позволяет. Компанеро Хорхе ждет ответа от компанеро Хуана.

Компанеро Хуан — это я. Конечно же, согласен! Только... Надо согласовать со своим руководством.

Сергера обрадовался нашей готовности составить компанию, согласился, что, конечно же, надо согласовать со своим руководством, пообещал показать Кубу, места своей юности и революционных боев. И, конечно же, надеялся услышать от нас обстоятельный рассказ о своей великой стране. На том и порешили, дружески пожав руки...

После этого состоялась почти трехчасовая беседа (с учетом, конечно, времени на перевод) со вторым лейтенантом (что соответствует нашему лейтенанту) Рене Эрнандо. Одет он в армейскую зелено-оливковую форму, на погонах нет знаков различия, лишь на берете маленький металлический треугольник, означающий звание тениенте сегундо — второго лейтенанта. Энергичные жесты, глубоко посаженные темно-карие большие глаза

смотрят смело и доброжелательно, даже с почтением к "руссо периодико" — русским журналистам. Роста небольшого, курчавый, как у негра, волос. Но у Рене родословная испанская. На широком парусиновом ремне — кобура с пистолетом. Моему собеседнику 25 лет, это человек с богатой революционной биографией. С 18 лет работал в подпольной организации. Родители — гуахирос, крестьяне, семья многодетная, бедная, арендовала у латифундиста землю, на которой выращивали сладкий картофель, апельсины, ананасы. Продукцию сбывали перекупщикам.

Когда Рене узнал о борцах за новую Кубу, сам ушел в горы, создал небольшой отряд партизан. Эти отряды потом объединил Фелис Торе, хорошо знавший Фиделя. Рене участвовал в четырех нападениях на крепости (так здесь называют не в полном смысле этого слова крепости, а любые оборонительные сооружения — казармы, военные городки, полицейские участки). Об одном из таких нападений Рене рассказывает подробно, даже рисует схему. Крепость — это казарма, в ней оружие. Объединенный отряд Фелиса Торе (сам он, кстати, коммунист, сейчас работает в плановых органах правительства Кубы), поддерживал связь с отрядом Камило Сьенфуэгоса\ вместе планировали крупные операции. Рене участвовал в боях за города Ягуахай, Майяхагуа. Достает карту Кубы, показывает боевой путь отряда. Вот здесь устроили засаду на колонну грузовиков с оружием. Здесь разгромили полицейский участок.

Рене со смехом вспоминает, как с помощью карандаша достал себе оружие. Подкрался к стоявшему на посту солдату, быстро приставил к его спине, как пистолет, карандаш, приказал: "Снимай автомат!" Это был первый трофей — полуавтоматическое ружье "Гарон".

Жаль, незнание языка мешает уловить многие детали рассказа. Василии переводит, обобщая, ему трудно успеть за речью Ре-

* Камило Сьенфуэгос — легендарный герой Кубы, один из сподвижников Фиделя. 28 октября 1959 г., возвращаясь самолетом в Гавану из поездки по Острову, Камило погиб при неизвестных обстоятельствах, его самолет бесследно исчез в глубинах Карибского моря. Стало традицией в этот день в море пускать венки из цветов в память о Камило. Его портрет — на пятипессовой денежной банкноте, где Сьенфуэгос изображен всадником во главе колонны повстанцев. На Кубе, кстати, издан закон: в честь героев революции никаких памятников, бюстов, наименований улиц, сел или городов при их жизни. Только после смерти будет известно, кто этого достоин.

Не. «Ладно, шеф, я потом тебе все в деталях обрисую», — добродушно огрызается Оводков в ответ на мои просьбы перевести более подробно, особенно о штурме казармы, комендантом которой был китаец капитан Бон Ли. Штурмом руководил Камило Сьенфуэгос. Капитан запросил перемирия, пригласил Камило на переговоры. Они закончились сдачей крепости.

Рене говорит: у них в отряде были негры, мулаты, испанцы, китайцы, мексиканцы, уругвайцы, люди разных религий, цвета кожи, убеждений, политических направлений — от коммунистов до троцкистов. Но у всех была общая цель — борьба за свободу Кубы. Чем занимается Рене сейчас? Руководит гражданской обороной города Кардонас. Уже скоро год как вступил в партию коммунистов. Мечтает побывать в Советском Союзе. Руководил отрядом по борьбе с контрреволюцией. В горах разгромили одну банду, которая терроризировала местных крестьян. Среди бандитов — батистские офицеры, уголовники, богачи. Многие крестьяне в силу своей безграмотности еще не усвоили идеи Фиделя о социалистическом пути развития Кубы. Поэтому приходится часто выступать, разъяснять.

На следующий день — встреча с бывшей подпольщицей Кари Бонэ. Началась она несколько необычно. Кари — лет тридцати, миловидная, хотя и немного полноватая женщина, в военной форме и, конечно, с пистолетом. После взаимных приветствий хозяйка небольшого кабинета вдруг положила руку мне на лоб, что-то поискала. И затем заливисто рассмеялась, чем немало смутила меня и Василича. Но затем рассмеялся и Оводков. Я смеялся третьим. Оказывается, Кари искала у меня на лбу... рога. Потому что местный католический священник, батистовская печать уверяли, что в России все коммунисты носят рога дьявола. И Кари тоже долго верила в эту чертовщину, пока не увидела советских коммунистов и не убедилась, что они ничем не отличаются от кубинцев и американцев, от других людей на земле.

* " Незадолго перед отъездом в Советский Союз я случайно встретился с Рене Эрнандо. Оказывается, он уже руководит городским комитетом ОРО. На традиционный вопрос "Как дела?" Рене начал загибать пальцы на руках: сафра — раз, птицефермы — два, борьба с контрой — три, открытие новой школы — четыре, продовольствие — пять, учеба — шесть, строительство жилья — семь, сбор земляного ореха-арахиса — восемь, военная подготовка — девять, партийная работа — десять. Когда пальцев не хватило махнул кулаком и рассмеялся. — Жениться — и то нет времени. Все забирает революция...

Кари Бонэ начала работать в подпольной университетской организации, где училась на первом курсе. Чем занимались? Доставка оружия, деньги, продовольствие для повстанцев. В группе было девять человек, руководил ими Баталини, молодой парень. В университете Сантьяго многие студенты выражали поддержку делу освобождения Кубы от господства янки. Кари вынуждена была оставить учебу и полностью посвятить себя революционной борьбе. Не раз ходила связной в горы к повстанцам, доставляла взрывчатку, оружие, медикаменты. Кстати, отец ее — аптекарь и это облегчало задачу. Однажды Кари попала в засаду, была арестована, посажена в батистовскую тюрьму. Провела в ней шесть месяцев 14 дней. Освобождена за три дня до победы революции, когда пал батистовский режим. 1 января 1959 года в Гаване встретила Революцию.

Сейчас Кари Бонэ — секретарь у товарища Сергера, ведет большую работу среди населения, принимает жителей Матансаса и близлежащих сел, помогает налаживать хозяйство, отвечает на тысячи вопросов...

Во время нашего разговора в кабинет зашел черноусый художавый лейтенант, Кари представила:

— Мой муж. Воевал в горах... А познакомились и поженились, когда вместе работали в подполье.

Я обратил внимание на большую коллекцию значков на столе у секретаря. В основном все — подарки советских людей. Кари взяла один значок с портретом Т.Г. Шевченко, спросила: "Кто это?" — Я рассказал. Кари обрадовалась:

— Шев-чен-ко! — произнесла радостно. — Как наш Хосе Марти.

Тарас Шевченко был крепостным, рабом, стал великим поэтом, художником, революционером. И это, действительно, роднит его с апостолом кубинской революции Хосе Марти, портреты, бюсты, памятники которому можно встретить на каждом шагу. Хосе Марти посвятил свою жизнь борьбе с рабством на Кубе, куда испанские плантаторы завозили из Африки негров-рабов.

В кабинете Кари Бонэ на стене — карандашные рисунки: В. И. Ленин выступает на Красной площади в Москве и В. И. Ленин с охотничьей собакой. Рисунки сделала сама хозяйка кабинета, ведь она училась в университете на факультете художеств.

...21 ноября в предместье Гаваны, в Колонии перед командирами и политработниками частей и подразделений выступил Л.И. Микоян. Его первое выступление успело обрасти слухами, домыслами, часто передавалось с пятых уст. Я, к сожалению, в списке приглашенных не попал, представительство было ограниченным. Вот что рассказали товарищи, участвовавшие во встрече.

Оценивая обстановку, Анастас Иванович прежде всего отметил, что в кубинской ситуации или так называемом карибеком кризисе мы оказались победителями. США, по сути, отказались от доктрины Монро и принятых в Рио-де-Жанейро на совещании Объединенных американских государств (ОАГ) решений не допустить в западное полушарие коммунистических правительств. Это раз. Во-вторых, мы уберегли мир от войны (хотя на мой взгляд, такое заявление не совсем логично: ведь мы сами ввели войска на Кубу, спровоцировали военную ситуацию).

Что касается вывода наших наступательных ракет, то это тактическая уступка. Американская печать сообщила о 24 ракетных точках, указала стрелами города, на которые ракеты нацелены. Население городов буквально очистило их. Сейчас правительство Кеннеди требует вывода Ил-28. Наши дипломаты говорят, что эти самолеты с невысокими тактико-техническими данными не представляют опасности для американской системы ПВО. Американцы соглашаются с этим, но утверждают что, Ил-28 представляет угрозу для стран Латинской Америки. Н.С. Хрущев дал согласие на вывод бомбардировщиков из Кубы в течение 30 дней. И 21 ноября Кеннеди отдал приказ военному министру Макнамаре снять морскую блокаду острова. По советскому радио получено сообщение о приказе министра обороны СССР Р.Я. Малиновского перевести советские войска на нормальный режим службы, уволить в запас выслуживших установленный срок солдат и сержантов, разрешить офицерам очередные отпуска, возвратить подводные лодки на свои базы. Командованию нашей группы приказано начать создавать учебные центры по обучению кубинской армии. Но практически это начнется не раньше января.

Итак, разрядка вроде наступила. Хотя остается ряд нерешенных проблем. И главная из них — о контроле за выполнением достигнутых соглашений. У Тан прилагает усилия по созданию контрольной группы из представителей нейтральных государств. Фидель и советское руководство "за". США в принципе тоже не

возражают. Но, выступая на одной из пресконференций, Кеннеди, якобы, заявил о том, что его администрация не может дать гарантии в том, что не будет экономического и политического давления на Кубу, и надеется, что "кубинский народ обретет свою свободу". О Гуантанамо — ни слова. Однако США согласны зафиксировать в ООН соглашение о гарантиях безопасности Кубы со стороны Соединенных Штатов, ненападения на нее.

Два дня вместе с Оводковым и Артемовым провели в матансаском военном училище. Готовит оно командиров взводов и занимается переподготовкой офицеров. Среди них много сподвижников Фиделя, Рауля Кастро, Камило Сьенфуэгоса, Че Гевары, Франка Пайса. Примечательная личность — начальник училища майор Хосе Кеведо, бывший командир батистовского батальона. О Кеведо Хорхе Сергера говорил нам: "Хосе — честный человек. Это высокая оценка. Честность, преданность идеалам революции — критерий оценки кубинца".

Я испытал вторую школьную тетрадь в клеточку материалами бесед со многими командирами, курсантами училища. Добросовестно трудился Василич, посетовавший на обилие моих вопросов. "Шеф, я даже не знал, что ты такой дотошный. Откуда у тебя и вопросы берутся". А вот Аркадий Артемов, мой заместитель, лишь безучастно что-то чиркал в своем блокнотике, не задал ни одного вопроса. Я уже убедился — Артемов не журналист*.

К сожалению, на второй день, когда были назначены ответственные встречи и беседа, Василича у меня забрали. Выручила Кари Бонэ, приславшая обещанного парня, 15-летнего Хесуса Монтеса, который закончил в Гаване четырехмесячные курсы русского языка.

Прежде всего — Хосе Кеведо. За темными стеклами роговых очков — умный взгляд, курит большие сигары, черты лица крупные, выразительные. По кубинским меркам — рослый красавец-мужчина, лет сорока. Часто и заразительно смеется, чувствуется — жизнелюб. Темпераментный спорщик. И то, что я услышал о его биографии, недавнем прошлом, очень заинтриговало.

Учился в одном с Фиделем гаванском университете, но шел на курс старше, готовился быть гуманитарием. Фиделя знал, но личной студенческой дружбы не было. Не закончив курс факультета, решил перейти в военное училище. Закончив его, снова

* После возвращения в Советский Союз Артемов не проявил желания остаться в газете и был направлен работать в военкомат.

возвратился в университет на юридический факультет. Вот здесь часто встречался с Фиделем на лекциях, политических дискуссиях.

Каким осталось впечатление о Фиделе тех лет? Умелый оратор, в любом месте — в аудитории, на улице, на ступеньках университетского здания, за дружеской пирушкой — умел увлечь слушателей. Резко говорил о засилии американцев на Кубе, о продажности правительства Батисты.

Военное командование послало Кеведо в США для академического образования. После возвращения домой Кеведо получил звание майора, назначен командиром 18-го армейского пехотного батальона. Вскоре во главе батальона был направлен в горы Сьерра-Маэстра для борьбы с повстанцами. Вот тут Хосе и узнал, что повстанцами руководит Фидель Кастро. Верный военной присяге, Кеведо не стал вдаваться в политические нюансы, он и сейчас откровенно признается, что не верил в успех Фиделя, считал его вооруженное выступление просто авантюрой. Хотя идеи, за которые боролся Кастро, были близки и понятны майору Кеведо как кубинцу. Но он не предполагал, что их, в принципе, поддержит весь народ.

Роты батальона завязали бой в горах. И сложись по иному исход этого боя, могла быть иной и судьба командира батальона.

Майор Кеведо достает топографическую карту района горы Ла-Плата, показывает долину Эль Хигуэ, в десяти километрах от пика Туркино. Над картой энергично взлетает черный карандаш. На большой горе повстанцы соорудили двенадцать небольших домиков, в которых разместилась ставка Главного командования. Вот сюда и был направлен удар батальона. Завязались бои, вокруг горел лес. Профессиональный военный, Кеведо отметил, что позиции повстанцев выбраны удачно и сопротивление организовано умело. Отряды Фиделя окружили роты батальона, с которыми был майор Кеведо, пять суток держали их на камнях под прицельным огнем, без воды (отвели ближайший ручей) и продовольствия, под палящим солнцем. Узнав в командире батальона бывшего соученика по университету, Фидель направил ему письмо.

"Сьерра-Маэстра, 15 июля 1958 года. Майору Хосе Кеведо. С глубоким сожалением я узнал от захваченных в плен солдат, что Вы являетесь командиром окруженного батальона. Нам известно, что Вы офицер, имеющий академическое образование,

и высоко цените воинскую честь. К тому же Вы адвокат, и поэтому не можете не знать, что дело, ради которого обречены на гибель Ваши солдаты, да и Вы сами, не является справедливым.

Мы считаем, что армия призвана служить Отчизне, а не тирании...

Ваш батальон окружен, у него нет ни малейшей надежды на спасение...

Жертвовать жизнью солдат в проигранной операции, принося их судьбу на алтарь несправедливого дела, — это преступление, которое разумный человек не может допустить.

Учитывая все это, предлагаю Вам достойно сдаться в плен. Ко всем Вашим солдатам будут проявлены самое большое уважение и забота. Офицеры могут оставить при себе личное оружие.

...Вы сдаетесь вашему университетскому товарищу, желающему для Кубы того же, что желаете ей и Вы.

Один из руководителей кубинской революции,
Эрнесто Че Гевара, 1959 год

Получив это письмо, майор Кеведо все еще ожидал помощи, к нему пробивалась пехотная рота. Но повстанцы разгромили ее и

одновременно усилили контратаки на 18-й батальон. Уже десять дней окруженные солдаты были без пищи, без воды... И 21 июля, убедившись в бесполезности всякого сопротивления и невозможности пробиться помощи, майор Хосе Кеведо приказал батальону сложить оружие. В плен сдалось 170 человек солдат, сержантов и офицеров, захвачены: 91 винтовка "Спрингфилд", 46 пулеметов "Сан кристобаль", 15 винтовок "Гарант", 4 тяжелых станковых пулемета, одна базука с 60 снарядами, 81-мм миномет с 60 минами, около 135 тысяч патронов, 126 ручных гранат. Перечисленное оружие убеждает, что противник мог долго сопротивляться, не оказавшись в ловушке.

Фидель сдержал слово относительно условий сдачи в плен. Кто не хотел сражаться вместе с повстанцами, был передан представителю Международного Красного Креста. Хосе Кеведо и некоторые другие офицеры остались в отряде. Фидель часто беседовал со своим университетским товарищем о будущем Кубы, целях своей борьбы. И тот принял окончательное решение, перешел на сторону революции. Пользуясь авторитетом среди офицеров батистовской армии, сумел убедить командование одного из батистовских пехотных батальонов перейти в полном составе на сторону повстанцев. Хосе Кеведо сумел сагитировать экипаж одного из военных кораблей в бухте Сантьяго перейти на сторону революции. Причем это были идеи и предложения самого Кеведо — убедить флот повернуть оружие против истинных врагов Кубы. Вскоре экипаж и второго корабля в бухте Сантьяго поднял флаг революции.

— Так я стал солдатом Фиделя! — серьезно заявил Хосе Кеведо, сворачивая карту. Взволнованный рассказом и воспоминанием, снова закурил сигару. После победы революции Кеведо вначале был военным советником Фиделя, затем стал начальником военного училища в Матансасе. Кадровый офицер (кстати, его отец тоже был военным) отдал свои знания и опыт новой Кубе.

Беседа получилась до того увлекательной, что мой переводчик Хесус слушал майора Кеведо, широко раскрыв рот, часто забывая о своих обязанностях. И нам с Хосе приходилось иногда напоминать ему об этом. Для подростка все услышанное было не просто интересно. Он чисто по-детски восторгался, негодовал, потом коротко, страшно извращая русские слова, переводил услышанное. Хорошо, что майор Кеведо снабдил меня некоторыми материалами, которые помог освоить Оводков.

Удивительно интересные личности собрались в училище! Майор Хулио Камачо, который учится здесь на курсах, оказался министром транспорта Кубы. Участник боев в Сьерра-Маэстра работал в подполье с Франком Паисом. В прошлом году подписал соглашение с Чехословакией о воздушной линии Прага — Гавана. Бывал в СССР по приглашению нашего министра железнодорожного транспорта, посетил Сталинград (только что переименованный в Волгоград). Рассказывая об этой поездке, восторгался необъятными просторами Советского Союза, нашей Победой над фашизмом.

Очередная встреча с майором Сардиньяс. Он прибыл для беседы с советским журналистом прямо с занятий; в руках винтовка, на ремне — саперная лопатка, высокий, худой, с интеллигентным лицом. Представился: "Майор Сардиньяс, в прошлом священник". Имел сельский приход, оказывал повстанцам материальную помощь, потом поднялся в горы, где провел полтора года. Ездил в Москву на международный конгресс защитников мира как делегат от кубинской католической церкви. Выступал на конгрессе. В Москве майору Сардиньясу подарили Библию издания 1779 г., он посетил ряд высших духовных учреждений и заведений.

Чувствую, что мой собеседник — высокообразованный человек, часто цитирует заповеди священного писания, выбирая те из них, где главным является труд. И тот, кто мешает народу трудиться, создавать блага своей жизни, тот нарушает священные заповеди. Так именно поступают американские империалисты.

Я испытывал мучительное неудобство от помощи переводчика Хесуса Монтеса. К сожалению, познания его в русском языке оказались очень слабыми. В нашем разговоре с майором Сардиньяс Хесус вместо слова священник постоянно переводил "поп". "Поп-майор говорит...". Жаль, много интересного не попало в мой блокнот...

Была еще встреча с лейтенантом милиции Белескасом, участником сражения на Плайя-Хирон. Он по часам и минутам восстановил картину тревоги, по которой курсанты матасаского училища в числе первых прибыли к месту высадки интервентов и вступили в бой.

Сорокалетний курсант Мариано Антонио Торубья прошел суровую школу революционного подполья, воевал в Испании, после победы Франко бежал в Марокко, потом на Кубу, работал в пе-

карне, участвовал в выпуске подпольной газеты-листочка. После победы кубинской революции прошел трудовую школу у пика Туркино, и вот — курсант, овладевает военным делом, чтобы уметь защитить революцию в схватке с империалистами. В Испании это не удалось, на Кубе победа будет за нами.

В училище я побывал четыре раза (оно расположено по дороге между Лимонаром-и Матансасом), удалось побеседовать с полтора десятками интересных людей. В большинстве бесед помогал Оводков. Командование училища ознакомило нас с учебным процессом, бытом курсантов, мы даже обедали в курсантской столовой. Интересная деталь: каждый курсант получает глубокий поднос, разделенный на шесть отделений-чаш. В каждой первое, второе блюда, овощные закуски, напитки, приправы. Очень удобно, культурно. У нас же в большинстве столовых (в училищах и солдатских) — традиционный общий бак, "разводящий" черпак, алюминиевые миски, тарелки, длинные столы на отделение, а иногда и на взвод. У кубинцев в училище — столики на четырех.

Прощаясь с училищем, мы возложили цветы к памятнику павшим курсантам на Плайя-Хирон. На обелиске высечены слова Фиделя: "Они не стали офицерами милиции, но они стали вечными героями Родины".

Занятие журналистской работой на какое-то время отвлекает от беспокойных мыслей о семье. На исходе ноябрь, но почты нет. Солдаты и офицеры возмущаются бездушием и безответственностью тех, кто забыл, как во время войны в окопы, на передний край вместе с боеприпасами прежде всего доставляли почту. Когда на партийном активе в группе войск один из офицеров заикнулся насчет почты, мол, солдаты остро переживают ее отсутствие, Павлов-Плиев отрезал: "Вы долг выполняйте, не думайте о женах. Когда моя спросила, куда убываю, я ответил: "Это не твое дело". Одним, словом, "утешил", командующий. Такой ответ офицеры не решались передавать солдатам, чтобы не повредить авторитету генерала армии.

Ничего не меняется лучшего в питании, все чаще жалобы на боли в желудках. Особенно неважно с питанием солдат в подразделениях. Иные смекалистые командиры на свой страх и риск находят каналы для обмена консервов на свежие овощи и фрукты. Говорят, что одному командиру уже попало, обвинили в разбазаривании продовольствия. Но удалось командира защитить.

ПЛАЙЯ-ХИРОН — ПО МЕСТАМ БОЕВ

Совершили интереснейшую поездку по следам боев на Плайя-Хирон. Сопровождали меня, Оводкова и Артемова наш неизменный спутник и организатор многих встреч, инструктор ОРО Фелипе Мартын и участник сражения с интервентами лейтенант Умберто Моралес.

Об интервенции кубинских контрас, высадке их десанта в бухте Кочинос (залив свиней) написано немало. Для меня было важно увидеть те места, где полтора года тому назад возник опасный очаг интервенции.

Мы проехали 160 км по дороге среди болот полуострова Сапата, что означает "ботинок" (именно такой вид на карте имеет полуостров).

По обе стороны дороги — плантации сахарного тростника, юки, ее едят как гарнир к свинине. Через полтора часа — мы у сахарного завода Аустралия. Сюда утром 17 апреля прибыл Фидель для организации отпора интервентам, высадившимся на рассвете в бухте Кочинос. Штаб Фиделя находился в укрытом веером пальм маленьком каменном домике управления заводом. Противник в три часа ночи начал высадку морского десанта, с рассветом выбросил парашютистов, перерезавших дорогу к побережью. Задача интервентов сразу стала ясна — создать на побережье прикрытый болотами плацдарм для наступления вглубь Острова, срочно доставить сюда контрреволюционное правительство и обратиться к США с просьбой о помощи.

Отсюда, с территории завода Аустралия, 339 батальон милиции имени Камило Сьенфуэгоса двинулся в сторону прибрежного поселка Плайя-Ларги. Но в это время наемники выбросили десант в тылу батальона. Ликвидировать его приказано подоспевшим курсантам матансаской школы народной милиции.

Единственная дорога, связывающая центральную Виа Бланка с заливом, идет среди болот, в сторону не свернешь, маневр ограничен.

— Вот здесь, у деревушки Пальпити, нас встретил ливень свинца, — рассказывает Умберто Моралес. — Мы горохом посыпались с машин, бросились за дорожную насыпь.

Крыши дощатых домиков Пальпити покрыты гуано — пальмовыми листьями. Здесь живут угольщики, создавшие свой кооператив. Почти все они вошли в народное ополчение. На помощь

интервентам пришел американский бомбардировщик, сбросивший несколько бомб. Подожен тростник, горит сухой камыш. Столбы дыма закрыли горизонт, но зенитной пушке удалось сбить американский B-26 с опознавательными знаками интервентов, он упал на самом берегу залива. Три часа шел бой на дороге, он закончился победой курсантов. Теперь открыт путь к поселку Плайя-Ларга на берегу залива.

На обочинах дороги видны памятники-obelisks, поставленные на месте гибели многих курсантов школы. Среди них друг Умберто лейтенант Клавдио Аргуэлес Камехо, курсант первого набора. Он руководил профсоюзом телефонистов Гаваны, страстно мечтал побывать в Советском Союзе. И вот в середине апреля получено разрешение на вылет в Москву для участия в первомайском параде, в кармане лежал билет на самолет. Но узнав о высадке десанта интервентов, Клавдио поспешил к месту боя. Вот здесь, под Пальпити, он был смертельно ранен осколком бомбы.

К нам подходит старик с мачете, ножом для рубки тростника. Узнав что мы — из Советского Союза, радостно закивал головой.

— Муи бьен, муи бьен! (очень хорошо, очень хорошо!) — подает узкую, но сильную ладонь. Приглашает выпить традиционную чашечку кубинского кофе. Старому Альверо Фернандо — 72 года, он верит, что новая власть принесет счастье кубинскому народу. Сообщает, что тоже участвовал в разгроме интервентов, не один из них попал в пасть к крокодилам.

А вот и прибрежный поселок Плайя-Ларга, здесь был сильный бой, еще и сейчас видны следы танковых гусениц, окопов, траншей. Открывается вид на залив Кочинос, вдоль берега дорога в сторону Плайя-Хирона, туда, где был высажен основной десант. Делаем короткие остановки, Умберто рассказывает, как разворачивалась операция. Уже к 19 апреля, то есть через 72 часа, десант интервентов был ликвидирован. В одном из зданий, где раньше была казарма, сейчас школа будущих рыбаков. Куба, будучи морской страной, до этого не имела своего рыболовного флота. Сейчас он создается.

У дороги — обломки сбитого американского бомбардировщика, на многих деталях — марка США.

Мы у знаменитой лагуны Дель Тесоро, заповеднике крокодилов. Вот уж чего мне еще не приходилось видеть — так питомника рептилий.

Они от 10—20-сантиметровой малышни из "ясельной группы" достигают 4—5-метровых гигантов с широко раскрытой пастью, внутри которой деловито снуют маленькие, типа колибри птички-санитары. Стоит бросить в пасть рыбу, как огромные челюсти мгновенно смыкались. О повадках этих хищников рассказывает служитель заповедника, он же кокодрилеро — охотник на крокодилов, изловивших их десятки в болотах Сапаты. Насколько я понял из перевода Василича, который даже пожелал посмотреть это в натуре, делается это так. Когда крокодил с раскрытой пастью устремляется на охотника, тот мгновенным движением сует ему в пасть толстую палку с привязанной к ней веревкой. Челюсти рептилии смыкаются, но палка не сломалась. Крокодил начинает вращаться, стараясь "вырвать" кусок из мнимой жертвы, и тем самым наматывает на пасть торчащую из нее веревку, сам себе делая намордник. Кокодрилеро, уловив нужное мгновение, затягивает веревку на пасти, выворачивает крокодилу за спину передние лапы, остерегается только яростных и сильных ударов хвоста, и тащит на берег беспомощного хозяина лагуны. Такой способ охоты считается древним, сейчас он усовершенствован.

Крокодилов здесь разводят не ради прихоти или зоологических парков. Кожа крокодилов — ценное сырье, из нее делают "вечные" сумки, кошельки, другие галантерейные изделия, пользующиеся большим спросом у туристов. А они раньше гостили на Кубе круглый год, обслуживание их составляло важную статью доходов богатых и бедных кубинцев.

Интересную деталь поведал Фелипе Мартын. Оказывается, болота были последним пристанищем индейского племени сибоней, аборигены острова не выдержали борьбы с испанскими конкистадорами-колонистами. И когда они добрались сюда, племя сибоней перед последним боем, как гласит легенда, утопило в одном из глубоких озер свои несметные богатства. С тех пор это озеро получило название "Лагуна сокровищ".

— Достать бы эти богатства, они сейчас очень бы пригодились Кубе, — говорит Фелипе.

Обедаем в местном ресторанчике. Национальная еда кубинцев — рис с отварной курицей. Едим лангустов, пьем сербесу — местное ячменное пиво. Все скромно, без прежнего шика и изысканных блюд. Раньше побережье славилось ресторанами, пляжами, обилием туристов. Сейчас — пусто, видны только свежие ячейки, брустверы, которые занимали кубинцы в дни октябрьского кри-

зиса. Сейчас кубинцы возвращаются из окопов, многолюднее и оживленнее становятся города и поселки.

Пора садиться за материал о матансаском военном училище, о Плай-Хироне. От Хорхе Сергера пока нет вестей о намеченной поездке. Видимо, Фидель не дал согласие на отпуск руководителя провинции.

Выступает Фидель Кастро

ДЕКАБРЬ-62

На Кубе — "зима". Странно для славян — тепло, как летом, до +25. Солдаты выбегают из бань в трусах и бегут в палатки, спасаясь от комаров. Ездили купаться в залив Карденас со стороны Атлантики. Вода теплая-теплая. Где-то рядом полуостров Варадеро, узкий, километра полтора-два шириной и до десяти километров длиной. Клочок суши, на котором, говорят, каждый сантиметр предназначен для увеселений, отдыха. Варадеро — один из самых крупных и самых живописных курортов не только Кубы, но и всего Западного полушария. Правда, сейчас там пусто.

Что нового? В воздухе висит одно слово "Домой". Многие ищут маленькие лазейки, зацепки, чтобы ускорить возвращение на Родину.

Тем более, что угроза интервенции вроде бы ликвидирована. Мы — учебный центр, сроки переучивания кубинской армии на нашу технику называют разные. Для зенитно-ракетных и радиотехнических подразделений — до восьми месяцев. Когда будут конкретно определены потребности в специалистах, инструкторах для обучения, остальных отправят домой.

Есть слух, что на Кубу идет десятка полтора наших кораблей за волонтерами. Часть из них — больные, ракетчики "земля-земля" — уже ушли в СССР на корабле "Балтика". Говорят, есть среди уехавших солдаты и офицеры, потерявшие рассудок, называют и цифру — до 40 человек. Я знаю одного из таких — майора Б. На состоянии его здоровья сказалось нервное напряжение, климатические условия. У майора дома осталась тяжело больная жена и больной ребенок. Он уехал внезапно, рассчитывая на короткую командировку. Почти пять месяцев нет никаких вестей о семье. И вот — результат.

Один из офицеров штаба, рассказывая об этом, с горечью пошутил, мол, на грани срыва и наш командующий группой. На последнем совещании он, якобы, заявил, что если надо, все должны быть готовы умереть. Я, мол, тоже готов. Конечно, когда тебе за шестьдесят, это должно быть, не так страшно. А молодым ох, как не хочется умирать, тем более, неизвестно за что.

А вот и еще одно подтверждение не совсем здравого смысла решений командующего. Кстати, весьма славного героя Великой Отечественной войны. В Санта-Клара, выступая перед авиаторами, половину времени посвятил необходимости передать домики

под жилье девушкам из Гаванского госпиталя. "Некоторые летчики не хотят этого делать, говорят им негде жить, надо летать. Живите под пальмами. Ночи здесь теплые," — заявил командующий. А затем вдруг потребовал подняться тем, кто похудел на 12 килограммов, начал убеждать, что кормят всех хорошо. Хотя госпиталя и санчасти забиты желудочными больными. Вспомнил генерала Токаренко, обвинив его в том, что он уехал с Кубы коммунистом. Затем стал хвалить революционные заслуги командующего военным округом в провинции Лья-Вилас майора Алмейду, присутствовавшего на встрече. Все это сумбурно, непоследовательно, фразы часто бессмысленны. Слушавшие речь командующего низко наклоняли головы от стыда. Борис Ревенко, наш комсомольский работник, рассказывая об этом, заметил, что Павлов-Плиев так и не сказал что-нибудь вразумительное о нашем положении, не стал отвечать на вопросы офицеров. Видимо, на многие из них командующий и не мог ответить в ожидании решений Москвы.

Действительно, как у Чехова: "Генерал, а безобразничааете". Но, говорят, что за Кубу Плиев может и маршалом стать. В наше время подобное — не редкость. Может, это действительно талантливый военачальник, он отличился на войне, командуя конномеханизированным корпусом. И в кубинской ситуации, не исключено, что проводил нужную линию. Но вот с людьми разговаривать не может, они для него — серая масса, их судьбы не особенно интересуют военачальника. Не так ли и в Великой Отечественной многие командиры брали высоты не умом, а жизнями солдат и офицеров. Странно и то, что руководство очень мало интересуется мнением, настроением подчиненных, больше заботятся о мнении

* Вот что сообщает бывший посол СССР на Кубе А.И. Алексеев ("Аргументы и факты", № 10, 1989 г.): "Назначение командующим советским контингентом на Кубе генерала кавалерии, а не специалиста-ракетчика, по мысли Н.С. Хрущева, должно было подчеркнуть, что Советский Союз не собирается применять ядерное оружие, а использует его только как средство сдерживания. Стоит только удивляться такой логике. Как будто командующий сам должен участвовать в поиске ракет". А вот что говорит участник тех событий генерал-майор в отставке П. Гарбуз ("Красная Звезда", 4 февраля 1989 г.): Командовал группировкой Исса Плиев, генерал армии, прославленный кавалерист. С "нашей" (ракетной) техникой он столкнулся впервые и с любопытством знакомился с ней. Случалось, правда, что ракетные дивизионы называл эскадронами. В связи с этим стоило бы вспомнить начало Великой Отечественной войны, когда командующими фронтами были кавалеристы типа Ворошилова. И что из этого получилось".

сверху, от кого зависят звания и ордена. Рассказывают, что один из прибывших с инспекцией генерал Генерального штаба, слушая просьбы и предложения офицеров одного подразделения, кое-что записывал на пачке "Беломорканала". А затем, вынув из пачки последнюю папиросу, бросил ее в урну. В присутствии тех же офицеров. Быль это или расхожий анекдот, но важна суть: наши просьбы, жалобы не доходят до верхов, попадают в урну.

Вдвоем с Артемовым мы побывали в редакции групповой газеты. Она наладила регулярный выпуск в "восьмушку" "Правды" информационного бюллетеня, который, из-за отсутствия советских газет идет нарасхват. Но информация в бюллетене куцая, выборочная, ура-патриотическая".

Мы повезли с собой материалы. Я — очерк о поездке на Плайя-Хирон и зарисовку о Хулио Камачо, Артемов — о девушке-подпольщице. Но в портфеле составителей сборника пока пусто, журналисты собирают материалы. Главная трудность — мало переводчиков, которые могли бы помочь в работе. В этом отношении мне повезло на Оводкова. Оценив обстановку, мы с Артемовым схитрили, сказали, что материалы готовы в черновом варианте и будут доставлены по первому сигналу.

В политуправлении группы я поинтересовался возможностью поездки в Сантьяго вместе с Хорхе Сергера. Начальник отдела пропаганды и агитации полковник Плаксин одобрил идею, обещал поддержку, сообщил, что об этом уже запрашивал и мой начальник полковник А. Д. Жданович. Но проблема в другом — на чьем транспорте и с чьим бензином? Наши товарищи вряд ли дадут машину для такого турне, а у кубинцев тоже горючее строго лимитировано, столь дальняя поездка обойдется дорого.

В политуправлении удалось прочитать советские газеты почти месячной давности. В "Правде" за 26 октября, в момент острей-

* У меня и по сей день хранится десятка полтора-два этих бюллетеней. По ним, к сожалению, в полной мере трудно судить, чем жила в те дни Куба и тем более — наши войска. Бюллетень давал краткий обзор советских и кубинских газет, вести с разных стран.

** Литературно-художественный сборник "Кубинские встречи" вышел в середине 1963 г., составленный из очерков и зарисовок, он получился интересным, содержательным. "Бой у Плайя-Ларги" мы подписали вдвоем с Оводковым. К сожалению, зарисовку Артемова составители забраковали. Редакция групповой газеты издала еще несколько книг, в числе их — сборник-справочник "Республика Куба", сборник очерков и зарисовок "Высокая цель", ряд брошюр.

шей обстановки на Кубе, опубликована статья Жукова и Маевского "У последней черты". Устами американцев, с кем беседовали авторы, и от себя лично они утверждают, что на Кубе нет и не может быть каких-либо советских ракет стратегического назначения. Мол, американское правительство принимает советские тракторы за танки и т. д. и т. п.

А на второй день Н.С. Хрущев заявил о согласии советского правительства вывести из Кубы советские ракетные установки. Вот так! Только побывав в эпицентре событий, можно определить, где правда, где ложь. Недаром еще древние заметили, что с началом войны первой погибает правда. Слава богу, что на этот раз до войны дело не дошло. Но правда успела погибнуть раньше.

Наш кадровик сообщил мне приятную новость. В связи с болезнью моей жены и объективными медицинскими показаниями о состоянии моего здоровья (хотя до Кубы все медицинские комиссии ставили мне один диагноз "практически здоров"), решено включить мою фамилию в списки первоочередников для отправки в Советский Союз.

Таких, как я, набралось немало. Какие симптомы большинства заболеваний? Спастические головные боли, боли в желудке. На днях встретил друга и земляка Виталия Комарницкого. Тоже жалуется на общую слабость, головные боли. Знаю, что неважно чувствует себя и А.Д. Жданович. Но ему жаловаться должность не велит. Комиссары в бой вступают первыми, выходят из боя последними.

По всем большим и малым советским военным городкам волной прокатился слух: на теплоходе в Гаванском порту находятся мешки с письмами. Но они оказались на самом дне трюма. И пока его не разгрузят — надо ждать. Вот уж пример голово-тупства! Каких только эпитетов и выражений не слышалось в эти дни на головы доставщиков почты.

Я уже решил, что с поездкой в Сантьяго дело заглохло. Но, оказывается, ее держит на контроле Хорхе Сергера. Правда, Фидель пока не разрешил ему отпуск даже на несколько дней. Но Хорхе сумел организовать машину и посылает с нами своего революционного инструктора Фелипе Мартына. И хочет, чтобы нам составил компанию майор Хулио Камачо, министр транспорта, в

* К сожалению, в редакции не вняли жалобам офицера. А он был серьезно болен. Возвратившись в Советский Союз, мой школьный товарищ вскоре умер.

настоящее время курсант, у которого есть дела на том конце Острова. Начальник школы майор Кеведо не возражает, но дает не больше трех суток министру-курсанту. "Ладно, — говорит мне Сергера, — с Хосе я договорюсь на большее. Может, еще и я смогу поехать вместе с вами" — Хорхе от нетерпения потирает руки, предвкушая долгожданную поездку в родные места.

Поздним вечером 5 декабря наш военный городок в Лимонаре вдруг "взорвался" всеобщим ликованием, криком "ура!". Десятки людей окружили газик, из которого вытаскивали мешки с почтой. До поздней ночи не спал наш гарнизон. Я получил аж восемь писем и не знал, какое открывать первым. Писали жена с дочерью, брат, племянник. Первое письмо датировано 30 октября, последнее — 10 ноября. Судя по ответам, жена получила мои письма, переданные через посольство и штурмана "Адмирала Нахимова".

Слава Богу, все живы, хотя и далеко не совсем здоровы: об этом открыто жена не сообщает, но сквозь строки видно, как ей тяжело. У брата, инвалида войны, тоже здоровье не ахти. Хворают и старенькая мать. Слезу прошиб рассказ жены о том, как моя пятилетняя дочь, увидев меня во сне, прибежала к маме в слезах: "Почему так долго не возвращается из командировки пана? Напиши — пусть без волшебных палочек возвращается". Был у нас с дочерью такой уговор: я еду за волшебными палочками, которые исполняют все ее желания.

В письмах солдат и офицеров встречается много курьезов. Некоторые адресованы так: "Москва-400. На Кубу". В других родители спрашивают сына: "За что тебя упекли в почтовый ящик!". Третьи радуются, что сын служит в Москве, обещают проведать. Кое-кто спрашивает, далеко ли наша "400-я" Москва от главной столицы, почему письмо до "Москвы-400" идет 32 суток. А вот совсем удивительная история. Братишка-подросток одного старшего лейтенанта, родом из Черкасс, решил сам поехать в Москву, узнать, почему от старшего брата нет долго писем, отец и мать очень беспокоятся. Сообщив родителям, что едет к родной тете в Киев, сам махнул в Москву. Долго искал через отделения связи, через военную комендатуру этот почтовый ящик "400". Но так и возвратился домой ни с чем. И сейчас пишет брату: "Сообщи точно, как к тебе ехать".

Письма как бы приблизили к нам Родину, люди повеселели, у всех поднялось настроение. Неужели нельзя было об этом позаботиться раньше, не на пятом месяце?

НЕОБЫЧНАЯ ПОЕЗДКА, НЕОБЫЧНЫЕ ВСТРЕЧИ

10 декабря 1962 года. Эти записи делаю в дороге на Сантьяго-де-Куба. Рано утром к КПП нашего гарнизона подъехала шикарная машина "Шевроле-Импала". Кубинец вызвал меня.

— Комнанеро Хуан, транспорт подан! — доложил Фелипе Мартын де Акоста (такая, оказывается, полная фамилия нашего друга), но мы зовем его просто — Мартын. Я побежал за Оводковым и Артемовым. И тут возникла непредвиденная ситуация: Артемов поставил условие — если Оводков заменит свою клетчатую рубашку, а они были у них одинаковые, он поедет. "А, может, ты сам заменишь? — предложил я. — Все-таки твоя идея". "Нет, пусть Женья". А Василич только рассмеялся. "Шеф, не будем терять время, — заявил он, — Аркадий решил не ехать. Ведь в горах может быть контрас, еще придется отстреливаться". Теперь я все понял. И мы с Оводковым, прихватив приготовленные с вечера чемоданчики, полные консервных банок, печенья, сала, замоча в тряпочку пистолеты с обоймами (А вдруг контрас! Хотя встреча с ними вроде исключалась), поспешили к машине. Артемов, судя по всему, даже обрадовался такому исходу, видимо, опасался, что я буду уговаривать и, может, даже прикажу ехать. Но я оставил заместителя командовать редакцией. Хуже было бы, найди причину и прояви желание не ехать Оводков! Ведь речь шла не о служебной командировке. Без Василича терялся бы смысл вояжа, поездка планировалась не развлекательной, а чисто журналистской.

Водителем был один из гаванских асов-таксистов Саурес, черноусый, средних лет, веселый кубинец, возивший до революции на этом семиместном "Шевроле-Импала" богатых туристов. Я бросил взгляд на счетчик: 78 139 км.

Итак, нас — четверо. Ни команданте Сергера, ни курсант-министр Камачо не получили разрешения на отдых. Минут через тридцать, когда мы мчались по широкой Виа Бланка, Белой дороге, Оводков, слушавший по радио из Гаваны сводку новостей, вдруг поднял руку, требуя внимания. От удивления поднялись брови у Фелипе, внимательно слушал голос диктора и Саурес. Сообщение было для нас небезинтересным: Фидель Кастро назначил чрезвычайным и полномочным послом Республики Куба в Алжире одного из своих боевых сподвижников по революции Хорхе Сергера. Вот она разгадка о запрете отпуска. Нам пришлось только порадоваться высокому назначению команданте Сер-

гера и одновременно посочувствовать ему: теперь он не скоро увидит маму".

Здесь я должен полнее представить Сауреса, нашего водителя, которого с легкой руки Оводкова все стали дружески звать "компай!" — кум, это одна из форм обращения на Кубе. Так вот, наш компай сразу начал проявлять свое виртуозное мастерство в вождении машины. Шли мы на скорости не меньше ста километров, смело обгоняя других, со встречными машинами разминались почти вплитирку. Наша длинная лакированная машина свободно маневрировала в уличном потоке. У меня, сидевшего на переднем сиденьи, временами сердце замирало: казалось, вот-вот во что-нибудь врежемся. Оказывается, кубинцы, как и русские, не любят тихой езды. Машина радиофицирована, Саурес периодически связывался с туристическим центром, откуда машина и водитель, уточнял местонахождение. Потом с улыбкой докладывал: "Операция "советико периодически" (советские журналисты) продолжается..."

Все острее испытываю неудобства от незнания языка страны пребывания, такое ощущение, словно глухой слушает симфонический оркестр. Выдишь взмахи смычков, удары литавров, реакцию зрителей — но не доходит до твоего сознания красота звуков. А здесь нечто иное — красота языка ощутима, а смысл ускользает, иногда хочется поговорить с кубинцем в баре за чашечкой кофе, у бензоколонки. Но, увы, без Василича не обойтись. От этого многие неудобства. Женю я называю "сепаратором" — он выдает лишь сливки, в отходы при переводе часто идет много ценного, важные детали.

За Санта-Кларой видны отроги гор Эскамбрай. Здесь действовала колонна повстанцев Че Гевары. Для партизан Кубы горы означали то же, что для советских партизан леса.

Центральная дорога Кубы — ее главная улица, по обе стороны которой — пальмы, табачные плантации, банановые рощи, плантации тростника, саванна.

Все чаще встречаются пальмы невысокие, похожие на бутылки шампанского, поставленные горлышком вниз. Кора у них

- В 1965 году военные круги свергли президента Бен Белу, удостоенного перед этим с легкой руки Н.С.Хрущева звания Героя Советского Союза. Посол Кубы Хорхе Сергера вынужден был оставить Алжир. И, как я впоследствии узнал от одного из кубинцев, учившегося в киевском военном училище, был назначен Генеральным прокурором Республики Куба.

многослойная, сложена из жестяных листов, окунутых в цементный раствор.

Плантации тростника напоминают наши камышовые заросли. Многие с метелками. Оказывается, это старый, переросший тростник. На остановках пьем тростниковый сок, он сладкий, немного приторный.

Забываешь, что на календаре декабрь. Где-то на Родине стоят морозы, лежит снег, люди ходят тепло одетые. Здесь вокруг зелень, печет солнце, много цветов.

Въезжаем в животноводческую провинцию Камагуэй. Первых коров на Кубу завез Христофор Колумб. Часто встречаются оборонительные форты. Это линия укреплений, построенная еще в прошлом веке испанцами, чтобы преградить продвижение кубинских освободительных войск. Мартын рассказывает, что в провинции есть остров Романо, на котором сохранились стада маленьких диких лошадей. Провинция славится плантациями кофе. Интересно, что его низкорослые деревья начинают плодоношение на третий год после посадки и дают плоды в течение 10 -15 лет, кубинский кофе очень вкусный, попробовать его можно почти на каждом шагу, в любой лавчонке подают в маленьких чашечках, дымящийся, с коричневой пенкой. Пьют чаще без сахара. И мы частенько останавливаемся у бунгало, чтобы выпить кофе. Это почти всегда вызывает у хозяев и посетителей лавчонки восторг и радость. Особенно бурно их выражают мальчишки, считающие за честь пожать руку советскому товарищу. А подаренный значок, какая-то безделушка вызывает взрыв эмоций.

Ночевать останавливаемся в Сьенфуэгосе, у друзей из дивизии ПВО, где заместителем командира мой старый добрый знакомый Герой Советского Союза полковник Кубати Локманович Карданов. Вспомнили Дальний Восток, Курилы. Кубати Локманович откровенно посетовал на многие служебные неурядицы, несправедливости, о том, что Москва часто шлет противоречивые приказы. За семнадцать лет после войны в армии появилось много тех, кто не нюхал пороха, но умеет устроиться поближе к начальству, немало должностей занято не по уму-разуму или заслугам, а по протекции, приводились примеры.

Для меня многое в этом разговоре было новинкой. Полковнику Карданову, безусловно, лучше известны ситуации. Обиду, нанесенную М.К. Токаренко, он воспринял как личную. Из памятного разговора я нашел подтверждение того, что и сам начал

Журналистская поездка через всю Кубу.
Слева направо: Иван Корбац, Фелипе Мартын, Евгений Оводков

ощущать: в армии вызревают какие-то не лучшие моменты взаимоотношений, их остро чувствуют фронтовики, привыкшие к отношениям более простым, откровенным, доверительным.

Встретился с Мишей Дуловым, коллегой, редактором дивизионной газеты, посмотрел его хозяйство. Выпускает она листовки, информационные листки, журналисты тяготеют бездеятельностью, завидуют нашему с Оводковым турне через всю Кубу. Дулов подарил мне три фотопленки! У меня было всего две. Теперь можно смелее запечатлеть Кубу. А прекрасных видов удивительно много. Жаль, что пленки не цветные.

До Сантьяго еще осталось километров 400, половина пути. Намечена большая программа: побывать в крепости Монкада, встретиться с матерью Франка Пайса, совершить поездку в Гуантанамо к Рите Диас, которая на XXII съезде КПСС подносила знамя кубинской революции Н.С. Хрущеву, посетить ряд памятных мест, связанных с революционной национально-освободительной борьбой кубинского народа.

В машине стоит ананасовый дух. Эти гофрированные плоды горой возвышались у дорожной лавочки. Сфотографировались на фоне ящиков с апельсинами, мандаринами, крупных гроздьев бананов, больших чешуйчатых ананасов. Вот уж за морем телушка-полушка, да провоз дорого стоит. На прилавки бы наших магазинов это богатство.

Стоит достать фотоаппарат, как сразу появляется много желающих сфотографироваться. В одной из групп оказалось до 30 кубинцев. Все улыбаются, приветливо-доброжелательные. А вот под объектив янки, говорят, старались не попадаться. В одной из деревушек мы остановили машину, выбрались из нее. И вдруг врассыпную от нас брызнула детвора. "Янки! Янки!" Мы оторопело смотрели вокруг. Где янки? Оказывается, судя по машине, нас приняли за американцев. Нашему Мартыну пришлось вступать с детьми в дипломатические переговоры. И ребята сразу повеселели.

Городок Гуаймаро. На площади памятник в честь первой кубинской конституции 1861 года. За десятилетие до этого произошло первое вооруженное выступление за отделение Кубы от Испании. У подножья обелиска сидят два тонкие, поджаристые старики. Завязываем беседу. Старики обрадованы и удивлены: им под семьдесят, но впервые видят советского человека. Оба они — деревоотделочники местной мебельной фабрики. Вспоминают

прошлую Кубу, сравнивают. Говорят, — сейчас простому народу стало жить лучше.

Мартын везет нас в школу, в которой была подписана конституция. После нее еще была десятилетняя война за освобождение от испанского ига (1868 — 1878 гг.) и хотя кубинскому народу не удалось полностью освободиться, но было ликвидировано рабство, признано ряд прав кубинцев.

На Кубе нельзя не обратить внимание на огромный интерес каждого кубинца к истории своей родины. Дух свободы здесь прививается с первых классов школьного обучения. Фамилии апостола кубинской революции Хосе Марти, Карлоса Мануэля Сеспедеса, прозванного "Отцом Родины", генералов Максимо Гомеса, Антонио Масео и многих других знает каждый житель Острова. Портреты славных сыновей Кубы украшают стены школ и квартир, учреждений и казарм. С восторгом рассказывает о прошлом своего народа директор школы мулатка Эльмира Эстрада, 20 лет обучающая кубинцев не только грамоте, но и любви к своей родине.

Нам оказана особая честь, просьба оставить запись в книге почетных посетителей, которая ведется с 1929 г. Книга испещрена записями на десятках языков, но нет русского. Оводков дипломатично, не без подвоха советует мне: "Шеф, не указывай свой домашний адрес". Намек ясен: и здесь мы бдительно-осторожны. Удивительные мы люди, даже хорошее дело делаем с оглядкой, как бы чего не вышло, словно кто-то постоянно следит за нами.

А вот плохое поведение демонстрируем без оглядки на "заграницу". При выезде из Гуаймаро у магазина остановился наш ГАЗ-69, из него вылез грузный "советико компанеро" в грязной пижаме и пошел за покупкой. Большого аккуратиста Евгения Васили-ча, всегда чисто и опрятно одетого, прямо-таки передернуло от вида нашего земляка. Мне не раз приходилось наблюдать, как неприлично ведут себя некоторые наши товарищи мужчины, но чаще женщины в магазинах. Толкаются, лезут без очереди, вслух пренебрежительно обсуждают товары. Подобное вызывает у кубинцев только снисходительные улыбки. Или вот такой факт. В Лимонаре уже в первые дни нашего появления я услышал от кубинского солдата из охраны вместо приветствия... русский мат. Оказывается, солдат думал, что это... дружеское приветствие и охотно встречал им советских друзей. У некоторых это вызывало смех, у большинства — стыд.

Многие города и поселки Кубы носят отпечаток испанско-мавританского градостроительства, чего-то средневекового. Красно-черепичные крыши домов с толстыми стенами, небольшие мощенные дворики, в центре городка обязательно небольшая аккуратная площадь с фонтаном и обязательно памятником или знаменитому земляку, или одному из героев кубинского-народа. Названия городов — звучные, чаще испанские, многие с приставкой "сан", "санта": Сан-Лоренсо, Санта-Клара, Сантьяго, Сан-Луис. На улицах рядом с американским "Кадиллаком" — крестьянская повозка с осликом в упряжи. Все нижние этажи в основном двухэтажных зданий (лишь на окраинах строятся высотные дома) заняты магазинами, кафе, игровыми клубами, конторами. Много вывесок, витрин. А людей в городках днем очень мало. Кубинцы работают рано утром или под вечер, когда спадает жара. А днем отдыхают в тени, за чашечкой кофе. Не потому ли некоторые наши товарищи сделали поспешный вывод о праздности кубинцев: когда не увидишь — отдыхают, играют в кости, смотрят бой петухов, телевизор. Но я убедился -народ здесь трудолюбивый, особенно крестьяне, гуахирос, которых кормят собственные руки.

От Ольгина поворачиваем на юг Острова. Вскоре показались синие отроги гор. Савра торжественно объявил: "Сьерра-Маэстра". Причем звучные согласные "р-р" произносит нараспев. Чем знамениты эти горы? Я уже, конечно, немало знаю об этом. Но прощу Фелипе коротко напомнить...

...На заре 25 ноября 1956 года из мексиканского порта вышла шхуна "Гранма" и взяла курс на Кубу. 82 молодых повстанца во главе с Фиделем Кастро завели кубинский национальный гимн. В море "Гранма" попала в жесточайший шторм. К условленному месту высадки шхуна опоздала на двое суток. Диктатору Батисте стало известно о готовящемся десанте повстанцев. Против них были брошены авиация, береговая охрана. И все же "Гранма" смогла высадить смельчаков на пляже Лос Колорадос близ г. Никеро. Они сразу вступили в бой, но силы оказались далеко не равными. Повстанцы истощены штормом, голодом, боем... Потеряли 70 человек, оставшиеся 12 во главе с Фиделем Кастро пробившись в горы Сьерра-Маэстра, отроги которых были рядом. И через полтора месяца заявили о себе, разгромив и захватив военный лагерь, расположенный высоко в горах. С этого момента начинается двухлетний период тяжелой вооруженной борьбы, создание

Повстанческой армии, всеобщего восстания против диктатуры Батисты...

Конечно, нам можно было отклониться от маршрута, побывать в Сьерра-Маэстра, но нас ожидали в Сантьяго. Тогда мы не могли бы уложиться в недельный срок поездки. Поэтому проехали лишь через отроги гор, у городов Баямо, Хигуани, Пальма-Сориано. Дорога вьется среди гор, много речушек с каменными мостами, глубоких ущелий. К сожалению, день пасмурный, идет небольшой дождь, горы скрыты туманной дымкой. Савра качает головой, подтрунивая надо мной, он говорит: "Панорамы, панора-мо..." Нет панорамы, лежит мой фотоаппарат, так и не запечатлевший горы Сьерра-Маэстра. Вся надежда на обратный путь. Я побывал не раз в Карпатах, знаю Кавказские горы, переезжал с юга и с севера Урал. Так что могу сравнивать. Мне кажется, что в каждой земле свои горы. Кубинские более богаты растительностью, все-таки субтропики, более влажные и менее снежные, это горы больше обжитые, они как бы просматриваются. Ширина Сьерра-Маэстра всего 30 км. Но от этого не облегчается их неприступность. Горы Сьерра-Маэстра стали своеобразной школой для солдат революционной армии, добровольческих бригад учителей и революционной молодежи. Там, где были лагеря повстанцев, созданы лагеря трудового воспитания, проверки готовности к любым испытаниям во имя Революции.

К вечеру на второй день путешествия мы въехали в Сантьяго, преодолев около тысячи километров пути (точнее — 970).

Нашим гидом стал 27-летний мулат Альфредо Кумеро, до революции чистильщик обуви в Гаване, сейчас — секретарь майора Акосто, генерального секретаря Объединенных революционных организаций ОРО, одного из 12 повстанцев, ушедших в горы Сьерра-Маэстра после неудачной высадки десанта с "Гранмы". У нас планировалась с ним встреча и я заранее наметил вопросы. Хотелось написать очерк о таком человеке.

Для ночлега нам предложили гостиницу "Версаль", одну из фешенебельных, ранее принимавших богатых иностранных туристов. Но случилась непредвиденная, пожалуй, и неприемлемая для нас, советских людей, ситуация. Я, Оводков и Мартын получили номера. А нашему водителю как обслуживающему персоналу администрация не разрешила поселиться в гостинице. Это, мол, снизит ее престиж среди клиентов. Савре предложили переночевать где-то в кухонной пристройке. Меня, конеч-

но, шокировало такое решение: почему водитель не может жить рядом со всеми? У нас в Советском Союзе подобного не может быть.

Все попытки Кумеро и Мартына решить проблему закончились неудачей. Оказывается, владелец гостиницы не может поступиться принципами даже "советико периодико". Что делать? Отступить? И я предложил переночевать в любом другом месте, но не в "Версале". Альфредо куда-то позвонил, о чем-то договорился, весело поднял палец вверх и махнул рукой: "Поехали!"

По дороге Фелипе объяснил Савре причину нашего отъезда. И тот удивленно и благодарно посмотрел на меня, серьезно сказал "грасиас" (спасибо).

Мы приехали на берег бухты Сантьяго, где в окружении высоких королевских пальм, утопая в зелени, возвышался двухэтажный особняк с мансардами, большими верандами... Оказалось, это бывшая дача американского миллиардера Дюпона. Правда, он сам здесь бывал редко, наезжали иногда члены его семьи. А сейчас дача служила базой для отдыха революционных активистов, тех, кто работал среди крестьян в горах, показывал пример на рубке тростника, учил кубинцев грамоте. Они приезжали сюда на несколько дней, отсыпались, отмывались, восставляли силы и снова уходили в народ. Сейчас дача пустовала, вчера разъехалась очередная смена отдыхающих.

Утром я проснулся от базарного крика и щебета птиц, резкого запаха цветов. Вечером мы не смогли полностью оценить достоинства дачи. "Умела же отдыхать буржуазия, — иронически заметил Оводков, любуясь поистине райским уголком на берегу залива. — Даже без профсоюзной путевки".

Наших познаний ботаники явно недоставало, чтобы перечислить флору этого уголка: его цветов, кустов, деревьев. Пока готовили завтрак, мы с разрешения хозяйки дачи, пожилой негритянки, которая даже принесла лестницу, слезили на пальму за орехом.

Когда садились в машину, Савра погромче включил радио, в голосе диктора мы сразу слышали слово "Хрущев". Гавана передавала его речь на сессии Верховного Совета СССР, где Никита Сергеевич заявил: наша страна никогда не оставит в беде революционную Кубу, Советский Союз выполнит свои обещания помочь Острову Свободы, он не останется беззащитным.

Мы посетили местное кладбище, где похоронен Хосе Марти, возглавивший вместе с Максимо Гомесом войну за независимость (1895 — 1898 гг). Хосе Марти — поэт, мыслитель, революционер — погиб в одном из боев 19 мая 1895 года. Прямо над сердцем Х. Марти установили Флаг Кубы, он существует с 1902 года, с момента провозглашения первой республики и принятия конституции. Этот флаг — полотнище из пяти продольных полос (трех голубых и двух белых) с красным треугольником в передней части и белой пятиконечной звездой на нем — не изменился и после победы революции 1959 года. Остался также герб 1902 года. На каменной стеле рядом с могилой Х. Марти его изречение: "Надо быть человеком, чтобы стать частью народа".

Небезынтересно было узнать, что в войне за независимость Кубы участвовали и русские добровольцы — Николай Мелентьев, Петр Стрельцов, Евстафий Константинович. Свидетелем этой войны был офицер русского флота Д.Б. Похвиснев, он даже оставил свои записки. К сожалению, эти факты пока не нашли достойного отражения в нашей исторической или художественно-документальной литературе.

Мы увидели величественное надгробье, решив, что под ним покоится кто-то из величайших людей Кубы. Эпитафия сообщала: здесь похоронен Эмиль Бакарди. Да, это он прославил Кубу знаменитым ромом "Бакарди", основал известную в мире фирму спиртных напитков. Это был богатый меценат, создавший в Сантьяго крупнейший исторический музей, в котором собраны ценнейшие экспонаты. Нам удалось побывать в нем. И, забегаю вперед, скажу — Бакарди оставил достойную память. Описание музея, впечатлений о нем заняло бы много места. Достаточно сказать, что это лучшее из хранилищ прошлого в Латинской Америке.

На кладбище в Сантьяго покоится 32 юноши, погибших при штурме крепости Монкада 26 июля 1953 года. Здесь же могила Паисов — отца и двух его сыновей — Франка и Хосуэ, оба они — революционеры, погибли в одном, 1957 году, первый — 30 июня, второй — 30 июля, от пуль наемных убийц. Особенно примечательна фигура Франка Пайса, студента-революционера, которого друзья называли полковником. По сути, это предшественник Фиделя Кастро. И если бы не смерть, Франко Пайс мог бы стать одним из руководителей революции. Об этом в официальных материалах говорится мало. Но участники революции, с которы-

ми я беседовал, не раз упоминали это имя, говорили о возможной его роли в революции. Именем Франка Пайса был назван Второй фронт Повстанческой армии, которым командовал Рауль Кастро.

Едем к крепости Монкада. Это целый квартал больших серых зданий бывших солдатских казарм. Сейчас здесь школа, в которой учится две тысячи детей. Каждый класс носит имя одного из участников штурма крепости. Нашим гидом стал директор школы Марсиа Лопес. Он показывает и рассказывает, как развивались события. План нападения на казарму разработал 27-летний адвокат Фидель Кастро, тогда еще известный в основном среди революционно настроенной молодежи. Накануне штурма Фидель обратился к двумстам молодым патриотам с такими словами: "Завтра мы можем оказаться победителями или побежденными, но в любом случае это движение восторжествует. Если мы победим завтра, то сбудется все, о чем мечтал Марти; если нет, то этот подвиг послужит примером народу Кубы. Как в 1868 и 1895 годах, так и теперь здесь, в Орьенте, мы бросаем клич: "Свобода или смерть!"

Штурм с целью захвата арсенала начался на рассвете, в 5 часов утра 26 июля 1953 года. В отряде, которым руководил Фидель Кастро, насчитывалось 165 юношей. Марсиа Лопес показывает направление удара отряда Фиделя по казармам. Тогда их окружала кирпичная стена, сейчас установлена железная решетчатая ограда. Предполагалось, что непосредственно участвовать в штурме будет 120 человек, — говорит Лопес. — Но собралось человек 80. Остальные, видимо, примкнули к группам Рауля Кастро и Абеля Сантамария, которые заняли здание Верховного суда и госпиталя.

Через два часа стало ясно, что одного порыва юношей мало для штурма солдатской казармы — на подступах к стенам казармы уже лежало немало убитых. Штурм явно не получился, и Фидель дал команду отступить.

Фидель и его брат Рауль, многие оставшиеся в живых участники штурма были арестованы и преданы суду военного трибунала.

Мы побывали в нескольких классах Монкады, смотрели в живые, смысленные глаза будущего Кубы. Классы маленькие, перестроенные из солдатских казарм.

Крепость Монкада в истории Кубы стала таким же объектом революции, как Бастилия — во Франции, Зимний дворец — в

России. Примечательная деталь — большинство таких крепостей, по сути — солдатские казармы, в них мало истинно крепостного: ни толстых стен крепостной кладки, ни бойниц, ни въездных ворот с подъемным мостом через глубокий ров, залитый водой.

Именно вот такую крепость по имени Морро мы посетили у входа в бухту Сантьяго. Крепость когда-то служила испанцам, оберегая их от пиратов с моря, и от индейцев местных племен — с суши. Широкие, двухметровые стены из крупных горных пород, глубокий ров, когда-то залитый водой из бухты, переходы с подвесными мостами, петли которых давно заржавели и мосты не опускались, ниши-бойницы с выставленными из них средневековыми пушками, глубокое подземелье с арсеналом для оружия, сторожевые башни, внутри крепости — колодцы для питьевой воды.

Фотографируемся у чугунной, короткоствольной пушки на деревянном лафете. Оводков комментирует: "Советские волонтеры — в дни карибского кризиса".

После обеда уезжаем в Гуантанамо на встречу с Ритой Диас. Как нам сообщили, ради встречи с нами она спустится с гор Сьерра-дель-Кристалль, где находится уже вторую неделю среди лесорубов. Рита Диас возглавляет в Гуантанамо городской комитет объединенных революционных организаций, является вроде коллегой нашим секретарям горкомов партии.

Сразу за Сантьяго дорога спиралью ввинчивается в отроги гор Гран-Пьедро, перерезает небольшие горные села, похожа на аллею в цветочной оранжерее. Каких только цветов здесь нет! Ало-розовых, голубых, синих, желтых, белых и даже пепельно-черных. Я прошу остановить машину, хочу нарвать букет. Все-таки едем к даме, неплохо бы с цветами. Фелипе и Саурес загадочно улыбаются, внимательно следят, как я карабкаюсь по каменистым склонам горы, поднимаюсь к самому яркому, почти двухметровому кусту, притрагиваюсь к его цветам. Пытаюсь уловить цветочный запах, но его нет — не пахнут лепестки. Они, словно покрыты восковой пленкой, похожи на искусственные. А сам куст — колюч. И я, разочарованный, возвращаюсь к машине. Теперь мои кубинские спутники смеются откровенно: что, мол, полюбовался, убедился? Оказывается, это были знаменитые на Кубе фрамбойяны — деревья-цветы. Несмотря на яркость красок, эти цветы, растущие в зоне, где дожди выпадают хотя и часто, но быстро испаряются, научились беречь живительную влагу. И по-

тому живы. Это наши розы и пионы, настурции и гладиолусы дышат легко и свободно, здесь природа экономна на живительные соки.

Ртутный столбик застыл перед отметкой 30°. Стоит середина декабря. В селах прямо на улицах, у магазинчиков — горы цитрусовых, метровые гроздья бананов, лежат пудовые ветки кокосовых орехов.

Эти богатые и красивые места известны в истории революции тем, что сюда отступали участники неудавшегося нападения на Монкаду. Здесь Фидель Кастро был схвачен, батистовский офицер получил приказ немедленно его расстрелять. Фиделя поставили перед строем солдат, офицер приготовился дать команду "Огонь!". Фиделя спасли его мужество, выдержка. Он открыто посмотрел в глаза офицера, сказал: "История вам не простит этого преступления". Есть версия и о других словах: "Вы хотите убить будущее Кубы". И офицер бросил солдатам: "Отставить! Идею не убить!" Говорят, что после победы революции Фидель нашел того офицера.

Не знаю, то ли это был, то ли легенда, по крайней мере, в литературе о Кубе мне не попадалось описание этого случая, о нем мне поведал Фелипе Мартын де Акосто. Кстати, я интересуюсь у нашего друга — где у него имя, где фамилия. Они у кубинцев испанские, и их образование отличается от нашего имени отчества. Первое у кубинцев — имя собственное, второе — фамилия отца, третье — фамилия матери. Кубинцы чаще всего предпочитают называть друг друга по имени. Не случайно столь популярно здесь обращение к руководителю Кубы просто — Фидель.

Уже сгущаются сумерки. Я уточняю, далеко ли город Гуантанамо, куда мы едем, от американской военно-морской базы, расположенной в одноименной бухте. Не попадем ли мы случайно к американцам в гости? И чуть не навлек беду. Но об этом — рассказ впереди. Город от бухты — километрах в пятнадцати, да сама глубоководная бухта на столько же врезается в сушу...

Я все время думаю о предстоящей встрече. Мог ли я предположить в октябре 1961 года, наблюдая в Киеве по телевизору работу XXII съезда КПСС, вручение миловидной женщиной-кубинкой в военной форме съезду знамени кубинской революции, что через год буду ехать к ней в гости. Запомнилось большое фото в "Правде", на котором вполоборота — Рита Диас, капитан народной милиции.

Еще в Гаване я поинтересовался у товарищей из политуправ-ления, где можно найти эту женщину. Никто ничего определен-ного сказать не мог, хотя вопрос был взят на заметку. Это было не безинтересно знать и в политуправлении.

Но меня выручил Хорхе Сергера, он случайно упомянул о Рите, которую хорошо знал, пообещал в случае нашей совместной поездки в Сантьяро организовать с ней встречу.

Вечерний Гуантанамо щедро освещен, улицы многолюдны, в барах — музыка, танцы. Первые же кубинцы охотно показывают дорогу к комитету ОРО.

Мы остановились у двухэтажного особняка в мавританском стиле, с колоннадами. Освещен только вестибюль. Значит, Рита еще не возвратилась... Очень жаль... Сейчас уточним ситуацию.

Навстречу нам из вестибюля вышла средних лет женщина, ви-дать, дежурная. Мы спрашиваем о Рите Диас.

— Буенос ночес кампанеро (Добрый вечер, товарищи!) — приветствует нас женщина. Она — в белой блузке, черной юбке, с гладко зачесанными волосами, приветливо и как-то выжидательно улыбается. Потом сообщает: "Я жду вас!"

Ладонь женской руки жестковата, пожатие сильное. Так вот она, хозяйка Гуантанамо!

Поднимаемся на второй этаж, в кабинет секретаря ОРО. Убран он просто: стол, стулья под стеной, три телефона на столике, на стене — карта Острова с четко выделенным районом Гуантанамо, внизу него — красный квадрат американской базы. На рабочем столе под стеклом — большой фотоснимок из газеты "Правда". Заварив кофе (какой же разговор с гостями без этого тради-ционного напитка!), Рита Диас начинает рассказывать о своем районе, всеобщей мобилизации в дни карибского кризиса (на Кубе его называют октябрьским), создании отрядов народного опол-чения и милиции.

— В эти дни мы не чувствовали себя одинокими, — говорит Рита. — С нами был великий Советский Союз. Я сотни раз расска-зывала в эти дни о пребывании в вашей стране, меня слушали ра-бочие рудников, лесорубы, крестьяне.

Какие заботы сегодня? Вот-вот начнется сафра, крестьяне дер-жат наготове мачете — ножи для рубки сахарного тростника.

Зазвонил телефон. Рита берет трубку. После короткого разго-вора сообщает нам: "Говорят, увидели свет в окне, значит я в го — роде. А я всего часа два как возвратилась, только успела заехать домой". Потом еще звонок. На этот раз Рита в чем-то оправдыва-

лась, кого-то убеждала и наставляла. И лишь положив трубку, с теплотой в голосе сообщила:

— Дочь Бланка. Ей семнадцать. Две недели не виделись. Она у меня молодец — в отряде народных учителей, член Союза молодых коммунистов...

Больше двух часов длилась наша беседа. Я интересуюсь, как Рита пришла в революцию. Оказывается, начала участвовать в движении за свободную Кубу с 13 лет, родители — рабочие сахарного завода. Семья — семь человек. В семнадцать лет стала коммунистом. Работала в подполье, занималась пропагандой, несколько раз арестовывали. Выходила из тюрьмы — и снова борьба. Лично знает Рауля Кастро, познакомились в молодости, работала под его руководством, была его связной. И хотя вопросов еще было много, но время позднее. Хозяйка заметно устала. Да и нам надо еще возвращаться в Сантьяго, на утро назначены новые встречи. Рита Диас предлагает поужинать, заночевать, но мы вежливо отказываемся, благодарим за беседу.

Рита говорит с улыбкой: — Я выдержала немало допросов в политических участках. Но отвечала только на вопросы журналистов. И в этом отношении сегодняшний "допрос" — самый приятный.

Рита передает горячий привет советским людям, своим друзьям, которые ее помнят по Москве'.

"Диас" — в переводе с испанского "утро". Люди, подобные этой женщине, олицетворяют собой утро новой Кубы.

Поздним вечером мы оставляем Гуантанамо. От усталости, несмотря на несколько чашечек кофе, слипаются глаза. Я перебрался на заднее сиденье, решил вздремнуть. Но через несколько минут проснулся от какого-то толчка. Машина стояла на дороге, слышны громкие голоса. Фелипе что-то выговаривал водителю, даже хватался за оружие.

— Женья, узнай, в чем дело, — растолкал я Оводкова. Тот вышел из машины, послушал обе стороны и доложил:

— Шеф, считай нам повезло. Еще бы несколько минут — и нам пришлось бы менять подданство, — показал рукой на дорожный указатель: — Читай: "Кайманера".

Я ничего не понял. Фелипе объяснил: юго-восточнее кубинского порта Кайманера находится американская военно-морская база

Член делегации Объединенных революционных организаций капитан Рита Диас вручает национальный флаг Кубы президиуму XXII съезда КПСС

Гуантанамо. По традиции ее так называют по одноименной бухте. Савра, увидев указатель, понял — не туда едем. И остановился. Дремавший на переднем сиденье Фелипе, прокинувшись, тоже увидел название порта Кайманера. И не на шутку испугался, вначале усмотрел в поведении водителя злой умысел: не иначе, как хотел завезти двух советских журналистов и его, революционного инструктора, к американцам.

Я уточнил: "Савра сам остановил машину?" — "Сам" — подтвердил Фелипе. "Тогда не было злого умысла. Разворачиваемся и поехали".

Савра стоял ни живой, ни мертвый, он-то, может, лучше нас понимал, чем грозила ему и нам его ошибка. Водитель и Фелипе не только были нашими гидами, но и отвечали за нашу с Оводковым безопасность. На этот счет оба получили серьезное предупреждение. Оказывается, Савра просчитался у развилки дорог: надо было повернуть направо, на Сантьяго, а он взял левее.

В машине мы с Оводковым полшутя-полусерьезно обсудили возможные последствия водительской ошибки.

— Да-а, уже утром американская пресса сообщила бы: два советико периодико бежали в Соединенные Штаты, — рисовал картину Оводков. — И первой назвали бы фамилию шефа. И он сделал бы заявление...

— О чем бы я сказал?

Тут фантазия Василича разыгралась, он выдал такой текст, после которого все пути на Родину были бы отрезаны.

Мы попросили Фелипе подробнее рассказать о базе. Оказывается, попасть на нее не составляет особого труда. Ежедневно тысячи кубинцев ездят к американцам на работу. Никакой границы не существует, есть, правда, пропускной пункт, но на нем не особенно следят за тем, кто въезжает. Так что мы легко бы проскочили КПП. Но шикарная "Шевроле-Импала" не могла не привлечь бы внимание, тем более, с гаванским номером. Вот тут бы и началось. Но, как говорится, Бог миловал, мы с Оводковым остались советскими гражданами, хотя решили помалкивать о случившемся, иначе можно навлечь интерес соответствующих органов: какой была конечная цель столь отдаленной поездки?

* Возвратившись на Родину, я опубликовал в журнале "Украина" небольшой очерк "Товарищ Рита", читатели прислали немало откликов на него.

По плану четвертого дня — встреча с майором Аюста. Но его еще вчера вызвали в Гавану, когда возвратится — неизвестно. Зато нас ждет мать братьев Паисов. Сопроводять нас к ней будет бывший адъютант Франка и его друг Артур Дуке де Эстрада. По пути мы осматриваем магазин скобяных изделий, где погиб Франк, читаем его слова на мемориальной доске: "Если останется хотя бы один кубинец, который верит в революцию, то этим кубинцем буду я".

Франк Пайс создал в середине пятидесятых годов сильное молодежное движение в провинции Орьенте. Когда Фидель оказался в тюрьме, Франк посетил его, договорился о дальнейших действиях. Но убийство из-за угла помешало всем планам.

Мать Паисов живет в маленьком деревянном живописном домике. Нас встречает пожилая, полная женщина. Дуке сообщил — она болеет, но узнав о желании советских журналистов встретиться с ней, сказала: "Даю болезни отставку, гостям буду очень рада".

Полное ее имя и фамилия — Росарио Гарсиа де Пайс. Несмотря на возраст, она, как истая кубинка, жизнерадостна, доброжелательна, и, в меру своих сил, веселая. Комнаты ее дома — настоящий музей, здесь все — от фотографий на стене, настольных альбомов до детского велосипеда — напоминает о двух погибших сыновьях. Мать признается, что вначале она ничего не знала об их революционной работе. Когда узнала — благословила: идите и сражайтесь за свободу Кубы.

Росарио Гарсиа рассказывает об одном интервью, которое она дала американской корреспондентке. Та упрекнула Фиделя в том, что он оторвал кубинских женщин от семьи, они служат в армии и милиции, занимаются политикой, работают на заводах.

— Женщина — половина народа. И она не может не заниматься тем, чем живет весь народ, — ответила тогда Росарио Гарсиа. Напомнила корреспондентке: она ведь тоже занимается политикой.

Хозяйка очень высокого мнения о Н.С. Хрущеве, хотела бы лично выразить ему свое восхищение, да вот годы... Не может принять активного участия в деле, ради которого погибли сыновья.

Старая женщина говорила живо, темпераментно, много. А Василеч спасовал, никак не успевал уловить основную мысль, перевести ее. Мимходом признался: "Какой-то испанский диалект, многие слова звучат по-другому".

Росарио Гарсиа часто спрашивает у Артуре Дуже: "Правильно я говорю?" — и, не дожидаясь ответа, смеется дробным, старческим смешком. Оказывается, в этой фразе есть особый смысл, о чем мы узнали уже в машине. Фидель, выступал перед гаванцами на одном из первых митингов после победы Революции, спрашивал у рядом стоявшего Камилло Сьенфуэгоса: "Правильно я говорю?" И эта фраза стала крылатой.

Мы рассчитывали на 10 — 15 минут, но пробыли в домике Паи-сов больше часа. Хозяйка принесла несколько писем из Советского Союза, адресованных матери Кубинской Революции. Одно из них было из Амурской области от 17-летней Гали Мысник, второе — от пионеров Алушковской школы на Псковщине. "Дорогая Мать Революции, — пишут ребята. — Мы знаем, что Ваши сыновья погибли, защищая Кубу. Дорогая Гарсиа де Пайс! Считайте нас своими дочерьми и сыновьями".

На пятый день путешествия прощаемся с Сантьяго. Пока Савра готовит машину в обратный путь, бродим по узким, средневековым улочкам центра города. В витрине одной из мастерских рассматриваем удивительно красивые морские раковины — от небольших, используемых крестьянами как сигнальные рожки, до крупных — кобо. Есть полуметровые, перламутровые, с розовым оттенком, издающие звуки морского прибоя, шума ветра, дыхания морских глубин. Хозяин выставки охотно показывает свое богатство, о каждой раковине готов рассказывать часами. Оводков, слушая, издает возгласы удивления, на мой немой вопрос отвечает: "Потом все расскажу, видишь, фонтан не остановить..."

В бухте стоит наш сухогруз "Устилуг", доставивший сельхоз-машины для Кубы. "Они не стреляют? — интересуюсь. "На этот раз — без секретов, — смеется капитан. — На морях и океанах стало спокойнее". Быстро набрасываем с Оводковым письма на Родину, передаем капитану. К новому году они как раз успеют.

Обратный путь был богат интересными "заездами": в небольшом городке Ла-Флорида посмотрели мастерскую, в которой изготавливают знаменитые кубинские сигары. Табачный лист свертывают вручную, зажимают на прессе. Занято на изготовлении человек десять. Сколько можно сделать за день? Сотню, немногим больше. Ла-Флорида, оказывается, родина нашего Фелипе, у него здесь много друзей.

В Камагуэе нам друзья сообщили: на Кубу идет "Адмирал Нахимов". Вот бы попасть на него! Комагуэйцы тоже ждут скорого возвращения на родину.

В дороге я где-то простыл, скорее всего, протянуло сквозняком в машине. Попросил у местной медицины помощи. В санчасти гора ящичков с лекарствами. Но... большинство с просроченным сроком. Врачи на чем свет стоит ругают тех, кто, как и старые консервы, спихнул старые лекарства. Значит, интенданты во все времена одинаковы: в русско-японскую войну они отправляли вместо снарядов иконы, в Первую мировую войну — гнилые сапоги. В Великую Отечественную, правда, выгоды у них не было, да и наказание было бы не рублевое. А вот сейчас пробудился дух рвачества...

Свернув с центральной дороги, поворачиваем ближе к океанскому побережью. Места более влажные и зеленые, на полях и в деревнях — горы овощей, фруктов, цитрусовых, прямо какое-то изобилие.

В небольшой деревушке останавливаемся у кооперативного магазина, рядом — небольшой бар. Крестьяне в широкополых шляпах-сомбреро пьют кофе, кое-кто пропустил рюмочку апельсинового рома, курят, обсуждают свои дела. Охотно делятся своими заботами. Сейчас главное — сбыть продукцию. Раньше прибыль от этого шла перекупщикам, сейчас — местному кооперативу. Готовятся к сафре, урожай в этом роду богатый...

Такое ощущение, что встретился с мужиками придеснянского села, обсуждаешь с ними виды на урожай. Только здесь есть особенность: на Кубе многие крестьяне знают свою землю, они ближе к ней, чем наши колхозники. Кубинцы наслышаны о колхозах и не выражают восторга от общности на землю. Допытываются: а кто хозяин у колхозной земли? Мы объясняем — коллектив, потому что колхоз — коллективное хозяйство. "А-а, — понимающе говорит худой, рослый кубинец. И делает для нас неожиданный вывод. — Значит, никто". Оводков, переведя эту фразу, поддел меня: "Что, съел? Они в этом вопросе грамотнее нас".

Под вечер, подъезжая к Санта-Кларе, вижу, как беспокойно стал вести себя Савра, о чем-то начал переговариваться с Фелипе. В разговор вступил Оводков. Все чаще слышится: "Крусес, Крусес". Наконец, Василич вносит ясность:

— Шеф, есть шанс увидеть Кубу, — как всегда с подтекстом говорит Оводков. — Километрах в 25-ти, в сторону Карибского моря, есть городок Крусес. А в нем сегодня карнавал. Ты видел ку-

бинский карнавал? Я тоже нет. — Вот кампай и просит, он родом оттуда. Я ходатайствую...

Я рассчитывал сегодня быть в Лимонаре, до которого часа два езды. Но и предложение интересное. Знаю — Оводков страстный поклонник кубинской музыки, негритянских ритмов. Без них карнавал не карнавал.

Через полчаса мы подъезжали к Крусесу. В конце прошлого столетия вблизи города повстанческие отряды Антонио Масео нанесли поражение испанским войскам. И жители Крусеса решили, что это неплохой повод для карнавала.

Вечерний город в праздничной иллюминации. Уже в предместье на первой же улице нас встретил грохот тамбурина, мелодичный перезвон гитары, ритмичные звуки мараки — высушенной тыквы с морской галькой внутри, звонкие удары о серебристо-металлическое било, звучали кастаньеты, другие музыкальные инструменты, названия которым не знали даже мои спутники. Оказывается, вот эти деревянные брусочки с металлическими резонаторами называются маримба, о чем сообщил нам один из участников карнавала.

Посредине улицы двигалась танцующая и играющая группа. В тамбуринах — небольшой барабан цилиндрической формы, подвешенный на шее, выбивал длинными пальцами высокий молодой негр, струны гитары перебирал юноша в милицейской форме и с пистолетом на боку, маракою потряхивал старик. Пожилые и молодые кубинцы не шли, а пританцовывали в такт музыке. А впереди группы, метрах в пяти, в увлекательном стремительном танце двигалась совсем юная кубинка. Плясали не только ее ноги и руки, извивалось в пляске все гибкое тело. Крыльями взлетала разноцветная широкополая накидка, захлестывала колени. Неудержимое веселье было в глазах девушки, ярким румянцем вдохновения пылали ее щеки.

Поставив машину у дороги, мы влились в общий поток людей, пошли улицей, прихлопывая в ладони. А наш Савра, истый кубинец, на ходу пританцовывал. По лицу Оводкова вижу, как он возбужден музыкой, весельем, ритмом карнавала.

Вот и центр города, многолюдная широкая площадь заставлена столами, лотками, скамейками. Уставшие отдыхали, пили соки, курили, наблюдали. Знакомая нам танцевально-музыкальная группа влилась в общую толпу. Наш Савра куда-то исчез, минут через двадцать он разыскал нас в толпе, но уже был не один — Савру сопровождали несколько парней и девушек, пожилых

кубинцев. Оказывается, это родня Савры, его братья, сестры, родители. Они окружили нас, начали доставать из сумок коробки, расставлять на столике. Не успели мы оглянуться, как в наших руках оказались небольшие стопки с коньяком, в стаканы щедро лились соки, холодное пиво. "Руссо-Куба — Вива!", "Фидель — Никита!", "Куба — си, янки — но!" — звучало со всех сторон. Транслировавшие музыку радиоточки вдруг затихли, в громкоговорителе на стене ратуши послышался торжественный голос диктора. Оводков, выслушав сообщение, с напряжением в голосе сообщил:

— Держись, Михалыч. Сейчас начнется. Объявили: на карнавале присутствует делегация советских журналистов. То есть мы с тобой.

Вот этого нам еще не доставало! Никакая мы не делегация. Фелипе начал что-то выговаривать Савре, а тот только невозмутимо улыбался в черные усы.

Что тут началось! К нам протискивались стар и млад, все хотели угостить руссо компанеро, пожать им руки, получить автограф. Мы не знали, как выбраться из этой веселой, доброжелательной, но требовательной толпы. Выручило очередное сообщение по радио: начинались выборы королевы красоты города Кру-сеса. Все взоры обратились на помост с претендентками. Я записал их имена — Роса и Мануэла. Роса была настоящей красавицей, рослой, с загоревшим круглым лицом, большими глазами, полными, чуть подкрашенными губами, с приятной улыбкой. Казалось, природа очень была щедра к этой девушке. Мануэла оказалась нашей знакомой танцовщицей. По сравнению с Росой она выглядела гораздо моложе и не на столько, как ее соперница, красивой. Была просто девушкой симпатичной, да и одета не в празднично-нарядную, как у Росы, а голубую форму милисианос. Савра, стоящий рядом, комментировал происходящее. Сообщил:

— Росу я знаю. При Батисте она развлекала сынков богачей. Толпа некоторое время возбужденно гудела, обсуждая про себя претенденток, определяя их достоинства и недостатки. Потом чей-то негромкий голос из толпы не выкрикнул, а вроде сообщил:

— Бонита Мануэла! (Красавица Мануэла!).

И сразу словно прорвало:

— Мануэла — бонита!

— Мануэла-милисианос!

— Не надо Росы!

— Ма-ну-э-ла... Ма-ну-э-ла! — скандировала площадь.

Это, как говорится, был глас народа. Неистово вздымалась рука в голосовании.

Мы стали свидетелями удивительно интересного зрелища, в котором во всей своей красе и широте проявился дух народа. Прав был Оводков, предложивший увидеть Кубу в конце почти недельного путешествия по ней.

На шестые сутки, за полночь, мы подъехали к воротам лимонар-ского военного городка. Я бросил взгляд на счетчик: 80 578 кило-метров. Итак, 2448 километров по Кубе.

За истекшую неделю существенных новостей нет. Правда, наш городок посетил Рауль Кастро, встречался с офицерами, благодарил за помощь Кубе в трудное время.

В связи с активной антиамериканской позицией Кубы особый интерес к ней проявляет Китай. Оказывается, на острове проживают сотни тысяч китайцев. Еще в прошлом веке они обманчивым путем были завербованы сюда на заработки, но так и остались на острове на положении полурабов. В КНР подготовлено 340 тысяч писем к кубинцам с требованием не уступать США и не соглашаться с предложением советского правительства! Удивительно как переплелись в карибском кризисе противоречия между СССР и КНР, СССР и США, КНР и США, США и Кубой. Китай присылает на Кубу донорскую кровь, мол, воюйте, прочтите этого бумажного тигра.

...Говорят, поступила шифровка о предстоящей телеграмме с сообщением номера приказа, который готовится в Москву. И неизвестно, когда поступит на Кубу. И там все будет разъяснено.

Эта шутка-каламбур гуляет среди офицеров, хотя в ней возможна доля истины. В ближайшее время ожидается из Москвы распоряжение об условиях пребывания советских войск на Кубе, сейчас с Москвой устойчивая связь, идет поток различных распоряжений, документов, указаний, разъяснений, советов и рекомендаций. Но, по оценке некоторых офицеров из нашей группы войск, мало в этой информации конкретного, такое ощущение, что прорвало бумажно-телеграфную плотину и генштаб, министерство обороны, Главпул, различные военные ведомства спешат показать свою нужность, деловитость, заботу и, как часто

* Итогом поездки явилась моя книга былей "Здравствуй, Остров Надежды!", вышедшая в республиканском издательстве "Молодь" в 1964 году. Кубинские материалы публиковались в ряде газет и журналов. Еженедельник "Україна" и "Рабочая газета" удостоили автора премий за лучшие очерки года.

бывает в таких случаях, многие цэу (ценные указания) невпопад без учета конкретной обстановки, противоречат друг другу.

В штабе группы войск принято решение с 1 января начать пла-номерную боевую учебу.

Сегодня к нам заехали некоторые товарищи из политуправления группы, среди них — мой старый знакомый майор Федоров, мы вместе шли на "Адмирале Нахимове". Сообщил о разрешении принимать в партию (в октябрьские дни карибского кризиса по-ступило немало заявлений), о том, что надо рассчитывать на про-должительное пребывание здесь. Однако студенты-заочники ву-зов могут попасть на весеннюю сессию. Неплохо бы!

По общему мнению, в районе Карибского моря зреют подспудные катаклизмы. Противники кубинского режима формируют ся, выступают с решительными требованиями, заявляют о своей готовности самостоятельно, без помощи США выступить против Кастро. Президент Никарагуа Самоса хвастливо объявил: он возглавит все силы вторжения на Кубу.

Получили советские газеты первых чисел декабря. Просмотрев их, Оводков прокомментировал:

— О поездке в Сантьяго двух советских журналистов — ни сло-ва. О Кубе — тоже почти ничего.

Прибыл новый командир дивизии полковник Станислав Ива-нович Мелехов, сибиряк. Чувствуется — любит порядок и умеет его навести. Это как-то сразу подтянуло людей.

23 декабря получил фото пятилетней дочери, моей курильчан-ки. Посмотрел на почтовые штампы и не поверил — письмо шло всего четыре дня! Значит, авиапочтой...

Стоит жаркая, душная погода. На Кубе — +25, в Москве — -23.

27 декабря из гарнизона убыла первая партия отъезжающих: на Родину — всего 25 человек — женщины, солдаты и сержанты -больные, по семейным обстоятельствам. В отношении офицеров принято соломоново решение: болезнь и семейные обстоятельства должны подкрепляться документами. В каждом конкретном случае вопрос будет рассматриваться в Министерстве обороны. Говорят, даже сам министр будет подписывать приказ. Но это уже невероятно... В Гаванском порту забиты пассажирами два бо-льших теплохода "Адмирал Нахимов" и "Мария Ульянова".

В Гаване совещались кадровики, от нашего управления дивизии был подполковник М.М. Черкашин. Вот что он сообщил.

Сейчас самый большой вопрос — отправка подлежащих уволь-нению в запас. Москва, якобы, планирует их заменить с одновре-

менной присылкой сюда пополнения из молодых солдат. Но как это сделать? Сюда нас возили почти два месяца 150 кораблей. Сейчас снова задействовать такой флот? Куба уже обошлась морскому ведомству в многомиллионную копеечку. Да и не повезешь сейчас солдат в трюмах, закрытых люками, как товарный груз. В некоторых гарнизонах солдаты-старослужащие заявили: если с нового года не будет четкой ясности с увольнением, устроим сидячую забастовку или двухдневную голодовку. Такие случаи уже были. В связи с этим рекомендовано сформировать в частях дежурные команды на случай эксцессов.

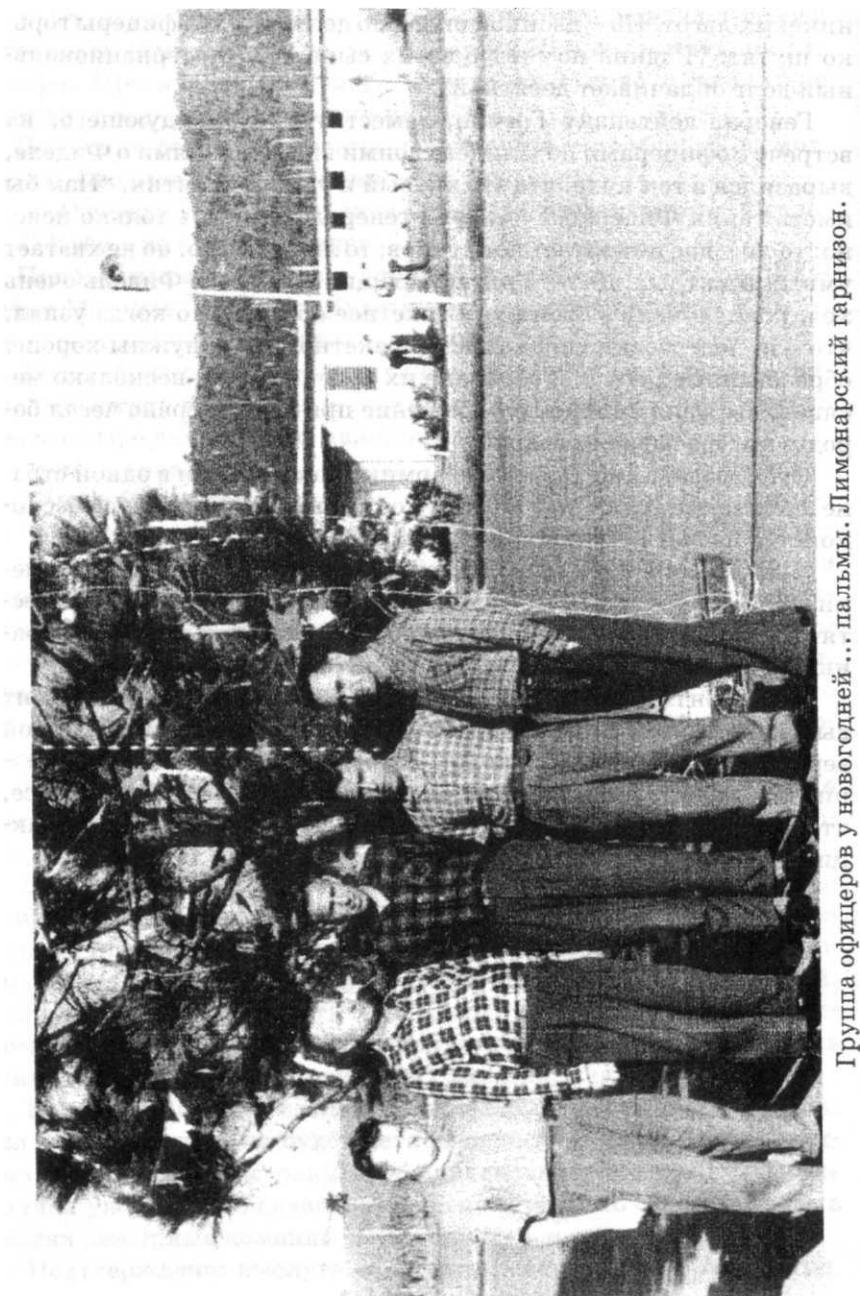
Подтверждено: выслуга офицерам засчитывается год за год, никаких льгот. Но — двойной оклад по должности. Офицеры горько шутят: "Родина помнит о своих сыновьях, интернациональный долг оплачивает десяткой".

Генерал-лейтенант Гречко, заместитель командующего, на встрече с офицерами поделился своими впечатлениями о Фиделе, выразился в том духе, что это хитрый и умный политик. "Нам бы иметь таких Фиделей!" — заявил генерал. Осталось только неясно: то ли у нас не хватает политиков, то ли их много, но не хватает умных и хитрых! Далее Гречко сообщил о том, что Фидель очень хочет заполучить в свои руки ракетное оружие. Но когда узнал, что для подготовки специалистов ракетного дела нужны хорошо образованные ребята и обучение их будет длиться несколько месяцев, выразил сильное раздражение при этом "нервно чесал бороду, подбрасывая ее вверх".

Куба создает 100-тысячную армию, какой нет ни в одной стране Латинской Америки. Поэтому они выражают заметное беспокойство насчет революционного соседа.

...31 декабря 1962 года, 15 часов 30 минут по местному времени. В Москве через 30 минут часы на Кремлевской башне возвестят о новом, 1963 годе. На Чукотке я его встречал на 10 часов раньше, чем Москва, сейчас — на 8 часов позже.

Гарнизон готовится к торжеству. На цементной площадке стоит высокая пальма, украшенная бумажными гирляндами. На самой верхушке — бутылка "Бакарди". Но что там в действительности — никто не знает. Жаркий полдень, в палатках — суета. Готовят все, что, где, кто мог достать для праздника. В этом отношении редакция чувствует себя побогаче, мы часто бываем "в людях".

Группа офицеров у новогодней ... пальмы. Лимонарский гарнизон.

НА ПРАЗДНИКЕ РЕВОЛЮЦИИ

Итак, здравствуй новый год. Он, как дорога, по которой предстоит еще пройти. Но есть уверенность, что на этой дороге будет встреча с семьей, с Родиной.

Новый год встретили по-военному. В офицерской казарме между кроватями с противомоскитными сетками сдвинули столы. Вначале размещались по родам войск и отделам — ракетчики, авиаторы, локаторщики. Затем все смешалось. Были кубинский ром, московская "Столичная", консервные банки. Кое-кто разжился зеленым луком. К новогоднему ужину интенданты расщедрились: к рисовой каше выдали по 60 граммов копченой колбасы и ломтю сочного арбуза.

Особо запомнилась песня, которую исполнил инженер зенитно-ракетного отдела подполковник Н.В. Матвеев, родом с Кубани. Песня была старинная, казацкая, о том, как мать провожала сына в бой, на защиту родного края. В этой песне звучали раздумье и печаль, величие воинского долга — ради его исполнения казак оставлял старую мать и молодую жену.

И еще один новогодний сюрприз. Командир дивизии представил молодую семью. Женился солдат! Невеста — мастерица из швейной мастерской. Оба молодые, скромные, простые. Поднесли им недорогие подарки. Невеста была под белой фатой, сшитой из медицинских марлевых бинтов. Он — в простом костюмчике, но с ярким цветком в лацкане. Брак зарегистрировали в советском посольстве в Гаване. Счастья вам молодожены!

2 января в 5 часов утра с группой офицеров едем в Гавану на военный парад и митинг по случаю четвертой годовщины кубинской революции.

8 часов утра. На центральную площадь Гаваны имени Хосе Марти, на которой возвышается многометровый памятник апостолу кубинской революции, со всех улиц текут люди — группами, одиночками, колоннами, — вливаются в человеческое море, заполняющее громадную площадь. Трибуны у памятника Хосе Марти пока пусты. Их прикрывают милисианос. Наши советские товарищи, которым не всегда закон писан, просочились через голубые ряды и сосредоточились поближе к трибуне. Руководители

* Тогда я не смог записать слова песни. Год спустя, приехав уже на Украине в один из дивизионов ЗРВ, узнал в его командире... подполковника Николая Васильевича Матвеева. Вот тогда и записал слова песни.

охраны попросили отойти в другое место, поскольку эта площадка не для публики. Но руссо компанеро и в ус не дует. Тогда кубинская милиция, взявшись за руки, на глазах у многочисленного народа, вежливо вытеснила примерно человек 150 гостей за милицейский кордон.

Вначале я решил, что советским специалистам оказана особая честь, им разрешили занять места у трибун. Когда увидел, что это не так, пришлось отступать в первых рядах. И в этом проявились два момента. Во-первых, наша беспардонность, нежелание уважать чужие порядки, что уже неоднократно мы успели, к стыду нашему, продемонстрировать. Во-вторых, после карибского кризиса, когда стало ясно, что советские люди не проявляют горячей заинтересованности обострять обстановку с Соединенными Штатами, доводить дело до войны, кубинцы значительно охладели в своих чувствах к "руссо компанеро". Отсюда и более решительные действия кубинской милиции. За пять месяцев кубинцы привыкли к парням в клетчатых рубашках и сейчас поступали с ними более по-свойски.

Затерявшись в толпе, начало парада я почти не увидел. Шли отряды милиции, санитарные дружины, пехотные подразделения. Поняв, что так можно "проглядеть" и весь парад, стал проявлять инициативу. Недалеко стоял наш зеленый автобус, густо облепленный кубинскими и нашими ребятами, нашлось на крыше местечко и для меня. Видимость прекрасная! Вот теперь можно вести репортаж. Как раз пошла военная техника.

Фидель, видимо, решил показать миру — Кубе есть чем защищаться. Около двух часов шли артиллерия разных калибров, минометы, танки (машин до 200), ракетные установки "земля - воздух", везли самолеты-снаряды. Пролетело около полсотни вертолетов и в довершение — реактивной пулей низко пронеслись несколько пар наших истребителей, прямо у самых трибун свечой взмыли вверх, оставляя инверсионные следы. Эффект потрясающий. Оводков, стоявший в толпе, рассказывал о восторженной реакции кубинцев на военный парад, который еще больше укрепил их дух, готовность сразиться с американским империализмом.

Многосоттысячная толпа качнулась, хлынула через дорогу к трибунам, окружила их полукольцом. Трибуны стали заполняться руководителями правительства Кубы, дипломатическими представителями, гостями. Радио сообщило о выступлении Фи-

деля. У меня весьма удобная позиция, я хорошо вижу все, что происходит на трибунах. Вот поднялся на ней, подошел к микрофонам высокий, широкоплечий, с бородой, в военной форме вождь кубинской революции. И вся площадь взорвалась криками восторга, непрерывным скандированием: "Куба — си, янки — но!" "Вива, Фидель!" Минут десять он стоял у микрофонов, махал рукой, улыбался. Потом вдруг спросил: "Все ли видели военный парад, технику?". В ответ — радостный, восторженный гул одобрения.

О содержании речи я узнал позже. Внимательно наблюдал, как она произносилась, как реагировал на нее народ. Площадь то вдруг захохочет в ответ на шутку Фиделя, то по ней проколотится вопль гнева и возмущения, то закричит тысячами голосов какое-то слово. Среди них я разобрал слово "Нунка". Это был ответ на вопрос Фиделя, хотят ли кубинцы возвратиться на прежний путь развития? "Нунка!" — "Никогда!" — скандировали люди.

Ф. Кастро много времени уделил критике политики президента США Кеннеди, особенно организованного им приема освобожденных из кубинских тюрем за 63 миллиона песо 1113 бывших интервентов на Плайя-Хирон и Плайя-Ларгу. В комментарии этого приема было много острой иронии. Фидель сообщил: Кеннеди назвал кубинцев поработенным народом. В ответ — веселый смех площади. Далее — Кеннеди выразил надежду, что над Гаваной взвьется флаг свободной Кубы, который водрузят вернувшиеся из заключения на Острове Пинос. "Не знаю, есть ли для этого в Майями бар под вывеской "Свободная Гавана?" — заявил Фидель под одобрительный гул.

Фидель стал советоваться, как лучше назвать наступивший год. Были "Год образования", "Год аграрной реформы", "Год планирования". Из толпы неслись различные предложения. Фидель выбрал одно из них и сообщил: "Видимо, больше всего подойдет "Год организации". Нужно навести порядок, создать стройную, налаженную государственную машину".

Говорил Фидель медленно, но, сопровождая речь богатой жестикой рук, движениями всего тела, поворачиваясь то в одну, то в другую сторону, слушая собравшихся людей. Часто то повышал, то понижал голос, задавал вопросы, причем нередко адресуя их конкретным лицам, тем, кого знает лично по имени и фамилии, и кто в этот момент находился не рядом, на трибуне, а почти в миллионной толпе. И человек, услышав обращение к се-

бе, кричал на всю площадь свой ответ. Получается удивительное ощущение беседы лидера с народом.

Уже около шести часов прошло с начала парада, затем речи Фиделя. Беспощадно печет январское солнце, и негде скрыться в тени. Пришлось, чтобы не получить солнечный удар, выбираться из толпы, искать свою машину. На одной из дальних улиц, тоже запруженных людьми, слушавших речь Фиделя по радио и тоже живо реагирующих на нее.

Митинг на площади Хосе Марти — это не стройные колонны с флагами, как на Красной площади в Москве. Никаких флагов, транспарантов, портретов не видно, они украшали лишь трибуны.

На площади много торговых палаток с мороженым, кофе, соками, фруктами. Но спиртных напитков нет нигде, пьяных тоже не видно. Зато под ногами — апельсиновые корки, использованные стаканчики, окурки сигар, сигаретные пустые пачки, пустая пластмассовая посуда. То же и на прилегающих улицах. Но к утру они снова будут чистыми. Гавана весьма опрятный город.

* * *

По данным кубинской контрразведки, между 6 и 10 января ожидается выступление на острове контрреволюционного подполья и бандитских отрядов, прячущихся в горах. Цель выступления — отвлечь силы армии и милиции от высадки интервентов. Откуда они — пока не ясно. И место высадки неизвестно. И силы — тоже. Но на всякий случай наши подразделения приведены в боевую готовность, усилены посты, все виды охраны боевой техники. Сокращены до минимума все выезды за пределы военных городков, рекомендовано брать с собой оружие — пистолеты. В карман, конечно. А мне приказано завтра быть в Гаване, решать редакционно-типографские дела. Едем с А.Д. Ждановичем. У него — камни в почке, мучается, особенно в дорожной тряске. Я не раз видел, как начальник политотдела, отвернувшись, только зубами скрипит. Но на людях ничем не проявляет свою боль. И в списки для первоочередного отъезда не пробивается, хотя жаркий климат ему противопоказан.

На днях в Санта-Кларе перед авиаторами выступал прибывший на Кубу секретарь ЦК ВЛКСМ, кажется, Саюшев. Много внимания уделил ультралевым фразам китайского руководства, выражающего сожаление о том, что не началась война с амери-

канским тигром. Основной упрек в адрес советского руководства. И кубинского, подавшегося нажиму Москвы.

Петр Дмитриевич приводит анекдотические случаи поведения наших женщин в магазинах, с болью в сердце отмечает нашу нередкую грубость, невоспитанность. Считает это не чертой русского характера, а отсутствием культуры.

Дневник пишется для себя и нет в нем необходимости лицемерить. Поэтому радуют хорошие слова о высоком чувстве воинского долга, патриотизме советских воинов. Одновременно немало острых слов в адрес высокого начальства, особенно московского, которое не проявляет должной заботы о подчиненных и подданных. По этому поводу есть даже эпиграммы, порой с многоточием, соленые. Петр Дмитриевич постоянно ведет учет температуры воздуха. Чтобы сравнить дома, на Украине.

Большинство офицеров очень редко выезжает за пределы гарнизона. Поэтому все новости — из других уст, многие оценки — из услышанных.

И вот мы — в Сан-Мигеле, небольшом курортном городишке, в стороне от центральной дороги, за полуостровом Сапата. Напрямую это километрах в тридцати до бухты Кочинос, месте высадки интервентов в апреле 1961 года.

Раньше Сан-Мигель населяла в основном буржуазия, для богатых туристов и отдыхающих строились шикарные отели, рестораны, увеселительные заведения. Вот и мы поселились в особняке "Каса-пилар" — Доме с колоннами, служившем домом свиданий, в русском языке он имеет другое название. Маленькие комнатухи на одну кровать. Но мы втиснули три. Тесно, но зато не в брезентовых палатках, под противомоскитной сеткой, здесь она только на окне. Улучшилось наше питание, нас всего 103 человека, общая столовая. Появились молоко, яйца, свежее мясо. И хотя за наш счет, но это уже что-то. А рядом — минеральный источник, бальнеологический санаторий.

В городке много пустующих особняков — буржуазия бежала: кто в США, кто в Мексику, на Гаити. На окраинах живет беднота. Под вечер у нашей "Кассы пилар" людно. Послами дружбы выступают мальчишки. Робко подходят женщины с малышами на руках. И когда светловолосый руссо компанеро берет на руки черный уголек — негритянского ребенка, раздетого, как кукла, в глазах матерей неопишуемая радость. Говорят, если белый подержит на руках ребенка негра, тому суждено счастье в жизни.

Радио Москвы и Вашингтона сообщают об окончании переговоров между США и СССР по Карибскому кризису, многие вопросы решены положительно, но есть и спорные. Кубинские газеты комментируют итоги переговоров как безрезультатные, США готовят агрессию против Кубы, верить Кеннеди нельзя до тех пор, пока не будут приняты пять пунктов Фиделя Кастро.

Радио Канады в передаче о военном параде и праздновании дня кубинской революции в Гаване сообщает, что на Кубе под ружьем 70 тысяч регулярной армии и 200 тысяч милиции. Затем перечисляется военная техника, вооружение, поставленное Советским Союзом. Что касается советской группировки на Кубе, то она насчитывает 144 пусковые установки "земля-воздух" и 500 ракет к ним, около сотни самолетов. На параде — три МИГ-21 пилотировали советские летчики. Особое недовольство канадского радио вызвали оскорбительные выпады в речи Фиделя в адрес президента США Кеннеди.

Состоялась восьмисуточная поездка с группой офицеров штаба и политотдела по западной провинции Пинар-дель-Рио. 1576 километров накрутил спидометр нашего восьмиместного пикапа. Цель поездки — проверка боевой готовности подразделений ЗРВ и РТВ, расположенных вдоль побережья Мексиканского залива.

Вначале — об экзотике. Сразу за Гаваной наша машина нырнула в многокилометровый олеандровый туннель, природа и человек создали это чудо: вверху сплелись ветви и листья высоких деревьев, расположенных густыми рядами по обе стороны дороги, создан сплошной зеленый шатер.

Один из наших спутников доверительно сообщает, показывая на одну из горных долин: вот там стояли наши "земля-земля". Позиции готовили в исключительно трудных условиях: земля - камень, рядом болота, мошкары полно. Работали день и ночь. Только доложили о готовности, как поступила команда — демонтируй.

Мелькают зеленые лоскутья табачных плантаций. Местный краснозем — родина табака для сигар фирмы "Упман", известной с прошлого века. Видны на стояках, без стен сараи-риги для просушки и вяленья листьев. Сейчас полуметровые они созревают под январским солнцем. Особого сорта табак, самый дорогой, выращивают в оранжереях.

На Кубе курит и стар и млад, мужчины и женщины, курят в барах, кинозалах, автобусах, на собраниях. Даже диктор телевидения, сообщая сводку новостей, пускает дым толстой сигары.

В Пинар-дель-Рио находится "хозяйство Мисаченко". Чем-то от фронтальной поры повеяло от этого выражения. Тогда на дорогах часто виднелись фанерные стрелы с фамилией "руководителей хозяйств", чаще тыловых служб. На Кубе, конечно, таких указателей нет. Но вместо полка говорят "хозяйство". Штаб его расположен на окраине города и пока мы колесили по нему, я внимательно рассматривал улицы. Конечно, это не Сантьяго и не Камагуэй с их кафедральными соборами и конными статуями. Пинар-дель-Рио выглядит куда скромнее и беднее, застройки современные, прямоугольные, немало высотных. В магазинах (мы посетили их позже) полупустые полки, безделушки. Но есть импортная одежда — китайская, чехословацкая, польская. Цены высокие. Больших продмагов почти нет, есть лавочки, в которых отпускают продукты по записным книжкам. Весной прошлого года на Кубе введена карточная система. Но вместо них выданы книжки учета полученных продуктов. Однако карточная система введена не по всей стране, только мясо, рис и фасоль рационализируются везде. Моющие средства — мыло, порошок — лишь в Гаване и 26 других городах. Установлен следующий режим. На полмесяца выдается 1 курица, на неделю 3/4 фунта мяса, на месяц 3 фунта риса, около 2 фунтов рыбы. Молока 200 граммов на взрослого в день, на ребенка до семи лет — литр. На месяц — 800 граммов жиров и 1/8 фунта масла. Но хлеб, галеты, варенье, кофе, шоколад -без карточек. Хлеб здесь полуметровой длины, вязанками лежит на высоких ящиках уличных продавцов, торгующих всем — от сапожного крема до газет. Есть пункты питания — столовые, кафе, — где все отпускается без карточек.

На Кубе никак не могут наладить учет и распределение продуктов, подсчитать, сколько может дать свое сельское хозяйство, сколько надо закупить. Сейчас чуть ли не основную ставку делают на помощь СССР и других социалистических стран. Взять остров с семимиллионным населением на свое иждивение — задача не из легких для социалистического лагеря. Сюда идут потоком тракторы, плуги, комбайны, автомашины, станки... Но многое стоит без применения, ржавеет. В одном месте мы видели около 200 наших новейших грузовых машин, стоящих под палящим солнцем в чистом поле. Краска облезла, резина потрескалась, двигатели уже не заводятся. По всему чувствуется, что трудовой энтузиазм кубинцев подупал. Куда легче кричать "Патрио о муэрте", чем работать на благо родины. Крестьянин, поставленный в жесткие условия сельскохозяйственного цикла, по-преж-

нему трудится в поте лица. А горожане не спешат на помощь, толпы их заполняют бары, кафе. В прежние годы кубинцы подрабатывали мелкими услугами у богатых туристов. И у многих вырабаталась своеобразная привычка слуги смотреть в руки хозяина, получать подачки, чаевые. Об этом откровенно говорят кубинские товарищи, которые хотят привить своему народу иное отношение к труду. Отсюда создание красных батальонов для уборки сахарного тростника. Уже около полутора миллиона добровольцев выехали на плантации. Однако такой сезонный энтузиазм долго держаться не сможет.

Штаб полка полковника Мисаченко — в полсотни метров от центральной дороги, в домиках под красночерепичными крышами. В глубине апельсиновой рощи — легкого типа казарменные постройки, зеленые палатки, возле них взметнула антенны полевая радиостанция. В траве, на дорожках валяются темно-зеленые, идеально круглые небольшие шарики лимонов. На деревьях желтеют апельсины. И одновременно цветет каштаново-коричневым цветом манго. В одном из блокнотов делаю пометку: "Назвать один из очерков "Манго цветет в январе".

Ночь провели в душных палатках, отбиваясь под противомоскитными сетками от комаров. Солдаты называют их "контрас" и ведут с ними борьбу с переменным успехом.

Утром выезжаем в один из дивизионов, расположенном на берегу Мексиканского залива.

Вначале дорога катит по равнине, потом все круче взбирается вверх, на перевал. Шоссе делает замысловатые зигзаги, чем выше, тем шире горизонт, интереснее картина. Часто встречаются сосны. Но они какие-то тощие, тонкоствольные, торчат, как редкие зубья деревянной бороны. А рядом царственно возвышаются южные красавицы пальмы. Здесь вся природа — почва, солнце — для них. И пальмы снисходительно посматривают с высоты на своих низкорослых подруг-золушек, которым больше по душе умеренный климат северных широт.

Причудливые горы не тянутся сплошной грядой, а словно растут из земли каменными громадами, кажется, их разбросал, посеял великан среди солнечных долин. Горюшки высокие, до сотни и больше метров, некоторые с острыми вершинами, но у многих ровные площадки, на которых можно садиться вертолету.

Чем ближе к побережью залива, тем ровнее местность, поросшая кустарником манговых зарослей и густой жухлой травой.

Почти утопая в ней, бродят стада тощих быков и коров. Несмотря на кажущееся обилие трав, выпас для животных скудный, они с трудом выбирают среди жесткой травы молодые зеленые побеги, неуспевшие отдать солнцу свои соки.

В нескольких сотнях от берега разместились огневые позиции, жилые постройки ракетчиков-зенитчиков. Почти все дивизионы размещены не на виллах с кондиционерами, а вот в таких глухих местах, в царстве москитов и комаров, вдали от дороги, но на путях более вероятного налета американской авиации. Отсюда до Флориды рукой подать. Ширина Флоридского пролива в наиболее узком месте, по разным по оценкам, — от 140 до 130 километров.

Командует дивизионом 45-летний подполковник Николай Сергеевич Корчагин, — один из тех офицеров, на плечах которых лежит величайшая ноша — ответственность за безопасность родной страны, защиту ее государственных интересов.

— Вся моя служба проходит вот на таких точках, — говорит Николай Сергеевич. Рассказывает, как создавали здесь огневые позиции: кирками долбили каменистую почву, делали обваловку для боевой техники. Пресную воду привозят и по сей день за десяток километров. Солдаты и офицеры ходили в волдырях, искушенные комарами, москитами. Когда после дневного зноя от усталости падали в палатках на матрацы, долго не могли уснуть — стояла ночная влажная духота. Но сроки готовности были сжатыми до предела. И дивизион вложился в них, заступил на боевое дежурство. Ракетчики-зенитчики уверены — в зоне их ответственности противник не пройдет.

— Не одним нам здесь трудно, — дополняет командира парторг дивизиона старший лейтенант Керженцев. И как-то загадочно улыбается. — Американскому миллиардеру Рокфеллеру тоже приходилось нелегко. Хотите убедиться? Тогда поехали...

В нескольких километрах от дивизиона глазам открылся зеленый оазис с белокаменным дворцом, несколькими легкими хозяйственными постройками. Вокруг росли кокосовые пальмы, другие экзотические растения субтропиков. Мое внимание привлекли растущие вдоль дороги грейпфрукты — "бомбы". На зеленом стебле, похожем на кукурузное, висят около десятка трех-четырёх килограммовых плодов. Рядом с рощей — полевой аэродром, правда, сейчас его взлетная полоса, выложенная плитами, зарастает травой.

— Это дача семьи Рокфеллеров, — сообщает Керженцев. — Ее члены прилетали сюда зимой, когда спадал зной. И отдыхали. К их услугам — плавательные бассейны, комнаты со всеми удобствами, кинозал, бильярдная. Рядом — залив, на берегу — частная пристань для катеров.

Мне уже не раз приходилось видеть подобные удивительные контрасты между бедностью и богатством. Рядом с подобной дачей — жалкие лачуги бедняков — гуахиرو. По сути, на острове до революции было две Кубы — отдыхающая, веселящаяся. И — рабочая, изможденная.

Вечером с группой специалистов радиотехнических войск едем к бухте Онда. На ее берегу — прижатая стеной сахарного тростника раскинула антенны станций радиолокационная рота. Ее личный состав работает вместе с кубинцами, обучает их операторов, планшетистов. На первых порах кубинские парни охотно взялись за учебу. Но, встретившись с техническими трудностями, имея слабую общеобразовательную подготовку, быстро охладели. Один из них заявил: "Я коммерсант, а не оператор, на этом деле бизнеса не сделаешь!" Наши солдаты удивлены: кто же будет охранять небо Кубы? В кубинской роте низкая дисциплина, ее солдаты в выходные дни, и даже в обычные, группами уходят домой. В палатках и казарме — кровати не застелены, грязь, мусор, объедки. Вначале в ротам было организовано питание по принципу: день кормимся советскими продуктами, день — кубинскими. Но вскоре наши солдаты забили отбой: у кубинцев готовят невкусно, постоянно рисовая каша, вареная тыква, жареные бананы. А когда привозят мясо, кубинские солдаты растаскивают его и жарят на кострах. У кубинцев почти не дают хлеба, а для наших ребят это важнейший продукт. Вот и решили разделить: пусть каждая рота готовит для себя. Но не тут то было! Кубинцы выдвинули политический тезис: раз социализм строим вместе, то и питаться надо из одного котла.

Беседуя с нашими солдатами, я пытался объяснить трудности тем, что у кубинцев проходит процесс формирования армии на договорно-добровольных началах, очень мало опытных офицерских кадров, нет даже воинских уставов, особенно дисциплинарных. Сейчас в сознании кубинцев крепнет чувство личной ответственности за свой Остров Свободы. Но процесс этот не скорый.

Солдаты с доводами вроде соглашались, все понимают. Но, вижу, убедить их трудно, интересуются, скоро ли домой. По всему

видать, им нелегко дается этот интернациональный долг. По сути, Кубы они не видели, вся служба проходила на ротном пятачке. Мечтают побывать хотя бы в Гаване. "Дома и рассказать будет нечего, — сожалеют. — Сюда нас везли в трюме корабля, здесь сидим в кабинах, видим Кубу на экране".

Ребята в основном русские, украинцы, белорусы. Есть несколько молдаван, грузин, армян. Живут дружно, одной семьей. По вечерам, когда спадает зной, поют родные песни, мечтают о Родине, с которой связь неустойчивая, письма поступают редко.

Офицеры роты более настойчиво стараются получить ответ: когда кончит Москва играть в молчанку? Когда улучшится питание, ведь портим желудки консервами. У многих солдат пошел четвертый год службы, почему на этот счет нет указаний? Правда, прошел слух, что в феврале возможно увольнение в запас тех, кто служит по второму сроку. Но если удастся им уехать, в боевых расчетах образуется брешь, уйдут опытнейшие специалисты. Замену готовить трудно, станции после октябрьских событий больше времени находятся в режиме молчания...

Вопросы, вопросы, вопросы... Мне они особенно понятны. Нечто похожее я переживаю второй раз за свою службу. Вот так же в первые послевоенные годы затянулась на семь лет срочная служба солдат трех возрастов — 1925—1927 годов рождения. Тогда я служил вначале в Польше, затем — в ГДР. Семь лет (считая фронтовое время) я провел вдали от Родины, за рубежом, в составе группы войск. Уходили юные годы, а мы все тянули и тянули солдатскую лямку, и вот также молчала Москва, ничего не могли ответить командиры и политработники.

Действительно, трудно найти человека бесправнее, чем наш солдат. Во всех уставах записаны только его обязанности. И ни в одном нет статей о правах. Да и будь они, как их добиться?

И все же я не раз удивлялся способности нашего человека привыкать к трудной обстановке, попытаться извлечь хотя бы какую-нибудь пользу из обстоятельств. Замполит капитан Иволгин показал мне ряды маленьких зеленых ростков, высаженных под окнами казарм. С гордостью заявил:

— Лимоны! Триста деревьев! Сами солдаты посадили.

А рядом на красноземных грядках пробивались ростки помидорной рассады, арбузов.

Вспомнились Курильские острова. Там наши офицерские жены на вулканическом пепле умудрялись выращивать

картошку, капусту, чего раньше никогда не знала курильская земля.

Возвращаемся другой дорогой в Пинар-дель-Рио. Часто встречаются большие темно-оранжевые горы апельсинов. Зрелище удивительное! Вот так у нас на колхозных полях осенью порою возвышаются картофельные бурты.

В штабе Мисаченко нас встречает вестью: получен приказ снять с пусковых установок часть ракет, установить более длительные сроки готовности. Значит, обстановка не столь напряженная? А утром новый приказ: ракеты — на пуск, готовность - повышенная, все средства — в боевой режим. Получена информация: США готовят провести в Карибском море военно-морские учения с участием десантных судов, авиации.

Через два дня, уже в пути к самой западной окраине Кубы, нас догнал приказ — проследить снятие ракет с пусковых установок, проверить соблюдение мер предосторожности, исключая случайный пуск ракет. Оказывается, на днях в одном из авиационных полков механик самолета залез в кабину, случайно нажал на кнопку, и одна из ракет "воздух — воздух" рванулась из-под плоскости, разорвалась за чертой аэродрома, есть жертвы.

Обсуждая приказы, мы делаем вывод — командование группы опасается случайных конфликтных ситуаций, осложнения обстановки.

Нашу группу в отдаленный дивизион сопровождает его политработник майор Кучер, приехавший по делам в штаб полка. Майор оказался интересным, наблюдательным собеседником, делится мыслями о необходимости вести записи, заметки о нашем пребывании на Кубе. Рассказывает, как дивизион осваивался в пустынном месте, как самоотверженно трудились солдаты и офицеры.

— О них можно книгу написать! — восклицает Кучер. — Получилась бы настоящая эпопея. Мыслимо ли -- советские войска на Кубе! В Латинской Америке! За всю многовековую историю русский солдат дальше Парижа не ходил. А тут — на другой материк шагнули...

По обе стороны дороги в Сан-Хулиано, куда мы едем, обожженная солнцем степная местность, нет ни густых зеленых рощ, как в провинции Орьенте, ни лесов. Вокруг сухой кустарник манговых зарослей да чахлые низкорослые уродцы-пальмы.

— Вот здесь стояли наши ракеты "земля-земля", которые так

перепугали американцев, — сообщает Кучер. — Отсюда ближе всего до Штатов. Эти установки демонтировали в первую очередь. И тем разрядили обстановку. Все-таки мы дали почувствовать американцам, что такое чужие военные базы под самым боком... И социализм на Кубе спасли... Будет о чем детям и внукам рассказать...

Майор Кучер старается широко смотреть на наше пребывание на Кубе, одобряя действия Н.С. Хрущева. Думаю, что у такого замполита и солдаты лучше понимают смысл своего интернационального долга. Майор признает, конечно, многие издержки, ошибки, упущения, связанные с переброской такой массы войск, техники на другой материк. Но объясняет это необычностью ситуации, необходимостью сохранения военной тайны, секретностью.

Местность, где размещается дивизион, кстати, один из лучших в полку, пустынная, степная, отличается от других огневых точек лишь небольшой, но глубокой рекой, в которую и мне удалось окунуться. Солдаты плавают в выдолбленных в пальмовом стволе корытах, из них удят рыбу.

В дивизионе встретил активного военкора нашей армейской газеты рядового Волчкова. Солдат очень обрадовался встрече, мы долго беседовали вдвоем, Волчков мечтает стать военным журналистом, с восторгом рассказывает о своих сослуживцах, солдатской семье, которую сплотили особые условия службы.

Мы сидим на скамейке под кронами невысоких пальм барригона, что в буквальном смысле означает "брюхатая пальма". Она сильно утолщена в средней части ствола. В вечерних сумерках вдруг повеял ветерок. И над головой послышался жестяной звук, будто листы железа потерлись друг о друга. Оказывается, это подали голос лопастые, веерообразные листья. Они жесткие, шершавые. А ствол дерева кажется обвит решетчатой цементной арматурой.

— Знаете, товарищ капитан, о чем мы особенно соскучились? О наших березах, — говорит солдат. — Я их во сне вижу...

ПЕРЕГОВОРЫ О НАШЕЙ СУДЬБЕ

Еще перед отъездом в Сан-Хулиано мы узнали о предстоящем выступлении в Колонии первого заместителя министра иностранных дел В.В. Кузнецова, который вел переговоры с руководством США о ликвидации последствий карибского кризиса.

На встрече удалось побывать и некоторым офицерам из нашей группы. Возвратившись, пропагандист политотдела дивизии майор Борис Петрович Поляков заявил:

— По сути, нового для нас мало. Но есть интересные детали... Переговоры с Кузнецовым от имени президента США вел миллиардер Макклой. Он имеет большой вес в политической и экономической жизни США, обладает прямым, независимым характером. И в отличие от таких политиков, как постоянный представитель США в ООН Стивенсон, не старается согласовывать каждую деталь переговоров с Вашингтоном. И в этом отношении, как заявил Кузнецов, с Макклоем было легче разговаривать.

Макклой откровенно сообщил, что американская администрация на сегодняшний день имеет полную информацию о советских войсках на Кубе — их количестве, назначении, дислокации частей, уровне их боевой готовности и боеспособности, фамилии почти всех офицеров вплоть до лейтенантов. На многочисленных фотоснимках зафиксированы моменты боевой работы различных частей, их вооружение. Мы видим, говорил Макклой, как ваши солдаты каждое утро выбегают в трусах на физическую зарядку. Это свидетельствует о высоком моральном духе войск, которые, несмотря на сложность обстановки, считают необходимым заниматься физическими тренировками. Мы вправе сделать вывод, что на Кубе находятся отборные советские части и соединения. Это, естественно, вызывает особую обеспокоенность американской администрации.

На вопрос Кузнецова, почему Кеннеди нашел нужным встретиться с освобожденными из кубинских тюрем участниками интервенции на Плайя-Хироне, Плайя-Ларге, Макклой сообщил то, что до этого не было известно широкой общественности. Оказывается, в апреле 1961 года США готовили вторжение своих войск на Кубу. Начать его должны были контрасты. Но за два дня до намеченного срока Стивенсон в ООН заявил (хотя, по выражению Макклоя, никто его за язык не тянул) о том, что

США на Кубу нападать не собираются! После этого нельзя было начинать вторжение. Оно поставило в глупое положение

американскую дипломатию. И США не смогли оказать более широкую помощь бригаде интервентов, начавших вторжение на Кубу. Оказавшись, таким образом, в долгу у потерпевших поражение интервентов Кеннеди устраивает с ними встречу, объясняет ситуацию. При этом заявляет, что еще надеется знамя бригады водрузить над Кубой. Кузнецов спросил, не являются ли подобные слова президента призывом к прямой интервенции? Макклой ответил в том духе, что, мол, представители Советского Союза не раз заявляли о том, что знамя социализма будет развеваться над капиталистическим миром. Но это, видимо, не является прямым призывом к боевым действиям.

В трудные октябрьские дни вырванное у Кеннеди заявление о том, что Соединенные Штаты отказываются нападать на Кубу, американская сторона не хочет зафиксировать в официальном договоре. Сейчас это заявление обставляется всевозможными "ифами" — по-английски "если". И все же США в письме У Тану хотя в общих фразах изложили обещание о ненападении. У Тан в ответном послании, по совету делегации СССР, высказал мысль о том, что ни одна из сторон не предпримет без согласования с ООН шагов, которые нанесли бы ущерб другой стороне.

О нашей судьбе В. В. Кузнецов ничего определенного сказать не мог. Хотя не жалел комплиментов в адрес группы войск, отмечая высокий боевой дух ее солдат и офицеров. "Ваше присутствие на Кубе облегчает нашу работу", — заявил первый заместитель министра иностранных дел. Некоторые товарищи, тоже слушавшие выступление дипломата, утверждают, что он, якобы, сказал: "Вы нам еще понадобятся".

В. В. Кузнецов высказал ряд откровенных мыслей о кубинских руководителях. Фидель на состоявшемся на днях Всемирном конгрессе женщин в Гаване заявил о том, что Куба никому и никаких обещаний не давала, что война предотвращена, но мира нет, что Соединенным Штатам ни в чем нельзя верить. По словам В. В. Кузнецова, это явно китайская точка зрения, теория "бумажного тигра". Чувствуется, что мирный исход карибского кризиса не устраивает кубинское руководство. Оно не прочь участвовать в столкновении США и СССР, хотя не просчитывает до конца последствия такого варианта событий. Это была бы война не с мачете и винтовкой, а ядерной. До некоторых подобное "не доходит". Комендант острова Пинос майор Ульямс не раз говорил на-

шим товарищам: "Дайте мне дивизию, я высажусь во Флориде, проучу янки". Или: "Передайте нам ракету, я буду день и ночь изучать их, чтобы потом выпустить по Майами".

Майами — город во Флориде, где окопались кубинские контрас.

...Наша группа офицеров штаба и политотдела уже собиралась возвращаться в Сан-Мигель, "домой", как вдруг поступил приказ командира дивизии провести проверку зенитно-ракетного полка Гучкова. Его штаб находился южнее Гаваны в городе Бехукале, дивизионы полка прикрывают район столицы Кубы, ближайших к ней морских портов.

Мы заехали в порт Мариэль, расположенный в удобной одноименной бухте, здесь разгружались наши ракеты "земля-земля" и здесь предполагалось, как заявили американцы, строить базу для советских подводных лодок.

На горе, возвышающейся над городом, живут "гучковцы". Я знаю по Украине этого рослого, чернявого, серьезного командира полка, не раз беседовал с ним по корреспондентским делам. А вот и старый знакомый майор Алексей Федосеевич Корепин, политработник, человек живой, общительный, приятный, к нему так и тянутся люди. Зато осталось совсем неблагоприятное впечатление от встречи с майором Г., пропагандистом. Не без помощи нашей армейской редакции он стал членом Союза журналистов и сейчас где нужно и часто там, где не нужно, козыряет членским билетом. Самоуверенный, с апломбом, хвалится своими действительно прекрасными фотоснимками кубинских руководителей Фиделя, Рауля, Че Гевары, которые нередко навещались в "столичный" полк, А. И. Микояна, космонавта П. Поповича, других знаменитостей, мечтает издать фотоальбом, но не меньше, чем в Москве. В словах, поступках Г. есть что-то арапистое, высказывает мысль о своеобразной "автономии" гучковцев, которые ближе к Гаване и Чико, штабу группы войск, чем к Сан-Мигелю (штабу дивизии).

Но, увы, все это оказалось бравадой. Гролом с ясного неба был вывод специалистов зенитно-ракетных войск — полк не боеготов, оценка — "неуд"...

Разговор был перенесен на дивизионный партактив, в его работе участвовал и член Военного совета генерал-майор Петренко. В проекте решения партактива были формулировки о безответственном отношении руководства полка к боевой подготовке, ослаблении бдительности, увлечении парадностью и т. д. Потом

удалось кое-что ослабить в столь суровых выводах, далеко не во всех бедах виновато лишь командование полка. Но сам факт такого разговора был поучителен — уровень боеготовности снижать нельзя.

Все с нетерпением ожидали выступления члена Военного совета. Начал он его словами:

— Ничего нового я вам сообщить не могу, потому что его нет. Мы сами по многим вопросам остаемся в неведении.

И тем не менее некоторые новости были. На февраль запланированы для отправки старослужащих три теплохода — "Балтика", "Мария Ульянова" и "Калинин". Они могут взять немногим больше тысячи человек. А остальных? В Москву направлены десятки шифровок-запросов. Ответа никакого. Обстановку докладывали присутствовавшему на праздновании Дня кубинской революции маршалу Крылову, затем секретарю ЦК ВЛКСМ Саюшеву, пообещавшему обо всем сообщить Ф. Козлову, члену президиума Верховного Совета СССР. Последний ходатай В. В. Кузнецов, который будет информировать Н. С. Хрущева о результатах переговоров в Вашингтоне и Нью-Йорке, и, конечно же, сообщит о положении советских войск на Кубе.

В марте — выборы в Верховные Советы союзник республик и местные советы. Будут ли в них участвовать находящиеся на Кубе советские избиратели? Сделали несколько запросов в Москву. Ответа пока нет.

Во взаимоотношениях с кубинским руководством заметно похолодание. Фидель, якобы, заявил, что "мы будем думать своей головой". Участилось лавирование между СССР и КНР. Выслушав наше предложение, некоторые кубинские товарищи спешат свериться в китайском посольстве. Недавно кубинская газета "Революсьон" перепечатала статью из китайской "Женьминьжибао" с критикой позиции СССР в карибском кризисе. А вот выступление Н. С. Хрущева на VI съезде СЕПГ в ГДР с изложением позиции СССР по карибскому кризису, как и статьи "Правды" об этом не дала ни одна кубинская газета. Зато в день открытия VI съезда СЕПГ по гаванскому телевидению выступил албанский дипломат и тоже, конечно, выразил китайскую точку зрения.

Смотря на действия руководства, население Кубы тоже проявляет порой неуважительное отношение к руссо компанеро. Говорят, что видели на дверях некоторых магазинов объявления: "Спиртные напитки русским не продаются". Ладно, пусть не про-

дают, это не так плохо. Плохо, когда проезжающим солдатам даже воды не дают. И если раньше разные несчастные случаи, например, автомобильные происшествия с участием советских водителей, как-то согласовывались, то сейчас каждый такой факт широко афишируется. Министерство внутренних дел Кубы вроде обсуждает вопрос о применении к русским оружия и силы в случае нарушения общественного порядка. Хотя таких случаев и не было. Боюсь, что со временем нам придется многое переоценить в действиях наших кубинских друзей.

Все это — на руку контрреволюционным силам. Они готовы идти на провокации. Одна из них произошла в гаванском баре, где группа кубинцев напала на двух наших сверхсрочников. Одному нанесли ножевую рану, другому разбили бутылкой голову. Подоспевшая милиция и кубинские военнослужащие арестовали всю группу, предложив нашим ребятам быстрее уходить.

Есть данные, что на Кубе высадилось несколько групп контрас, они входят в контакт с подпольем, участились случаи убийства кубинских активистов, рабочих и крестьян. В отношении советских войск избрана тактика нападения на малые гарнизоны.

В дороге во время "необычной поездки". На снимке: (слева направо) водитель Савра, Фелипе Мартын, Иван Корбач

К нам прибыл начальник штаба матансаского корпуса, сообщил, что 28 января, в день рождения Х. Марти, ожидаются выступления контрреволюционных групп. Мы получили несколько автоматов. Дома, в которых живем, открыты со всех сторон обстрелу. На кубинскую охрану надежда малая, их часовой или играет на гитаре или, развалившись, пьет кока-колу, оставив в будке карабин.

Массового выступления контры не получилось, но отдельные ее преступления взволновали всю Кубу. В местечке Больдроне, километрах в пятнадцати южнее Лимонаро, где мы недавно находились, группа контрреволюционеров за отказ доказать, где живет администратор народного имени, тяжело ранила хозяйку дома, убила 13-летнюю дочь и 11-летнего сына. Глава семьи служит в армии.

Гнев и возмущение прокатилось по Кубе! В Сан-Мигеле члены Союза молодых коммунистов организовали шествие по городу с пением "Интернационала", с патриотическими лозунгами.

В провинции Орьенте раскрыта подпольная контрреволюционная организация в 200 человек, имевшая склад оружия, 65 тысяч пессо. Об этом сообщает кубинская печать.

За последнюю неделю зарегистрировано около 60 выступлений контра, семь из них — с применением оружия. На сахарных плантациях и заводах отмечено 90 случаев саботажа, диверсий. По ориентировочным подсчетам министерства внутренних дел, на острове действует 79 банд. Контра часто рядится в форму кубинских милисианос или военнослужащих. Готовя нападение на советских и чехословацких специалистов, они хотят инсценировать якобы выступление армии и милиции против "интервентов".

Что представляют из себя подпольные организации? Они связаны с так называемым Революционным Советом Кубы. Его возглавляет в Майяме Кардона. Проявляет активность "Альфа-66", организующая пиратские наскоки на побережье Кубы. Есть "революционная молодежная хунта", которой поручено заниматься террористическими актами. Проявились и ультралевые группировки, они выступают за экспорт кубинской революции в страны Латинской Америки, там, мол, все готово для революционного пожара, стоит только поднести спичку.

По данным кубинского правительства, по его разрешению, ежемесячно с острова уезжает 9 — 10 тысяч человек. Это, в

их, как железные опилки, магнитом извлекает из народной массы "на законных основаниях" США. Существует закон: если через месяц уехавший не возвратился на Кубу, он считается бежавшим. Возвращаются далеко не все. США сменили тактику прямой поддержки интервенции на усиление саботажа, террора, экономической блокады острова. Он может вскоре в прямом смысле стать пылающим. И не будь здесь регулярных советских войск, революционному правительству пришлось бы гораздо тяжелее контролировать ситуацию в стране. Хотя мы в борьбе с контрой и не участвуем, сейчас наша задача предохранить себя от провокаций, людских потерь. Наши гарнизоны ощетинились пулеметами, автоматами, ночью назначаются дежурные подразделения, они спят с оружием, одетые. У нас на дом пять автоматов. Кубинская охрана усилилась подростками в милицейской форме. Сан-Мигель считается гнездом контры. Об этом прямо сказано в полученной нами справке кубинских органов безопасности. По соседству с нашим домом в богатой вилле живет ее хозяин, семья которого бежала во Флориду. А в другом доме, правда, обычном, осталась ее хозяйка, сыновья которой находятся в Майями, а мать — активный член революционной организации кубинских женщин, возглавляемой Вильмой Эспин, женой Рауля Кастро. Недалеко от нашего штаба в баре торгует кофе и ромом, причем по невысоким ценам, дряхлый старик, недавно один из богатейших жителей Сан-Мигеля. — Вся его семья бежала в Мексику. Наши офицеры, угощаясь у старика, шутят: "с капиталистами можно мирно жить".

В Сан-Мигеле — большой бальнеологический курорт с минеральными водами. Наш врач Владимир Орлов получил их химический анализ и объявил — пейте на здоровье, помогает от гастритов, других желудочных заболеваний. Здесь уже лечатся рабочие и крестьяне, они наши лучшие друзья. Мы давали в санатории на днях концерт художественной самодеятельности. Восторга — море... К нам очень дружелюбно относится молодежь, чего не скажешь о более старшем поколении жителей курортного городка.

В день 110-летия со дня рождения Х. Марти А. Д. Жданович предложил возложить цветы к памятнику. Думали, что это произойдет скромно, а получился настоящий митинг. Особо умную речь сказан негр, революционный инструктор, проводивший параллель между В. И. Лениным и Х. Марти, великими борцами за свободу.

Из заседания Военного совета возвратился наш командир дивизии полковник Мелехов. Обсуждались текущие проблемы.

Военный совет, потеряв надежду получить из Москвы четкие установки на пребывание советских войск на Кубе, решил ориентироваться на два-три года пребывания. Действуя по принципу - всякое хорошее при ожидании худшего будет лучше, чем наоборот. Но выступавшие на Совете командиры просили командование ориентироваться не на условия жизни в предместье Гаваны, а на малообжитые районы, где несут службу солдаты и офицеры. Там и год — много.

Получил из Киева письмо от моих коллег. Каждый из них черкнул несколько дружественных строк. Редактор сообщает, что для меня место в коллективе найдется. Но в некоторых приветствиях сквозит подтекст: ты там загораешь под солнцем южных широт, а мы здесь вкальваем. Знали бы друзья-товарищи положение дел... Но они судят по страницам центральных газет. А в них — тишь и гладь, божья благодать. Считается, что карибский кризис успешно разрешен благодаря мудрости и дальновидности советского правительства и лично Никиты Сергеевича Хрущева.

10 февраля опять командировка! По правде говоря, мне можно и не ездить, проверки — дело специалистов различных служб. Но я не только журналист, но и политработник. Под этим флагом и напрашиваюсь в поездки. Разве можно упустить такую возможность побывать в самых отдаленных уголках Кубы? И каждая поездка вознаграждает меня встречами с интересными людьми, возможностью увидеть новые места.

На этот раз едем в радиотехнические подразделения, расположенные на западном побережье острова. Мое служебное задание — оценка морально-психологического состояния личного состава. Напутствуя, А. Д. Жданович говорит:

— По мере возможности окажите ротам помощь в организации питания, размещения.

Анатолий Доминикович хорошо знает: кроме доброго совета, ничем мы помочь не можем. Или, как говорят армейские остряки, "помощь может быть в приказе...".

Роты, в которых мне пришлось побывать, возглавляют толковые командиры, вместе с замполитами они из кожи вон лезут, чтобы как-то разнообразить питание солдат, лучше организовать их службу. Но далеко не все удается.

Самые доверительные, откровенные беседы ведутся в курилке, под вечер. Я рассказываю общую обстановку, делюсь впечатлениями об увиденном в других подразделениях. А потом начинаются вопросы, тут уж без чинов и званий. Тем более, что все

солдаты и офицеры — без формы, в гражданской одежде. С «ам»гого начала пребывания на Кубе рекомендовано обращаться друг с другом по имени и отчеству или просто по фамилии, без воинских званий.

Вот некоторые из вопросов, на которые я, естественно, ответить не смог.

— Почему банку сгущенного молока, которая у нас стоит 55 коп., кубинцам продаем за 18 сентаво, в три раза дешевле? Ради дружбы себе в убыток?

— Мы не лишены права голоса. Но в выборах Верховного Совета и местных советов участвовать не будем. Почему?

— По сей день мы питаемся сушеной картошкой, кашами, консервами. Вокруг зелень, а у нас нет овощей, фруктов, редко дают свежее мясо. Можно терпеть месяц, два, но не семь же месяцев.

— Почему нас обманывают, называя разные сроки отправки четвертого года службы? Будет ли какая-нибудь определенность?

— Весь мир знает, что на Кубе находятся советские войска. Но ни в личном деле офицеров, ни в справках всякого рода запрещен даже намек на выполнение интернационального долга. Пишется: "Находился в правительственной командировке". Где, с кем в прятки играем? Лет через десять я ничем не докажу, что находился не рядом, в Польше, а на том конце земного шара.

Действительно, почему столько "почему"? Я перечислил лишь часть вопросов. Были они о письмах, газетах, взаимоотношениях с местным населением, о том, какой социализм собираются строить кубинцы, будут ли у них колхозы, стоит ли посылать сюда, отрывая от себя, технику, которая не используется, ржавеет... .

* По сообщениям советских газет, на 1990 год Куба задолжала Советскому Союзу 15,490 млрд. руб. Остров зависит от поставок из СССР нефти (ежегодно 12 млн. тонн), удобрений, зерна, машин, бытовой техники. Наш экспортный набор — до 700 позиций. Куба нам дает, главным образом, сахар, цитрусовые, никелевую руду. Мы платим Кубе за сахар приблизительно в три раза выше мировых цен. Ко и за нефть Куба платит выше мировых цен. Но Гавана компенсирует всего до 40 процентов наших сверхрасходов за сахар. Мы даем Кубе для покрытия дефицита в оплате кредит, его возвращение — дело проблематичное. Морской флот укрепил за Кубой около 300 судов. По оценке ЦРУ, "содержание" Кубы обходится Советскому Союзу в 8 млрд. долларов в год. Но оценка завышена. Ближе к истине — 5 млрд. долларов.

За очередной свалкой из старых причудливых коряг и высушенных пней.

После неимоверной тряски мы разгибаемся, окунаем руки в теплую воду. И совсем забываем, что сейчас февраль, по украински — "лютый", где-то на родине дуют холодные ветра, лежит снег. А здесь голубая, безмятежная даль моря, на которой недвижимы рыбацьи лодки, несколько их, вроде бесхозные, дремлют у берега. Вокруг никого. Мы берем одну из лодок с короткими лопатками-веслами. Михайлов отыскал в зарослях деревянное ведро со стеклянным дном.

— А это зачем? — удивился я.

— Сейчас все покажу и расскажу, таинственно улыбается Михайлов. Он рад возможности хотя бы на полдня отойти от повседневных командирских забот, доверил хозяйство замполиту. И сейчас увлечен посвящением меня в древний кубинский промысел. Когда вышли на глубину, окунул в воду ведро, передал мне:

— Теперь смотрите.

Глубина небольшая — до двух метров. И мне сквозь стекло открываются тайны морского дна. Мы уходим от берега, и это дно становится все оживленнее. Под нами проходят стаи рыб, шевелятся водоросли, перебирают клешнями ползающие осьминоги, крабы, видны игольчатые ежи. Вдруг я вижу большую перламутровую ракушку. Это лучший кубинский сувенир, и многие наши ребята уже им запаслись. Я восклицаю от радости находки. Михайлов смеется:

— Теперь ныряйте, овладевайте древним промыслом кубинцев.

Водитель машины, раздевшись, уже промышляет невдалеке, часто ныряет и выбрасывает на берег ракушки-зубчатки, их легко спутать с простым камнем, и будь я поопытнее, уже нашел бы их с десяток. Ныряю с открытыми глазами, легко нахожу ракушку, перебрасываю в лодку. Примерно часа за три на дне лодки уже лежало одиннадцать больших и средних ракушек-рапанов, зубчатых, двухстворчатых, блестяще-перламутровых, черно-красных, в полоску. Правда, вся эта продукция требовала еще обработки. В большинстве ракушек сидели студенистые моллюски, осьминоги, облюбовавшие прочную квартиру. В таких случаях ракушку вываривают в кипятке, а наши технократы научились выгонять "квартирантов" электрическим током.

Возвращаемся в роты полными добычи и богатых впечатлений. Здесь меня ждала телефонограмма с приказом выехать в радиотехническую роту, расположенную у бухты Байя-Онда, на побережье Мексиканского залива.

Бухта известна тем, что в начале века США арендовали здесь военно-морскую базу. Затем вместе с другими мелкими базами выменяли более крупную — Гуантанамо. В бухту, как рассказывали рыбаки, иногда заходят крупные пятиметровые акулы. В прибрежных водах их водится до 44 разновидностей. Местные рыбаки иногда организуют их ловлю. Хотя мясо акулы не вкусное, но из плавников варят уху.

В воскресенье я возвратился в Сан-Мигель, а в понедельник увидел объявление: желающих совершить поездку на сахарный завод, просим записаться. Завод почти рядом, вблизи города Калисео. Упустить возможность посмотреть, как из тростника получают сахар, я не мог.

Уже за несколько сот метров до завода в салоне автобуса слышен ванильно-сладкий запах тростниковой патоки. Им пропитан воздух, что-то липко-сладкое оседает на губах, лезет в ноздри.

Весь завод — в 100-метровой каменной коробке, в торце ее высокая кирпичная труба и место для отходов переработанного тростника.

Идем по технологическому маршруту. Вот транспортная лента подает толстые стебли тростника в барабан, его зубья перемалывают, измельчают массу. Затем она попадает в кипяток, отжимается. Из большого чана льется буро-коричневая патока. После ее сушки получается полукристаллический коричневый порошок — сырье для всего сладкого и горького — от сахара до рома и спирта.

Завод старый, оборудование американское. Мелкие неисправности устраняют сами рабочие, более крупные созданные правительством техническое объединение. Производительность — 1900 мешков в день. Мешок — 70 кг. Порой сбивается ритм завода — не успевают подвозить тростник, на плантациях не хватает рабочих рук.

На заводе 377 рабочих. Они всего четыре месяца перерабатывают сахарный тростник, еще три месяца занимаются ремонтом оборудования. А остальные пять месяцев, исключая, конечно, отпуска? Раньше людей просто увольняли и каждый год наби-

рали снова. Сейчас на острове стараются так наладить уборку тростника, чтобы конец сафры в одном районе совпадал с ее разгаром в другом. И туда едут рабочие завода на помощь.

Минимум зарплаты — 4,06 пессо в день, есть прогрессивка. Но начальник цеха получает тысячу пессо в месяц. На Кубе осталось не так много технических специалистов сахарной промышленности. И ими здесь дорожат.

Выход сырца — 10 процентов от массы тростника. Сам тростник — чудо природы, основная сельскохозяйственная культура на Кубе, а сахар — основной продукт ее экспорта. Тростник — культура многолетняя, после ее посадки через год-полтора можно в течение десяти лет собирать урожай. Мне говорили, что можно растянуть такой сбор и до 25 лет, но качество тростника, его сахаристость заметно снижается, убирают тростник почти полностью вручную, с помощью длинного и тяжелого ножа для рубки — мачете, сейчас уборка механизуется.

Знакомлюсь с Мигелем Фуяна, техником. Ему лет под шестьдесят, жилистый, коричневый словно прожаренный солнцем и пропитан соками сахарного тростника. Лет 20 трудится на этом заводе. Раньше он принадлежал американской компании. Мигель Фуяна сообщает, что продукция завода поступает в Советский Союз. И это — "муй бьен" — очень хорошо, русские товарищи хорошо платят. Действительно, по инициативе советского правительства мы покупаем кубинский сахар-сырец по ценам, выше сложившихся на международном рынке.

Мне хотелось бы еще о многом узнать, расспросить, но мои друзья-экскурсанты, за полчаса осмотрев завод, поспешили в автобус. На обратном пути мы обсуждали увиденное. Когда я сообщил, что в заводской лаборатории работает всего два человека, а вся администрация состоит из директора, главного механика и бухгалтера, кто-то заметил: "У нас обязательно набралось бы десятка два начальников". "Ничего, при социализме и в кубинцев это будет", — заметил с улыбкой один из офицеров штаба. И мне вспомнилось услышанное в Гаване. В советском военном госпитале вместе с нашими медсестрами работали и кубинские. Но заработная плата кубинок значительно выше и они удивлялись — почему так? Одна из наших медсестер то ли в шутку, то ли всерьез ответила: "Вот постройте социализм, узнаете". Для многих из нас было открытием узнать: на западе труд не только

врача, инженера, писателя, учителя, но и простого рабочего оплачивается гораздо выше, чем у нас. Речь идет, конечно, о сопоставимых ценах, возможности приобретения товаров на зарплату. На Кубе я впервые узнал, что американский солдат получает больше нашего... генерала. И опять же в сопоставимых ценах. Второй оклад наших офицеров (без воинского звания) во время пребывания на Кубе кажется жалкой подачкой. Солдаты и того не получали, выполняя интернациональный долг.

17 февраля получил пачку писем от родных и близких. Друг М. Олейник пишет с Чукотки, из того гарнизона, в котором я служил всего четыре года тому назад. "Взгляни на карту, мы сейчас с тобой с двух сторон окружили американский империализм, — как всегда, с юморком, сообщает Миша. — Вот-вот сомкнем фланги". Я не утерпел, взглянул на карту. От Кубы до Чукотки через Северную Америку, кажется, не так далеко.

Помню, как наши истребители-перехватчики часто поднимались по тревоге, отгоняя американские самолеты-разведчики, вылетающие из баз на Алеутских островах. Долго ли еще будет это противостояние? Долго ли мы будем пугать друг друга: одни — коммунизмом, другие — империализмом? Вот уже прошло почти двадцать лет после войны, а я не знаю ни дня, ни недели, чтобы смог снять ремни, забыть номер пистолета, не помнил о боевой готовности. Знакомый командир дивизиона как-то с горечью заметил: "Когда уволюсь, не знаю, смогу ли жить без тревог. Месяцами не уезжаю из военного городка". Что ж, мы люди военные, нашими тревогами покой страны держится... Об этом, впрочем, я не раз сам писал в газете.

Есть приятная новость: командир дивизии полковник Мелехов включил мою фамилию в список для первоочередной отправки в Советский Союз. Только когда это будет — неизвестно.

Американские разведчики открыто летают над Кубой днем и ночью, бредущими проходят над нашими военными городками и позициями. Военные корабли США стоят в нейтральных водах у берегов Кубы, прощупывают ее лучами локаторов. На днях я был в одном из береговых дивизионов и мог в бинокль наблюдать за американским военным кораблем, стоящим километрах в пятнадцати-двадцати от берега. Для дальнобойных орудий это не расстояние.

А на Кубе все чаще идут дожди.

КУРСОМ НА РОДИНУ

19 февраля всем новостям новость — меня назначают замполитом команды уволенных в запас воинов, которые в ближайшее время будут отправлены в Советский Союз теплоходом. Начальником команды назначен майор В.Угольков, мой хороший знакомый из штаба дивизии. Он сообщил — отправка намечена на 28 февраля из Сьенфуэгоса. Но пока что списки отъезжающих уточняются и в ближайшие два-три дня все решится окончательно.

Сегодня к нам в Сан-Мигель заехал корреспондент "Правды" по Латинской Америке Тимур Гайдар, невысокий, плотный, подвижный, чуть валяжный. Собирает материал о действиях контрреволюционных сил на Кубе. Мы познакомились. Тимур предлагал заезжать к нему в гаванский корпункт, дал адрес и телефон. Но серьезного разговора не получилось, все на ходу. Чувствуется — корреспондент "Правды" — не чета нашему провинциальному, тем более армейскому газетчику, у него авторитет, возможность получить нужную информацию, которой Тимур Аркадьевич буквально переполнен. Он побывал в большинстве стран Латинской Америки. И я спросил, почему он об этом не напишет книгу.

— Всему свое время, старик... — ответил Тимур. — Пусть все успокоится...

25 февраля я уж был в Сагуа-Ла-Гранде — небольшом городке на побережье Атлантики. Здесь мы формируем команду для отправки домой... Завтра погрузка на "Слуцк" — грузопассажирский теплоход, который на рейде бухты Сьенфуэгос догружает трюмы тростниковым сахаром-сырцом.

У солдат радостное, возбужденное настроение. Расспрашивают меня о корабле, в какой порт Советского Союза пойдём — балтийский или Черноморский? А может, махнем через Тихий океан, во Владивосток? Но тогда далеко добираться домой, большинство ребят с Украины, есть из Кавказа, Поволжья.

Сообщаю — порт назначения Одесса. В ответ "Ура-а!" Продукты получаем на 25 суток, но путь рассчитан примерно дней на 20. Теплоход "Слуцк" имеет среднюю скорость 18 узлов в час, и если не будет штормов-ураганов... Потому что март — сварливый месяц для северных 30 — 40-х океанских широт.

Вчера я провел ночь на "Слуцке", познакомился с капитаном, помполитом, главным механиком, выяснил обстановку с размещением, питанием нашей команды.

Волной катится слух о массовом выводе советских войск из Кубы. Из неофициальных источников стало известно: советский посол в США Добрынин информировал президента Кеннеди о принятом Советским правительством решении вывести из Кубы наши войска двумя этапами. Первый закончить до 15 апреля, второй — осенью после обучения кубинской армии владению нашими боевой техникой и оружием.

В Сенате США "бешенные" развернули активную кампанию за усиление военной блокады Острова Свободы. Поэтому Кеннеди поспешно собрал пресс-конференцию и сообщил журналистам о заявлении советского посла. Здесь же — Кеннеди впервые сообщил о принятом администрацией США решении вывести наземные ракетные установки, нацеленные на СССР, из Турции, Греции и Италии. Но в Средиземном море будут курсировать подводные лодки с ракетами типа "Поларис". На Кубе продолжается создание единой политической партии, продолжается саффа, работают на полную мощность сахарные заводы.

Наш "Слуцк" должен загрузить в свои трюмы свыше 100 тысяч мешков тростникового сахара-сырца. Его рафинировать будут на советских заводах.

Стоят жаркие дни. Прощальным взглядом смотрю на высокие пальмы, желтеющую саванну, оголенные после рубки тростника плантации, на стайки голопузых негрят на улицах небольших городков, крестьянские хижиньки-сарай, красивые виллы в апельсиновых и банановых рощах, на поток автомашин почти всех марок мира, на бары, в которых продают в сорокаграммовых чашечках свежесваренный душистый кофе, гуталин для обуви, белый хлеб и сигары "Упман". Прощай, Куба! Вряд ли когда-нибудь еще увижу тебя. Но помнить буду всегда семь месяцев, проведенных на твоём острове.

Еще в Сан-Мигеле и Гаване простился с друзьями, в том числе с Виталием Комарницким, земляком и школьным товарищем. Куба отчетливо проявила характеры многих людей, которых я лично знал и с которыми прошел дальний рейс, карибский кризис. Большинство среди них — офицеры с высоким чувством воинского долга. Но были и такие, которые в обычной обстановке могли толкнуть хорошую речь, а встретившись с трудностями, опасностью, оказывались нытиками. Я не стану это иллюстрировать примерами, чтобы не ошибиться в оценке.

26 февраля кубинский сторожевой катер доставил нашу команду — 120 человек на борт "Слущка". Владимир Угольков сразу был удостоен звания "сотника", я при нем — дьяка Гаврилы, комиссара. На "Слущке" команда 46 человек. Приняли нас хорошо, доброжелательно.

Под вечер к борту корабля подъехал катер. На нем — командир дивизии полковник СИ. Мелехов, начальник политотдела полковник А.Д. Жданович. И дорогой; мой Евгений Василевич. Он сразу сообщил:

— Шеф, тебе медаль не положена, оставляешь нас один на один с империалистами.

— Женья, скоро я тебя буду встречать в Киеве.

— Вряд ли скоро, — лицо Оводкова накрыла тень. — Командир возвратился из Гаваны, сообщает: все прежние планы и сроки пущены под откос. Остаемся до осени: обучение, боевое дежурство. Что-то снова зачатила политическая кухня.

Сегодня в кают-компании слушал по радио речь Н.С. Хрущева на предвыборном собрании в Москве. Никита Сергеевич заявил о том, что "бешенные" сенаторы при молчаливом согласии администрации готовят новую агрессию против Кубы. Но Советский Союз не оставит Остров Свободы в беде. Нападение на него может вызвать мировую войну.

Вот и ответ на невеселые новости Оводкова.

А. Д. Жданович, судя по его внешнему виду, чувствует себя плохо, ему бы в госпиталь, домой. Но Анатолий Доминикович — настоящий комиссар, жмет друг другу руки.

— Не забудьте книгу подарить, — напоминает начальник политотдела. — Мы с вами немало поездили по острову, материала должно хватить...

Генерал Мелехов отдает нам с майором Угольковым последние указания.

— Вас будут сопровождать американцы — с воздуха и в море. Смело идите вперед, капитан получил соответствующие инструкции.

В полночь на 28 февраля снимаемся с якоря, через узкую горловину бухты выходим в Карибское море, берем курс в сторону Гаити.

1 марта вышли в открытое море, встретило оно нас небольшим штормом, волны бьют по скулам корабля, забрасывают воду до шлюпочных надстроек. Зазевавшись, я тоже получил свою порцию морской воды. Матросы смеются: "С крещением!"

Как только начался день, прямо на "Слуцк" пошел американский морской разведчик "Нептун". А затем, сменяя друг друга, облетывали нас несколько гидросамолетов, вертолетов, один из последних прямо завис над палубой. В проеме дверей сидел негр-солдат с автоматом в желтом спасательном жилете и, опираясь на предохранительную цепочку, курил, пытаясь сбросить пепел на палубу.

"Академик Зелинский", шедший впереди нас, передал радиогаммой: над ним постоянно висят американские самолеты, вблизи находятся военные корабли.

Помполит Николай Сергеевич Быков, в каюте которого я поселился, слушает радио на английском языке. Сообщает: министр обороны США Макнамарра на пресс-конференции заявил: "Мы не позволим советским военным частям поддерживать режим Кастро, и ничто не помешает нам его ликвидировать".

Знакомлюсь с солдатами. Вместе с Н. С. Быковым рассказали о поведении на корабле, особенно в момент шторма, других сложных ситуациях, необходимости поддерживать воинскую и морскую дисциплину и организованность, в случае необходимости помогать команде. Полновластный хозяин на корабле — его капитан Николай Андреевич Ващенко.

1 марта. На рассвете по левому борту проявились пунктирные огни далекого города. Это Гуантанамо, военно-морская база США. Она держит под контролем всю южную часть Кубы. И сразу к нам направились летающая лодка и сторожевой катер. С мостика катера в мегафон несколько раз на ломаном русском языке звучал запрос: "Что везете, "Слуцк"? Не вступая в связь, мы идем своим курсом. Минуя Наветренный залив между Кубой и Гаити (хорошо видны гористые берега этой страны), выходим в открытую Атлантику. Ожидается шторм. Волны уже гуляют по палубе. В трюме 11 180 тонн сахара-сырца. Нос тяжело-груженого корабля то глубоко зарывается в воду, то на десяток метров поднимается вверх, затем тяжело опускается, поднимая по бокам огромные столбы воды. Судя по поведению команды и ее капитана, все идет нормально. Хотя моя команда уже начинает "травить".

Удалось дать телеграмму жене с вестью о возвращении домой.

На капитанском мостике стоит молчаливый сосредоточенный капитан Ващенко, с биноклем на груди. Он "нюхает" погоду, подает короткие реплики-команды. Уже в возрасте, сухощавый, Николай Андреевич побывал в десятках портов мира, избородил моря и океаны, его можно назвать настоящим морским волком.

Хотя внешне он ничем не напоминает традиционную фигуру такого волка, не носит бороды, не курит люльки, не отличается плотным телосложением. Наоборот, худощав, высок, скромн и чаще всего молчалив. Иногда чертыхается в адрес этих нахалов янки.

Весьма оригинальная и достопримечательная фигура на корабле старшего механика Анатолия Васильевича Грязева. У него примечательная и трудная морская судьба. В 1940 году был захвачен французами в Сайгоне, 11 месяцев провел на каучуковых плантациях.

3 марта в стране день выборов в Верховные Советы Республик и местные советы. Накануне мы с В.В. Угольковым забеспокоились: как быть с нашим участием в выборах? Указаний никаких нет. А солдаты ропщут: "Мы что, не советские"? Надо запросить Москву. Так и сделали. В полночь на второе марта получили ответ: "Всем, находящимся на борту, принять участие в голосовании". Капитан и помполит схватились за голову. Я вначале не понял их тревоги. Н. С. Быков разъяснил:

— Вас 122 человека, нас 46. Голосовать будем вместе. Вдруг кто-нибудь из ваших голоснет против кандидатов в депутаты. Пятно падет на команду. Вы знаете, как подбирают людей в загранку?

Теперь до меня "дошло". И я срочно собрал на верхней палубе (океан уже успокоился) своих избирателей, откровенно рассказал о ситуации, сообщил, что предстоит голосовать вместе с одеситами за их кандидатов.

— Ну, как, товарищи, отдадим свои голоса за кандидатов блока коммунистов и беспартийных?

— Отда-ади-им! — дружно и даже весело звучит ответ,

— Все сто процентов будут "за", — заверяют.

И, действительно, когда вскрыли урны, все 168 бюллетеней были "за". О чем и сообщили в Одессу шифровкой. Ребята довольны: впервые в жизни участвовали в выборах в далекой Атлантике. А то, что не знали ничего, кроме фамилии да краткой биографии, о своих кандидатах, что голосовали скорее механически, чем осознанно, все это в угоду традиции. Так принято.

Нас уже трепал шторм, корабль то бросало в пучину, то поднимало на гребень волны. И временами казалось — все, сейчас разломится... Но пляска продолжалась. По сжатым челюстям капитана, его частым, отрывистым, вроде злым командам догадываюсь — штормяга не шуточный даже для привычных к

ним моряков. А как солдатам-пехотинцам? Почти все они лежат покато в ленкомнате, подсобных помещениях. Не слышно шуток. Мой "сотник" Володя Угольков держится на ногах, я тоже. "Вас бы в нашу команду", — говорит помполит. Я лежу у него на диване, выбираю положение, чтобы ноги и голова были направлены к бортам.

Но часто оказываюсь, то вниз головой, то в сидячем положении.

Встретили стайку дельфинов. Они выскакивали из воды, на мгновение зависали в воздухе и снова ныряли в волны.

Когда все утихомирилось, засияло солнце, мы с командой наводим порядок на палубах. Вахтенные нашли несколько летучих рыб, на фальшбортах висят зеленые водоросли.

Несмотря на кажущееся однообразие, океан не утомляет. Смотришь, как он движется, дышит, постоянно меняет свой лик, и начинаешь понимать истинных моряков, которые не променяют свою профессию ни на одну земную. Под нами — пятикилометровая глубина, в корабле вместе с грузом 17 тысяч тонн, и только по законам природы все это держится на плаву.

Прошли левее острова Мадейра. Всего на нашем пути 11 проливов, 5 морей и один океан. От Сьенфуэгоса до Одессы — 6350 миль.

На двенадцатые сутки входим в Гибралтарский пролив. Здравствуй, Европа!

Слева — английская военно-морская база. Анатолий Васильевич Грязев, с которым я часто и подолгу беседую, "оживляет" многие места. Показывает на огни африканского города Сеуты, сообщает: отсюда мятежный генерал Франко в 1936 году передал испанской пятой колонне сигнал для выступления: "Над Испанией чистое небо". Мы размышляем об испанском диктаторе, французском президенте де Голле, британских колониях, итальянском сапоге, мокнущем вместе с американскими базами в Средиземном море. У Анатолия Васильевича оригинальная, часто далекая от официальной, оценка событий в мире. Старый моряк побывал во многих странах мира, может сопоставлять и сравнивать жизнь нашу и "там". Выводы делает часто не в нашу пользу. И мне непривычно это слышать. Я долго был убежден, что у нас все лучше, чем у них. Правда, Куба во многом поколебала уверенность в правильности наших генеральных линий...

Средиземное море похоже на центральную городскую магистраль, только вместо потока автомашин здесь курсируют сотни,

тысячи кораблей — от авианосцев и крейсеров до обычных пахатей моря, перевозящих грузы.

Чувствуется похолодание, в рубашке-безрукавке на палубу уже не выйдешь. В Европе начинается весна, море хмурое, пенистое, часто рябит.

Гавана, площадь Революции. Январь 1963 г.
Среди кубинских друзей.

Много времени провожу в кают-компании, интересно слушать моряков за вечерним чаем.

— Когда мы были в Кейптауне...

— Помнишь Марсель? Интересная случилась там история...

— У Цейлона нас штормяга прихватил, вот это трянуло...

— А это было в Японии, в Иокогаме...

Я потом в каюте записываю эти истории. В них очень много не просто интересных событий, но наблюдений, сравнений, оценок. И морского юмора. Для моряков "загранки" географическая карта мира, вроде плана большого города. На ней не маршруты городского трамвая, а рейсы между портами двух материков. Моря — большие площади, улицы — проливы, переулки — бухты. Далекie страны — окраины всемирного города.

С утра до вечера почти не ухожу с палубы, рассматриваю европейское побережье, убегающие вглубь его дороги, большие и маленькие населенные пункты, горы и скалы, места древней цивилизации. Живущие там люди после того, что могло произойти

на Кубе, мне кажутся повязанными одной судьбой. Но пока еще ненадежная нить мира. Не дай бог ей оборваться.

Начинаем готовиться к высадке "десанта" на родных берегах. "Слуцк" прошел Дарданеллы, Босфор, позади огни Стамбула. 17 марта в Черном море нас встретила настоящая зима, идет снег. Корабль покрылся ледяной броней — от веревочных снастей до крышки твиндека. А волны захлестывают на палубу, увеличивая ледяную корку.

Капитан судна, вахтенные штурмана в теплых бушлатах, валенках и бурках. Идем в тумане. Через каждые две-три минуты воет гудок-сирена "Впереди-стерегись!"

Утром часы перевели на московское время. Прояснился горизонт, приближаются родные берега.

На 18-е сутки "Слуцк" вошел в Одесский порт. Солдаты сходили на берег, становились на колени и целовали родную землю. Советские волонтеры возвратились домой!

ГДЕ ЖЕ ВЫ СЕЙЧАС, ДРУЗЬЯ-ОДНОПОЛЧАНЕ?

За последние годы воины-кубинцы стараются наладить связи, разорванные с распадом Советского Союза. В Москве создана Межрегиональная ассоциация воинов-интернационалистов. Группа ветеранов-кубинцев в ней насчитывает до 15 тыс. человек.

В Украине проживает свыше двух тысяч участников Карибского кризиса. Они объединены в Союз воинов-кубинцев. Наибольшие их организации в Киеве, Харькове, Виннице, Днепропетровске, Одессе, Симферополе, Евпатории, Керчи, Ромнах, Кривом Роге, Сумах, Ахтырке, Львове и других городах Украины. Одним из первых инициаторов создания в Украине Союза воинов-кубинцев был полковник в отставке Владимир Петрович Рахнянский. В оперативном управлении группы войск на Кубе он занимался расчетами ракетных ударов по объектам на территории США. Последние годы организацией руководит генерал-полковник Михаил Алексеевич Лопатин, на Кубе он был офицером наведения в зенитно-ракетном дивизионе.

В 1990 г. всем бывшим военнослужащим, пережившим Карибский кризис, вручены Грамоты Президиума Верховного Совета СССР и нагрудный знак "Воин-интернационалист".

Государственный Совет Республики Куба наградил защитников Острова Свободы боевой медалью "Воин-интернационалист I-й степени". В постановлении Госсовета о награде сказано. "В знак признательности их выдающейся самоотверженности, решительной деятельности в оказании интернациональной, бескорыстной помощи Революционным вооруженным силам на протяжении первых лет после победы Кубинской Революции, внесших неоценимый вклад в дело укрепления обороноспособности нашей страны".

Многим воинам-кубинцам награды вручали лично послы Республики Куба в Украине Серхио Лопес Бриель, Хосе Дионисио Переса Чапо.

Киевская организация воинов-кубинцев, организации в других городах Украины часто проводят встречи боевых друзей, постоянно интересуются жизнью Кубы, обсуждают ее проблемы. На этих встречах можно услышать и слово горечи и обиды о пренебрежительном отношении правительства Украины к участникам Карибского кризиса. Им вначале было отказано в праве называться участниками боевых действий. При этом

приводился довод — на Кубе, мол, не было войны. Не дай Бог, если бы она была! Хотя по всем данным, исходя из критериев и оценок Великой Отечественной войны, группировка советских войск на Кубе с июля 1962 года по ноябрь 1963 года относится к действующей армии. Фронт, на котором не велись активные действия, порой играл не меньшую роль, чем тот район, где гремел бой. В конце концов справедливость была восстановлена - все бывшие воины-кубинцы получили статус участника боевых действий и соответствующие льготы.

...Сейчас в военных академиях многих стран тщательно изучается и анализируется военно-стратегическая операция "Анадырь". Она явилась образцом высокого военного искусства, которого до этого не знала ни одна армия мира. Только Советскому Союзу оказалась под силу такая операция.

За последние почти сорок пять лет многие ветераны Вооруженных сил, пережившие Карибский кризис, особенно старшее поколение, ушли из жизни. С каждым годом становится все меньше тех, кто сможет вспомнить, рассказать об октябре 1962 года, пережитом на Кубе, о знаменитых морских и океанских переходах. Настанет тот момент, когда седой ветеран скажет: "Нас было почти 50 тысяч... Остались единицы"... И пусть эта книга-воспоминание расскажет последующим поколениям о жизни и делах их славных предков.